Ф. ВИТТЕЛЬС

ФРЕЙД

ЕГО ЛИЧНОСТЬ УЧЕНИЕ И ШКОЛА

„Не только самое низменное, но и самое возвышенное в человеке может быть бессознательным".

З. Фрейд

Ф. Виттельс

ЕГО ЛИЧНОСТЬ УЧЕНИЕ И ШКОЛА

Государственное
Издательство
Ленинград
1925

Ф. ВИТТЕЛЬС

ФРЕЙД

ЕГО ЛИЧНОСТЬ УЧЕНИЕ И ШКОЛА

Ленинград
„ЭГО"
1991

ББК 87.3
В54

Художник Г. В. Смирнов

В $\frac{0301030000 - 436}{183 (2) - 91}$ без объявл.

ISBN 5-7042-0433-3

ФРЕЙДИЗМ И БУРЖУАЗНАЯ ИДЕОЛОГИЯ

(Вместо предисловия к русскому изданию)

I

Как известно, в настоящее время учение Фрейда — фрейдизм — получило широкое распространение и вызывает к себе громадный интерес. Многие ожидают от него чуть ли не обновления мира. Такое отношение к фрейдовскому учению есть полная противоположность тому, что мы могли наблюдать во время первых выступлений Фрейда в конце 90-х годов минувшего века. Тогда, наоборот, Фрейд встречал не признание, а грубые нападки и, в лучшем случае, молчаливый бойкот. Получивший ныне такую — можно без преувеличения сказать — мировую известность ученый, ставший чуть ли не апостолом нового евангелия, подвергался тогда гонению и издевательствам и в полном одиночестве готовил свои первые открытия в области психоанализа. Такая резкая перемена в отношении так называемого «общества» к Фрейду есть факт громадного значения. Он показывает, что, во-первых, само европейское общество за последние двадцать лет пережило глубокие изменения в своих воззрениях, а во-вторых, что учение Фрейда претерпело необходимое воздействие окружающей среды и видоизменилось не только в отношении своего влияния, но и в самой своей сущности. Ибо торжество Фрейда доказывает не только победу его научной теории в общем развитии науки. Оно есть также признак известного слияния его учения с идеологией буржуазного общества, что необходимо включает в научную доктрину известные идеологические и классовые принципы.

Мы не останавливаемся здесь специально на изложении учения Фрейда. В предлагаемой книге Фрица Виттельса основные пункты этого учения намечены достаточно полно. Для интересующихся в настоящее время имеется на русском языке целая «психологическая и психоаналитическая библиотека», изданная Государственным Издательством под редакци-

ей проф. И. Д. Ермакова, куда включены не только важнейшие произведения Фрейда и его ближайших последователей, но также некоторых «диссидентов» или даже «ересиархов» психоанализа вроде Адлера и Юнга. Отметим, кстати, что и Виттельс принадлежит к тем ученикам Фрейда, которые отошли от своего учителя и заняли по отношению к нему более или менее критическую позицию. Нам важно выяснить здесь не столько научную, сколько **социально-идеологическую сторону учения Фрейда.** Она представляет для нас тем больший интерес, что, будучи некоторым поворотом буржуазной идеологии в новую, любопытную сторону, эта теория в то же время заключает в себе слишком много крупных научных открытий, чтобы мимо нее могла пройти без внимания наша новая наука, которая стоит на основе строгого монизма и материализма. И если пролетариат, в лице своих научных представителей, сумел не раз использовать даже философов-идеалистов в целях получения новых данных для своего материалистического мировоззрения, то тем более серьезно должны мы отнестись к фрейдизму, глубоко ценные научные истины которого одобрены в настоящее время идеологией европейского «заката».

Остановимся прежде всего на том времени, когда Фрейд выступил со своими основоположениями и оказался, как мы уже видели, в «блестящем одиночестве». Это было время, когда он с большой наивностью впервые сделал доклад в Венском Обществе врачей-специалистов по вопросу о практическом значении сексуального момента. Тогда молодого ученого сразу же окружили пустота и зловещая тишина. Он почувствовал себя человеком, который, по выражению поэта, «нарушил покой мира». И хотя он нашел в себе готовность подвергнуться общей участи непризнанных основателей научных теорий, все же не совсем легко далась ему эта жизнь «Робинзона на необитаемом острове», уверенного в том, что «при его жизни наука не обратит никакого внимания на него, и, может быть, лишь несколько десятилетий спустя кто-либо другой неизбежно натолкнется на те же самые, пока еще несвоевременные явления, добьется их признания и, таким образом, воздаст ему честь, как предшественнику, по необходимости потерпевшему неудачу». Как сообщает сам Фрейд в своем «Очерке истории психоанализа» («Психологическая и психоаналитическая библиотека», выпуск 3-й. «Основные психологические теории в психоанализе», 1923 г.), его спасло от озлобления лишь то обстоятельство, что как раз его теория

прекрасно объясняла эту необходимость гонений со стороны здоровых, каковую он не раз обнаруживал в ожесточенном «сопротивлении» больных их излечению. «Сопротивление» здоровых привело, однако, к тому, что «Толкование сновидений» было готово в существенных частях еще в начале 1896 г., а напечатано только летом 1899 г.; «История лечения Доры» была закончена еще в конце 1899 г., а опубликована только в 1905 г. Общее же отношение к нему в кругу врачей было «отрицательным, проникнутым чувством презрения, сострадания или превосходства»; о нем обыкновенно отзывались, что он «слишком мудрит, впадает в крайности, рассуждает очень странно». Так обстояло дело до 1907 г.

Подобное отношение к теории Фрейда, как это подтверждает и Джонс («Терапия неврозов», 20-й вып. упомянутой библиотеки), было совершено естественным вследствие самого содержания фрейдовских открытий. С одной стороны, **Фрейд сокрушал предрассудок о разумной, сознательной и рациональной деятельности своих современников, с другой — он вскрывал глубоко затаенные психические процессы, связанные с сексуальностью и особенно с сексуальностью детской или инфантильной.** Для того, чтобы понять значение учения Фрейда для буржуазной идеологии, надо представить себе основное содержание тех предрассудков, которые царили прежде, а в значительной степени господствуют и сейчас в классовом обществе, основанном на товарно-капиталистическом производстве. Эти предрассудки возникли с момента появления торгового капитала, сопровождали собой все развитие частного капитализма и дали обширную надстройку морального и правового характера. Это — то воззрение, которое было блестяще выражено идеологами буржуазии еще в XVII и XVIII веках и практически удержалось, несмотря на громадные успехи естествознания, до последнего времени. Это — воззрение на общество как на соединение разумных индивидов, сознательно познающих закон природы и рационально организующих свое поведение, облекая его в безошибочные и строго разумные формы. Несмотря на учения таких мыслителей как Ляйэлль, Дарвин, Спенсер и другие столпы естествознания, буржуазное общество до сих пор практически держится за призраки разумной и сознательной личности, направляющей все силы рациональной воли на удовлетворение материальных интересов особи, на достижение этим путем «величайшего счастья наибольшего количества людей». Именно такая личность, под влиянием природных потребностей,

вступает в борьбу со всеми другими личностями и посредством осуществления своих эгоистических стремлений накопляет богатства, создает хозяйственный подъем, содействует счастью человечества и становится творцом нравственного, гуманного и цивилизованного общения, идущего по пути непрестанного прогресса. Именно такой человек заключает сделки на бирже, обнаруживает свою волю в правовом акте, передает «культуру» дикарям и, в случае совершения проступка или преступления, несет личную ответственность перед общественным судом.

Одним из ярких признаков разложения буржуазного общества является тот факт, что целый ряд ученых выступил с теорией бессознательного поведения людей. Этим был нанесен тяжелый удар великому самообольщению разумного, сознательного и рационально действующего индивида. Царственный «дух» или не менее державная «идея» должны были не только уступить место какому-то иному — даже материальному — процессу, но и обнажить свои собственные устои перед лицом стихийной бессознательности, темного инстинкта, невежества, массового внушения и стремления к подражанию.

Этим путем и пошел ряд социологов и психологов; их спасение заключалось в том, что по существу никто из них не дал твердого научного анализа подсознательной или бессознательной жизни человека, а потому, в конце концов, им удался весьма любопытный маневр: бессознательное как бы нашло живое воплощение в «толпе» или «массе». Эта «масса», в свою очередь, очень скоро была отождествлена с так называемыми «низшими» классами, чернью и подонками общества, с которыми незаметно сливался и «наш добрый народ» в образе «святой сволочи» (la sainte canaille). Особенно хорошо удался этот маневр Лебону, который в «психологии социализма» изобразил торжество такой бессознательной массовой души, заключенной в скопище бандитов и убийц. В результате произошло необходимое расслоение. И если разумный человек оказался упраздненным, как универсальная категория общественного человека, и уступил место некоторому «бессознанию», то это произошло путем надлежащего перемещения, с одной стороны, разума, а с другой — бессознания или темного инстинкта: разум оказался наверху, там, где действует буржуазия, бессознание же переселилось вниз, туда, где живет и работает трудящийся и пролетарий.

Последующим этапом в деле отказа от прежней идеологии явился переход буржуазии к более или менее полному при-

знанию господства бессознательного начала в частной и общественной жизни человека. Этим, накануне империалистической войны и революционных потрясений, буржуазный «разум» как бы слагал с себя всякую ответственность за события и уходил в глубину какой-то особой психической тайны. Появился целый ряд социологов и психологов, которые провозгласили главенство бессознательного не только по отношению к массовому человеку низов, но и человеку вообще, в том числе и человеку буржуазии. Яркими примерами здесь могут служить теории Джэмса и, в последнее время, Мак-Даугола. Казалось бы, подобный переход должен был привести непосредственно к материальным предпосылкам такого бессознательного психологизма, и, следовательно, с одной стороны, через физиологию и биологию, а с другой — через экономику, необходимо должен был утвердить материалистический монизм. Но на такой шаг буржуазная мысль не могла решиться. Она ушла целиком в исследование «психического». И последним пределом, которого она достигла в этом направлении, был психоанализ Фрейда. Буржуазное общество долго сопротивлялось, прежде чем приняло его теорию. Но события последнего времени принудили общественную мысль сделать этот шаг, и не только сделать его, но и закрепить, как последний этап и, вместе с тем, как некоторый оплот против угрожающего со всех сторон «воинствующего материализма».

Еще за семь лет до империалистической войны к Фрейду примкнули отдельные ученики и приверженцы. Это было лишь началом громадного движения. Не столько при помощи венских научных и общественных кругов, сколько при содействии Швейцарии и других стран создается неуклонно растущее влияние Фрейда в области научной мысли. Вместе с тем, выплывает и другая черта, которая, по свидетельству самого Фрейда, была отмечена одним из его врагов. Как рассказывает об этом Фрейд, один врач, прослушав курс его лекций, «сравнил его научную систему, как он ее понял, по твердости ее внутреннего остова, с католической церковью». Мы думаем, что этот врач довольно верно определил эмоциональный состав, пронизывающий этот научный остов. Психоанализ, основанный на узах симпатии между врачом и пациентом, не в меньшей степени обладает «симпатическим» привкусом и для объединяемых им последователей и учеников. Сексуальность, как особое и напряженное внимание в сторону эротики, несомненно отразилась известным образом и на самих психоаналитиках. А так как сексуальность есть ближайшая основа

мистицизма и церковности, то и научная школа Фрейда, поскольку она стала идеологическим фактором для гибнущей буржуазии, приобрела, благодаря своему тяготению к эротике, некоторые черты подлинной церковности. Недаром Виттельс описывает в предлагаемой книге переход научного психоанализа к философской «метапсихологии», смену врачей, клиницистов и физиологов различными философами и превращение общества психоаналитиков в подлинную церковь.

Вот что говорит по этому поводу Виттельс: «Члены психоаналитического кружка занимаются слишком много метапсихологией и при этом, как и можно было опасаться, сбиваются на путь схоластики. Обычный естествовед лишь с трудом может следовать за ними. В конце концов их труд в большинстве случаев вознаграждается плохо. Фрейд возводится в полубога или даже в целого бога. Его слова не подлежат критике. У Задгера мы читаем, что «Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie» — библия психоаналитиков. Это гораздо более, чем оборот речи. Я заметил, что ученики Фрейда, по мере возможности, взаимно аннулируют свои работы. Они признают только Фрейда, мало читают и почти никогда не цитируют друг друга. Более всех цитирует их сам Фрейд. Все хотят быть вблизи Фрейда. Медицинский элемент отошел на задний план. Доминируют философы». Если прибавить к этому, что в Америке и англосаксонских странах учение Фрейда породило настоящую массовую эпидемию — «фрейдоманию» (Freud-craze), то мы поймем, **что научная теория Фрейда целиком приобрела идеологические формы** и послужила фундаментом, на котором воздвигается новая церковь.

II.

Перерождение теории Фрейда в своего рода спасительное учение новой церкви, конечно, нисколько не препятствует нам, во-первых, выяснить его подлинные материалистические корни, следовательно, и его научные основания, и, во-вторых, после отделения идеологической примеси использовать все ценное, что дает фрейдизм для материалистического учения об обществе, выдвинутого современной теорией исторического материализма. В одном отношении идеологическое извращение теории Фрейда нам служит на пользу: оно чрезвычайно ясно показывает ту линию, по которой шло превращение научной теории в идеологическое учение буржуазии. Стоит лишь

уяснить себе, чего именно добивалась буржуазия, соглашаясь на признание фрейдовской теории и стремясь к ее идеологическому использованию.

Для этого нужно только представить себе положение буржуазного общества в течение последних десятилетий. Все прежние ценности оказались негодными. Нужно было перейти к какому-то новому мировоззрению. Вместе с тем, учитывая современное состояние знания и просвещения, необходимо было найти исходную точку в каком-нибудь научном или наукообразном положении. К подобному фундаменту предъявляются два особых требования: он должен быть возведен на социальном базисе, а с другой стороны, он ни в каком случае не должен совпадать с тем пагубным материалистическим учением, какое использовано большевиками для грубого переворота и сокрушения всех пресловутых культурных ценностей, начиная с частной собственности и кончая либеральной и гуманитарной моралью. Следовательно, буржуазии понадобился идеализм, построенный на реальной почве социальных условий, проникнутый научностью, т. е. строгим позитивизмом, вытекающий из научного эксперимента, но, вместе с тем, такой, который обошел бы подводные камни классовой борьбы и ненависти и слил человечество в одно единое целое, проникнутое всеобщим началом. Более того, подобная теория должна служить подкреплением для мечты, которая не раз провозглашалась либерально мыслящими материалистами: это — то царство любви, солидарности и единения, которое составляет буржуазный привесок у Фейербаха, сияет в качестве идеала промышленного общества у Спенсера и сулит всеобщее блаженство рая социократии Уорда. Такие требования сразу предопределяют судьбы фрейдизма. Ему должны быть присущи, во-первых, **строго научные и материальные основы** и, во-вторых, **идеалистическая надстройка.** Определить линию, разделяющую эти две друг другу противоречащие части, не составляет особенного труда.

Учение Фрейда исходит из разделения психической жизни на бессознательную и сознательную. Здесь никаких споров нет; это деление еще со времен Бернгейма и Льебо составляет прочное завоевание науки. Современная рефлексология на своем опыте вполне подтверждает такое положение. В своей характеристике бессознательного Фрейд сделал ряд открытий. Для нас наиболее важным является его утверждение, что деление на бессознание и сознание есть результат процесса развития, происходящего во времени, исторически.

и протекающего с самого начала под давлением внешней среды. Этот процесс дает нам две основные формы: развитие отдельного человека и историческое развитие человечества. Ребенок сначала определяет свое отношение к миру исключительно или преимущественно при помощи бессознания, посредством чувства «приятного» и «неприятного». В своем паразитарном существовании дитя может всецело руководствоваться раздражениями поверхности своего тела, в частности, слизистых оболочек («эрогенные зоны» области рта и выводящих путей), вызывающих в нем «сексуальное чувство» удовольствия и неудовольствия, которое, в свою очередь, тесно связано с инстинктом самосохранения и материальными условиями существования. Другими словами, ребенок, являясь как бы паразитом на теле взрослого, как «хозяина» (по выражению биологов), не вырабатывает еще самостоятельного и сложного аппарата приспособления, а пользуется самыми примитивными средствами сексуальной связи для обеспечения своего существования. И действительно, как мы знаем из наблюдений над детоубийством среди дикарей, оно никогда не происходит после того, как ребенок приложен к груди, т. е. после того, как установлена сексуальная связь между матерью и младенцем в акте сосания, который одновременно представляет собой акт питания и, вместе с тем, явление сексуального раздражения. Ясно, что здесь теория Фрейда нисколько не противоречит фактам, и еще задолго до австрийского ученого русский физиолог Сеченов говорил о «страстном мышлении» ребенка, как важнейшем аппарате его внешнего приспособления.

Заслуга Фрейда в том, что он сумел ближе сопоставить эротику ребенка с первобытным отношением к миру со стороны дикаря. Правда, здесь Фрейд далеко не одинок, так как учение о сходстве развития ребенка и первобытного человечества подкреплялось и до него с разных сторон и в разных отношениях. Прежде всего биологам прекрасно известен тот факт, что развитие отдельной особи (онтогенез) лишь повторяет историческое развитие рода (филогенез). В области психологии, и в частности детской психологии, американские бихевиористы также не раз проводили параллель между периодами развития ребенка и предполагаемыми эпохами развития первобытного общества (Болдуин). Новое, что внес сюда Фрейд, это установление сходства или, вернее, тождества того психического аппарата, при помощи которого приспособляется к внешнему миру как ребенок, так и дикарь. А именно, как

утверждает Фрейд, сексуальность есть тот основной аппарат приспособления к миру, который свойствен первобытному человеку, и лишь воскрешается в жизни ребенка в его, так сказать, дикарскую пору. Но так как ребенок повторяет в своем развитии только опыт первобытного человечества, то относительно древнейшей истории человеческого рода мы получаем следующие два положения. Во-первых, по содержанию, ребенок онтогенетически переживает коллективный опыт первобытного общества, а, во-вторых, по форме этот опыт основывается на аппарате так называемого сексуального отношения к миру, построенного на принципе приятного и неприятного.

Такого рода положения чрезвычайно важны. И хотя, само собой разумеется, мы нигде и никогда не найдем первобытного человека или дикаря, который исчерпывал бы все свое приспособление к миру работой половых желез и раздражением эрогенных зон, а с другой стороны, даже самое малое дитя с первых дней существования вырабатывает и другие способы отношения к миру, открытие Фрейда дает нам очень много. Во-первых, оно окончательно решает вопрос о роли индивида и бессознания. Опыт последнего — отнюдь не опыт личный или индивидуальный, но целиком общественный и коллективный. Следовательно, в глубочайшей основе психического аппарата, с которым человек начинает свою жизнь, заложены **социально выработанные инстинкты и навыки, бесповоротно связывающие особь с родом и превращающие ее с первых дней в своеобразное произведение коллективного опыта всех предшествующих поколений.** Древнее положение Аристотеля о том, что «человек есть животное общественное (политическое)», получило твердое и неоспоримое подтверждение. Живет прежде всего коллектив, а не особь, и, поскольку, психология есть наука о деятельности отдельного и живого нервно-мозгового аппарата, постольку же она есть система знаний, которая исходит из коллективного содержания этой деятельности. Индивидуалистическое положение, которое гласит: «в начале был человек», сменяется раз и навсегда другой истиной: **«в начале было общество».** В данном пункте, однако, буржуазная идеология отнюдь не усматривает камня преткновения. И, как показывает учение Дюркгейма, такой исходный пункт отнюдь не мешает последующему нагромождению идеалистических теорий. Ведь договорился же Дюркгейм до подлинного обожествления общества, а коллектив, тем самым, получил все признаки мистического бога.

Как мы видели выше, Фрейд определил не только содер-

жание детского опыта. Он остановился на строгом анализе самих способов того отношения к миру, которые свойственны как ребенку, так и дикарю. Нужно заметить, что здесь он затронул область вопросов, глубоко волнующих научную мысль. Целый ряд ученых ставил вопрос о своеобразных чертах того «способа представления», который характеризует собой именно общество дикарей. Этим вопросом занимался прежде всего Вундт в своих обширных исследованиях по истории мифа, причем он пришел к признанию совершенно своеобразного, как он его назвал, «мифологического мышления». В связи с этим, тот же ученый посвятил много труда изучению фантазии, но, в конце концов, не мог прийти к сколько-нибудь определенным результатам. Значительно счастливее его оказался Леви-Брюль, который в своих исследованиях о формах мышления дикарей пришел к весьма любопытным выводам. Можно сказать, что он почти исчерпывающе установил все признаки этого мышления, поскольку они обнаруживаются не только во всевозможных мифах, но и в первобытном коммунизме с его тесной взаимной связью (participation). Леви-Брюль определил, в частности, это мышление как «мистическое». Одновременно с этим ученым и автор настоящих строк пришел в своих первых опытах (1908 — 1911 гг.) к различению особых «методов восприятия», которые свойственны различным общественным классам на почве их материального, и, в частности, производственного положения, причем, подобно Брюлю, и здесь для обозначения первичной формы отношения к миру был избран термин «мистическое». Социологический подход не мог дать, однако, решающих результатов за отсутствием соответственного психологического и психопатологического обоснования. Его наметила уже школа гипнологов, во главе с Шарко, подвергнувшая точному изучению бессознание, или подсознание, а Фрейд осветил эти вопросы при помощи своего учения о сексуальности и «сексуальном мышлении».

Нет никакого сомнения, что в одном отношении Фрейд отодвинул назад учение о бессознательном. Он значительно сузил это понятие. И сделал он это вопреки многочисленным фактам. Как известно, он, особенно вначале, целиком отождествлял бессознание с сексуальностью, как будто не существует никакого бессознания вне сексуальности. Это — несомненная ошибка, так как сексуальностью не исчерпывается ни аппарат дикаря, ни аппарат ребенка, а с другой стороны, под порогом сознания мы находим настоящий океан данных многостороннего опыта, которые отнюдь не являются порож-

дением сексуальных влечений. Эту ошибку Фрейд исправил тем, что он установил, так сказать, два этажа под порогом сознания, а именно — отделил бессознание в тесном смысле от особой сферы предсознания, которое оказалось уже несравненно шире, нежели сексуальное бессознание, и включило в себя даже бывшие в сознании представления. Но здесь мы должны отметить одно обстоятельство: обращение к сексуальности для объяснения бессознания в одном отношении, несмотря на всю свою ничем не оправдываемую крайность, оказалось истинным благодеянием для науки. Так как область сексуальных влечений представляет собой величайший запас живой энергии, громадной силы влечений, бурных эмоций и совершенно порабощенных их сгустками (комплексами) представлений, то Фрейду удалось дать почти исчерпывающий образ **детско-дикарского мышления**, как такой его формы, где **отражения действительности до неузнаваемости искажены нервно-мозговыми процессами, рожденными в половой сфере.** В этих процессах, искаженных влечениями и эмоциями личности, мир отражается в невероятных и чудовищных образах. Такое мышление, с исключением из него специально сексуального момента, Блейлер назвал «аутистическим».

Открытие дикарско-детского мышления, как преимущественно сексуального образа представлений, в особенности не может быть обойдено учением исторического материализма. Как известно, в этом последнем давно уже установлен факт «идеологического мышления, как мышления неверного», которое является нередко обратным отражением предмета, а иногда даже преломлением его в двух и трех степенях. Экономические и производственные причины такого метода социального сознания были безошибочно установлены еще Марксом и Энгельсом. Но до последнего момента от нас был скрыт тот нервно-мозговой аппарат и тот психический процесс, которые непосредственно дают подобное преломление лучей общественного сознания. Фрейд в этой области дал очень много. Он показал необходимость мышления, происходящего через призму сексуальности при известных реальных и фактических предпосылках. Он, можно сказать, исчерпывающе проанализировал этот аппарат, и всякий марксист, при рассмотрении чудовищных идеологий отдельного класса или эпохи, прекрасно учитывает, что там, где имеется познание при помощи приятного и неприятного, полное пренебрежение действительностью, концентрация определенных эмоций на совершенно несоответственном предмете, перенесение влечений

с одного объекта на другой, нелепейшие подстановки и, наконец, первобытный идеализм, опирающийся на веру в силу мысли — там работает сексуальный аппарат, который в той или иной степени искажает или извращает действительное познание мира. **Детско-дикарское мышление есть мышление идеологическое, построенное при помощи сексуальности.**

III.

Много дает нам Фрейд и в своем учении об отношении между сознанием и бессознанием. Это отношение он опять-таки строит на общественно-материальном обосновании. И первобытный человек, и ребенок здесь тоже подвержены более или менее одинаковой судьбе. Дикарь, по мере развития экономических условий, все в большей степени подчиняется тяжкому влиянию внешнего мира. Естественная и общественная среда предъявляют все более суровые требования к борьбе за существование. От простого собирания плодов и удовлетворения весьма несложных потребностей человеку приходится переходить ко все более сложным способам приспособления и, наконец, к такому методу воздействия на окружающее, как труд. Под влиянием давящей «необходимости» человек в целях самосохранения вынужден отказаться от «сексуального мышления» и перейти к серьезному, чуткому познанию внешнего мира, каков он есть. Но такой процесс совершается не легко. Напротив того, в нервно-мозговом аппарате он вызывает настоящую катастрофу. Реальный мир со своими страшными угрозами прямо-таки выдавливает или вытесняет первобытный аппарат сексуального отношения к миру. В психике происходит отнюдь не органическое наслоение сознания над бессознанием, а грубое вытеснение второго первым, причем наблюдается некоторое расщепление нервно-мозговой системы; сексуальность с ее примитивным животным основанием и дикарским опытом вытесняется в те сферы, которые наиболее удалены от бодрствующей активной жизни борца и работника, в то время как вновь образованный аппарат сознания, опирающегося на реальность, захватывает всю область пассивного и активного приспособления. **Борьба сознания против бессознания целиком зиждется на внешнем мире и его непрестанном опыте, и по мере того, как человек втягивается все больше и больше в борьбу за жизнь, суживается и ограничивается сфера сексуального влечения и его надстроек.**

По существу такое распределение двух сфер, бессознательной и сознательной, сильно напоминает философию Бергсона, знакомства с которой вряд ли избежал Фрейд во время своей работы сначала у Шарко, а затем в стенах Нансийской школы. Ведь и у Бергсона мистическое творчество, проникнутое интуицией и симпатией, отличается от деятельности разума именно потому, что первое дает непосредственное общение с миром, тогда как разум целиком определяется давлением внешней среды и борьбой за существование. Но между Фрейдом и Бергсоном — большая разница. У основателя психоанализа бессознание, благодаря своей сексуально-физиологической природе, совершенно лишено мистического характера. Напротив, у него мистика разоблачается при помощи сексуальности. С другой стороны, Фрейд расходится с Бергсоном и в том отношении, что у него не только побеждает сознание, как единственная высшая форма приспособления, но между сознанием и бессознанием возникает острый конфликт, в котором побеждает именно сознание, господствующее над миражом и призраками бессознания. Только конфликтом сознания, опирающегося на реальность, с бессознанием, работающим при помощи приятного, можно объяснить и то явление, которое Фрейд обозначает термином «цензура», т. е. наличность таких тормозящих и вытесняющих сил, которые, во имя самосохранения человека, отбрасывают сексуальные влечения и весь их аппарат в область забвения и совершенно устраняют их из поля сознания.

Если стоять на точке зрения фрейдовского понимания психического процесса как отражения истории человеческого общества, то нельзя не отметить здесь **социального значения вытеснения**. Оно несомненно знаменует собою многочисленные конфликты в истории человечества, свидетельствуя о высших формах борьбы за существование и о процессе идеологической перестройки, которым завершилась эта борьба. И если экономический процесс развивается органически и стихийно, то, как мы знаем из учения Маркса, как раз идеологии, сменяя друг друга во время крупных катастроф, в буквальном смысле слова «вытесняют одна другую». Поэтому, когда Фрейд говорит о вытеснении, при помощи которого сознание, под влиянием материального мира, выбросило сексуальность из ее руководящих позиций и подвергло ее жестокой и нетерпимой цензуре, то этот процесс находит себе полную аналогию в том, как определенный метод социального мышления, вместе с изменением классового господства и производственных

форм, разбивает и ставит под жестокие запреты ранее господствовавшие идеологические системы. Между человеком и обществом устанавливается еще новая аналогия: подобно тому, как наука и техника буржуазии вытесняют феодальную романтику и первобытный мистицизм, принцип реальности и сознательной организации становится на место эмоционального отражения мира, воспринятого через призму полового влечения. Было бы чрезвычайно интересно знать, в какой степени бессознательно воспринятые Фрейдом социальные конфликты современности отразились на его теории борьбы сознания с бессознанием и вытеснения последнего.

Во всяком случае, она весьма мало предопределила собой последующие выводы Фрейда. Его учение о результатах вытеснения является, пожалуй, поворотным моментом в том сходе с социальных, а пожалуй, и материалистических рельсов, который сделал Фрейда пророком буржуазного общества. Такое особенное и поворотное значение имеет его **учение о «симптомах» и сублимации.** Остановимся на этом моменте несколько дольше. Согласно учению Фрейда, вытесненный и отщепленный состав бессознания не исчезает, а остается в скрытом состоянии до наступления благоприятных условий — ослабления или временного прекращения цензуры. Изживается он весьма редко. Лучшим способом ликвидации такого скрытого бессознательного состояния является, в конце концов, проведение его через сознание, т. е. лишение его свойств «скрытого» и «бессознательного». На этом зиждется в сущности и лечебная практика психоаналитиков и психотерапевтов, которые путем продолжительной и настойчивой работы вызывают доверие к себе со стороны пациента, возбуждают и организуют его самодеятельность и, на основании анализа свободных высказываний, сновидений и рассказов больного, постепенно вскрывают все более и более глубокие корни вытесненных бессознательных представлений. После того, как пациент действительно уяснит себе все содержание бессознательного процесса и ход его развития, **вытеснение ликвидируется, так как на место грубого и насильственного толчка или гнета становится ясно осознанное убеждение.** В подобном случае, следовательно, на место механического отщепления бессознания с его наличным содержанием становится новое органическое слияние отщепленного состава со всем нервно-мозговым аппаратом особи и закрепление этого единства в деятельности высших мозговых центров нашего сознания. Если искать этому процессу аналогию в общественной жизни,

то можно бы сказать, что здесь место террора и деспотического угнетения занимает разумная социальная политика, которая обращается непосредственно к самодеятельности самих граждан и находит опору в их рационально-осознанных интересах.

Вторым способом устранения бессознательных влечений является тот процесс, который проделывают они, так сказать, обходным путем. Во-первых, они могут **«сублимироваться».** Это значит, что благодаря большой пластичности сексуальных влечений и при помощи работы нашего сознания, созданного обществом и работающего под его непрерывным давлением, такие влечения меняют свои цели, переходят на иные объекты, присоединяются к различным общественным влечениям и, таким образом, поднимаются на сравнительно более высокую ступень. В этом смысле бессознание и заключенная в нем сексуальность становятся первоначальным источником различных творческих проявлений человеческой деятельности. Они образуют основу напряженного искания и активности, результатом чего являются изобретения. Они переходят в область этики и снабжают питательной энергией моральное чувство и подъем. Они устремляются на идеализацию окружающего, сливают сексуальное влечение с эстетическими формами и наделяют последние притягательной силой очарования. Наконец, они переносят сексуальную жажду и страсть в мир воображаемых отношений небесного отца и детей, потусторонних супругов и любовников, и дают жизнь отношениям мистической связи, религиозного восторга и любви. Во всех подобных случаях бессознание осуществляет заложенные в нем влечения путем известного перенесения своей силы на данные окружающей средою существа и предметы, до неузнаваемости перерабатывается в этих новых формах и лишь в редких случаях обнаруживает свою первичную природу. **Процесс сублимации есть, таким образом, процесс освобождения вытесненной энергии при помощи ее последовательного превращения и перехода в сознательные формы деятельности,** в результате чего получается известный компромисс между сознанием и бессознанием.

Второй обходной путь — это **процесс образования так называемых симптомов,** т. е. болезненного и уродливого разрешения конфликта, когда вытесненные влечения устанавливают при помощи аппарата бессознания скрытую связь с совершенно случайными представлениями и целиком нарушают нормальную деятельность организма. Сами по себе эти пред-

ставления и связанные с ними акты поведения ни в каком отношении не выходят из рамок дозволенного и обычного. С этой стороны они не заключают в себе никаких признаков, которые бы отличали их по существу от принятых и одобренных сознанием представлений и поступков, но благодаря скрытому в них содержанию приобретают нелепый характер. Во-первых, они теряют рациональную связь с действительностью, дают преувеличенную или преуменьшенную реакцию на соответственные раздражения, переносят мир прошлого в настоящее, определяя этим прошлым свое поведение, обращают неудовлетворенное влечение в болезненный страх перед случайными предметами и обычными действиями, получают характер навязчивости, имеющий принудительную силу, и выражаются даже в заболевании различных органов нашего тела. Во-вторых, вытесненные влечения с приобретенным ими аппаратом представлений и поведения придают последнему особенную устойчивость, так как в такой уродливой и болезненной форме они все же получают удовлетворение и наслаждение. А отсюда рождается сила их «сопротивления», активно препятствующая всякой попытке разрешения этих «неврозов», «истерии», «фобии», «конверсионной истерии» или «невроза навязчивости» путем психоанализа и проведения их через сознание. Нечего говорить, что подобные формы реализации вытесненных влечений означают, с одной стороны, по своему содержанию, бессознательный возврат к давно пройденным типам сексуальности, к подлинному дикарству и варварству, а с другой — инвалидность и проистекающий отсюда паразитизм.

Если бы Фрейд стоял твердо на социальной точке зрения и действительно считал человека общественным существом, вся психика которого не только является реакцией на материальный мир, но и предопределена обществом, то здесь он должен был бы прийти к некоторым весьма любопытным выводам. Однако Фрейд непоследователен в своем социальном понимании человека. Он признает, что бессознание есть продукт коллективного опыта. Он утверждает, что вытеснение производится обществом, которое является олицетворением борьбы человека за существование, и следовательно, ведет жестокую борьбу с его сексуальными влечениями для того, чтобы направить по возможности все человеческие силы на борьбу с нуждой и на производительный труд. Само сознание оказывается коллективным продуктом как по форме, так и по содержанию. Казалось бы, следовательно, что и вся

психика человека, вплоть до образования болезненных «симптомов», есть также одно из явлений социальной жизни. И действительно, Фрейд и его последователи именуют неврозы «социальными болезнями», порожденными непосредственно социальной средой и вызванным ею вытеснением. Ведь не надо забывать, что все воспитание ребенка и социальное воспитание взрослого, направленное к подавлению сексуальных влечений, есть акт общественной необходимости и самосохранения. Но вот тут-то мы и наталкиваемся на характерный поворот фрейдовской теории, о котором мы упомянули уже выше: в этом пункте и Фрейд, и его ученики определяют социальную болезнь весьма неожиданно и своеобразно.

Оказывается, прежде всего, что болезненные симптомы вытеснения являются **результатом не определенных общественных конфликтов, а непосредственного конфликта между обществом и личностью.** Эта последняя, подвергаясь, в силу известных внешних причин, грубому вытеснению со стороны сексуальных влечений, претворяет бегство от жизни в болезнь и всевозможные неврозы и этим путем отстаивает возможность индивидуального наслаждения за счет общества и во вред ему, так как такой индивид, как мы видели выше, необходимо становится или просто паразитом, или иногда прямо опасным для окружающих субъектом. Таким образом удерживается самовлюбленное (нарцистическое) детское «я», которое находит удовлетворение в образовании уродливых искажений социально организованной «сублимации». Такая личность, можно сказать, идет тоже путем своеобразной сублимации с тем различием, что «истерия представляет собой карикатуру на произведения искусства, невроз навязчивости — карикатуру на религию, параноический бред — карикатурное искажение философской системы». Подобное «отклонение в конечном результате объясняется тем, что неврозы представляют собой асоциальные образования; они питаются средствами индивида и выполняют то, что распространилось в обществе благодаря коллективной работе» (тотем и табу). Спрашивается теперь, какие же причины создают карикатуру в личности больного, в то время как те же самые процессы ведут к сублимации в обществе?

На это Фрейд отвечает следующим образом: «При анализе неврозов оказывается, что решающее влияние имеют здесь влечения сексуального происхождения, между тем, как соответствующие образования культуры зиждутся на социальных влечениях, т. е. таких, которые произошли от слияния

эгоистических и эротических элементов. Сексуальная потребность не в состоянии таким же образом объединять людей, как требования, вытекающие из самосохранения; сексуальное удовлстворение есть прежде всего частное дело индивида. Генетически асоциальная природа невроза базируется на его первоначальном устремлении из неудовлетворенной реальности в более приятный мир фантазии. В этом реальном мире, которого невротик избегает, господствуют общество людей и созданные ими институты; уход от реальности является одновременно и выходом из человеческого сообщества» (Фрейд, «Тотем и табу»). Или другими словами: насыщенная сексуальными влечениями природа бессознания, под влиянием общественного вытеснения, находит исход в призрачном мире обманчивой символики, вступает в резкое противоречие с реальным миром и обществом, дает в результате отщепление от социальной среды индивида, которое и приобретает антисоциальный характер. Таким образом, общество, в отличие от невротика, сохраняет свою незыблемость и единство, подчиняется, в противоположность карикатурам истерии или паранойи, нормальным образованиям сублимации и, благодаря господству принципа реальности, который, согласно учению Фрейда, присущ сознанию и действительным интересам человеческого «я», оказывается неизменно здоровым и прогрессивным.

Итак, в результате социального вытеснения получается **чисто индивидуальный процесс.** «Общество» остается единым и неприкосновенным. Самый конфликт, который разыгрывается в психике антисоциального индивида, может быть легко выражен в противоположении прошлого настоящему, т. е. дикарства — культурной современности, причем антисоциальный индивид, обуреваемый первобытной сексуальностью, противится при помощи болезни благодетельным мероприятиям идущего вперед общества и его необходимого приспособления. И вывод отсюда совершенно ясен. Такая «социальная болезнь», как явление индивидуальное, должна быть удалена при помощи столь же индивидуального процесса. На этом построена и вся психотерапия и психоаналитическая медицина. В качестве объекта берется индивидуальный больной, который вступает в общение с личностью врача. Между пациентом и медиком устанавливается так называемый «раппорт», т. е. известная сексуально окрашенная связь, выражающаяся в том, что пациент переносит на своего целителя задержанные в бессознании сексуальные влечения. Весь процесс излечения

носит затем строго индивидуальный характер: в течение месяцев работает психоаналитик над пациентом, чтобы преодолеть вытеснение при помощи раскрытия самого источника комплекса и провести через индивидуальное сознание больного все индивидуальные же явления его личного существования. Общество остается где-то в стороне, а люди, вскрывшие в своем учении глубочайшие корни общественной жизни, удовлетворяются тем, что из массы людей, одержимых «социальными болезнями», подбирают ничтожные единицы, которые и вылечивают с большим трудом от невроза, и то без твердой гарантии его возвращения.

Уже одно **сопоставление социально обоснованной теории с чисто индивидуалистическим лечением наводит на весьма грустные размышления.** В самом лучшем случае, это означает, что гора родила мышь. Но подобный финал приводит и к одному совершенно неизбежному выводу: в вопросе о вытеснении и сублимации так же, как и в учении о неврозах, психоанализ методологически совершает какой-то великий грех, которого не могут искупить его блестящие достижения в толковании сексуальности и дикарско-детского способа представления. Каким образом невротик попал в индивидуальную категорию, в то время как ребенок и дикарь определенно представляют собой категории социальные? Или невроз есть столь редкое явление, что отдельных невротиков можно считать отклонениями от общего течения жизни?

IV.

Вся суть в том, что, подобно ряду психологов и психопатологов, Фрейд оперирует с чрезвычайно общими понятиями, которые лишь путем известного прыжка через неизвестное достигают реального объекта исследования. Для Фрейда таким общим понятием был с самого начала индивид. Правда, при более глубоком исследовании вопроса (а он и начал именно с неврозов) Фрейд неизбежно и необходимо наткнулся на целый ряд социальных категорий. Надо сказать, что при современном состоянии науки было бы совершенно невозможно обойтись без такого социологического подхода. Отсюда такие общие категории, как общество, борьба за существование, первоначальный родовой быт и отражение далекого прошлого в развитии от ребенка ко взрослому. При современных условиях не составляет труда установить и значение среды, экономической необходимости и роли сознания в борьбе общества за жизнь. Общим местом стало также подчи-

нение единицы общественному целому и зависимость последнего от ступени культурного развития. Эти понятия до сих пор страдали, надо отдать справедливость, крупным дефектом: совершенно не был установлен эмоциональный, а, в частности, сексуальный момент общественной жизни в его различных выражениях и превращениях. Вливая в указанные общие понятия, которых Фрейд по существу никогда не подвергал самостоятельной критике, моменты сексуальности, этот мыслитель и его школа оказали крупные услуги человечеству. И если бы фрейдизм ограничился лишь исследованием первобытных и дикарских форм общественности в связи с отражением их в психологии детей и невротиков, то его научные приобретения были бы и без того достаточно велики.

Но Фрейд и его ученики пожелали большего. Исходя только из опыта своей клиники, они решили поставить вопрос о вытеснении и сублимации в современном обществе, о социальной и антисоциальной природе невроза, даже об оценке современных общественных и политических движений вплоть до современных нам событий — мировой войны, революции и коммунистического движения. И в результате получилось нечто совершенно невероятное. Мы не будем здесь специально останавливаться на таких, с позволения сказать, «социологических» исследованиях, как работы Федерна и Кольнай. Они показывают слишком хорошо, куда может завести теория сексуальности, применяемая чисто идеалистически, без малейшего желания считаться с экономическим фактором и классовым расслоением. Эти и им подобные произведения можно охарактеризовать лишь одной фразой: нелепая и вздорная идеологическая выдумка. Но и там, где речь идет меньше всего о стряпне в угоду современной фашистской реакции или социал-демократическому соглашательству, мы находим те же печальные следы незнакомства или, вернее сказать, намеренного отказа от материалистической основы и строго научного социологического построения. Так обстоит дело и с вытеснением, с сублимацией и с неврозами. На всех этих понятиях жестоко отражается отсутствие той точки зрения, которая одна только могла бы дать действительно ценные результаты.

И в самом деле; остановимся прежде всего **на вытеснении, которое по Фрейду есть строго социальное явление.** «Общество,— говорит Фрейд, — вынуждено поставить себе в число своих самых главных задач в области воспитания — укротить, ограничить и подчинить индивидуальной воле, идентич-

ной социальному велению, сексуальное влечение, когда оно впервые обнаруживается в виде стремления к продолжению рода. Интересы общества требуют также, чтобы его полное развитие было отодвинуто до тех пор, пока ребенок не достигнет известной степени интеллектуальной зрелости, потому что с полным удовлетворением сексуального влечения прекращается также доступ влиянию воспитателя. В противном случае влечение прорвало бы все преграды и смело возведенное с таким трудом здание культуры. Задача укротить это влечение не так легка; она удается то слишком плохо, то слишком хорошо. Основной мотив человеческого общества, в конечном результате, оказывается экономическим... оно должно ограничить число своих членов и отклонить их энергию от сексуальных переживаний в сторону труда» (Фрейд, «Лекции по психоанализу», т. II). Очевидно, что в данном случае сказывается влияние так называемого «общества». Оно берется вне времени и пространства, вне какой бы то ни было классовой окраски. А между тем элементарные исторические факты должны были показать Фрейду, что вытеснение происходит в той или другой кастовой, сословной или классовой группе совершенно различными способами, что вытеснение среди мелкомещанского и мелкокрестьянского быта, связанное с узостью и ограниченностью жизни, а также со строгим наследованием мелкой собственности, совершенно иное, нежели где-нибудь в другом месте. Один пример ограничения числа рождений у парцеллярных крестьян Франции и Германии должен был бы показать ему, что здесь господствует своеобразный тип вытеснения, описанный не раз даже в художественной литературе. Вытеснение среди класса крупных землевладельцев и военного дворянства, исторически выдвигающее опять-таки совершенно иные формы — соединение тайных кровосмесительных отношений со строгим целомудрием девушки, хозяйственной ролью жены и матери и гетеризмом свободных женщин из низшего класса — должно было, в свою очередь, поставить вопрос о специально классовой форме вытеснения. Различные формы дает также вытеснение среди буржуазии и пролетариата со специфическими особенностями буржуазного брака и лишения пролетариев всякой нормальной семейной жизни. К этому надо еще прибавить широкое развитие продажной проституции, которой в такой форме не знало прежнее человечество. Мы не говорим уже здесь о вытеснении монашества и целибата, о священной проституции и т. д. Наконец, и это самое главное, вытеснение внутри

класса есть результат другого, более могучего **вытеснения низших классов высшими,** которое либо открывает низшим классам свободный доступ к беспорядочному половому общению, какого не знали даже дикари, либо, наоборот, подчиняет их формам принудительного аскетизма, вплоть до самоизувечения на пользу класса хозяев и господ. Все эти вопросы фрейдизмом оставлены без всякого ответа.

Учение о сублимации страдает не меньшими дефектами. Основной момент общественной связи сведен или непосредственно к семейной сексуальности, или к процессу индивидуального перенесения самооблюбования на личность отца, а с него обратно на себя, в виде идеального «я», или, наконец, к олицетворению, при помощи сексуальной идеализации, какой-либо идеи. С этой точки зрения высшим завершением общественной организации является такое объединение общества в его едином высшем «я», какое мы находим у отдельного человека в результате победы принципа реальности над темным сексуальным бессознанием. Фрейд не может вырваться здесь из пределов индивида и подняться до понимания общества, так как, говоря, с одной стороны, об экономической необходимости, он с другой, — ее совершенно игнорирует, а именно, при построении общественного «я», как сочетания «я» индивидуальных. Единственное, что могло бы здесь помочь Фрейду, это признание решающего значения труда и трудового процесса в его внешнем активном выражении. Ибо как раз в этом пункте ритм человеческой жизни непосредственно сливается с ритмом окружающей среды и в ее такте, симметрии и гармонии находит реальный материал, оправдывающий и ниспровергающий чисто сексуальную идеализацию. Не надо забывать, что реальность представляется человеку в двух видах: с одной стороны, это есть материальный процесс приспособления естественных сил природы к удовлетворению столь же материальных потребностей человека, но с другой — это есть самый процесс производства, приспособляющий материальный мир для человеческих нужд. И этот последний процесс сам по себе есть процесс оформленный и целесообразный, следовательно, обладающий эстетической ценностью независимо от вложенной в него сексуальной энергии. **Лишь в труде сексуальность теряет свои роковые свойства и превращается в творчество.**

Вот почему Фрейд не может вырваться **из объятий обычной индивидуалистической идеологии и все время оперирует вместо общественных категорий с чисто индивидуалистичес-**

ками. Вместилищем первобытного опыта у него оказывается бессознание, и оно, в конце концов, сосредоточивается в самообожании, или нарцизме, которое противопоставляет жадность сексуального паразита окружающему обществу. Из этого нарцизма совершенно естественно родилась школа Адлера с ее чисто индивидуалистической жаждой господства и власти. Вот почему, когда Фрейд подошел затем к характеристике сознания и его реальных задач, он не мог не положить и здесь в основу всего некоторое эгоистическое «я», которое вполне отвечает построениям исконного буржуазного мировоззрения и поэтому не раз выдвигалось в трудах и Спинозы, и Гоббса, и Локка, и Бентама, и Бастиа. Где реальность, там эгоизм. Без эгоизма нет хозяйственной жизни и коммерческого рассчета. Эгоизм — это сам разум, господствующий в сознании. Мы видели уже выше, что «я» фигурирует даже в образе невротика, который представляет собой именно индивида, отщепленного от общества и противопоставленного ему. «Я» дикаря и ребенка, «я» хозяйственника и взрослого человека, «я» больного и отщепенца — все одно и то же «я», при посредстве которого создается и социальная связь с некоторым идеальным «я». **Не имея объективных ценностей, коренящихся в производственном процессе, и прежде всего в труде, Фрейд должен был, в конце концов, в буржуазно-идеологическом «я» найти свою исходную точку.**

В результате мы получаем весьма любопытное сочетание. В распоряжении Фрейда остаются лишь две категории. Во-первых, он опирается на сексуальность в качестве принципа полумистического, полуметафизического характера. (Здесь берет свое начало школа Юнга). И, в самом деле, в своих последних «метапсихологических» сочинениях Фрейд ищет опоры для сексуальности даже не в общественности, а выше или ниже — в общем мировом биологическом процессе, и в этом пункте он бесспорно соприкасается с шопенгауэровской «волей». Во-вторых, его приковывает к себе фетиш индивида или личности, пресловутого «я», которое в действительности и переживает переход от дикарского состояния через детство к «я» современного дельца и промышленника с одной стороны и к «я» жалкого невротика — с другой. Этот индивид есть несомненно явление временное и эмпирическое, жизнь которого в сущности означает лишь «стремление к смерти». Первоначальный фрейдовский монизм и материализм, таким образом, распадается на метапсихологических высотах на два диаметрально противоположных течения — стремление к

жизни и стремление к смерти, которые уже определенно знаменуют собой **дуалистическую систему.** При таких условиях, свойственных буржуазному закату, пессимизм невольно окрашивает учение Фрейда, и вместо творческой сексуальности змий секса пожирает сам себя. Так, в конце концов, начало косности, постоянного возвращения и последней остановки ведет нас неизбежно к «принципу Нирваны» (Jenseits des Lustprinzips).

Учение Фрейда о сублимации, поскольку он описывает ее социальную форму, содержит также весьма любопытный пункт, где нельзя не заметить крупной непоследовательности. Это — **его учение о религии.** По существу, тот материал, которым он сам располагает, а также исследования его учеников приводят нас к весьма определенным выводам. Эти выводы можно формулировать как установление самого **несомненного и очевидного сходства между религией с одной стороны и явлениями невроза — с другой.** И здесь, и там мы одинаково встречаемся со скрытым осуществлением сексуальных влечений, которые, вместе с тем, являются простым перенесением. Как здесь, так и там работает совершенно одинаковая система символики и совершенно одинаково обнаруживается «сексуальное» мышление. Результаты также совершенно одинаковы: получается не какая-либо художественная игра, а самая настоящая призрачная реальность, которая разрабатывается с полной серьезностью. Деятельность человека протекает здесь не под знаком «как-будто», а настоящего «дела», осуществляемого в угоду вполне реальным божествам при помощи столь же реальной техники магического характера. Поражает своим сходством с психоаналитической практикой и деятельность жрецов, которая подходит к неврозу не со стороны его окончательного излечения, а наоборот, использования и дальнейшей организации. Если верить истории, то именно жрецы с самого начала были не только врачами, но и психоаналитиками в довольно узком смысле этого слова. Это были врачи, укреплявшие болезнь.

Здесь не место останавливаться особо на дальнейшем развитии мысли о сходстве между индивидуальным неврозом и его социальным выявлением в виде религиозной надстройки. Эта тема заслуживает самостоятельного и внимательного исследования; здесь же мы можем считать этот пункт достаточно установленным уже потому, что нигде, ни в одной сублимации не теряется ощущение реальности, и нигде, кроме невроза и религии, сексуальное поведение не захватывает че-

ловека целиком. Мы нисколько не сомневаемся в том, что исследователь, который проверил бы на фактическом материале вопрос о тождественности религиозных форм и поведения невротиков и параноиков, смог бы не только определить сексуальное содержание той и другой области, но и провести полную параллель между иконографией исторических религий и художественным творчеством больных, а также между церемониальным и магическим поведением последних и ритуальным культом религиозных организаций. И если религия является, вместе с тем, известным отражением действительности и способна включить иногда в свое учение вполне последовательную рационализацию и даже прямой ответ на запросы реальной жизни, то не надо забывать, что невротик и параноик, с одной стороны, воскрешают в своих фантазиях и своем бреде коллективно выработанный опыт прошлого, а с другой — непрестанно реагируют в своих магических действиях на окружающую их реальную жизнь.

К сожалению, однако, надлежащего тождества между религией и неврозом ни сам Фрейд, ни его ученики не устанавливают. И это тем более досадно, что в одной из своих работ Фрейд очень близко подошел к необходимому выводу из добытых психоанализом данных. В статье о «Навязчивых действиях и религиозных обрядах» (рус. пер. в журнале «Психотерапия», 1911 г., № 4—5) Фрейд, после подробного обзора психического механизма и вызываемого им поведения в области религии и невроза, приходит к заключению, что «можно было бы смотреть на навязчивый невроз как на патологическую копию развития религии, определить невроз как индивидуальную религиозность, а религию — как всеобщий невроз навязчивых состояний». К этому выводу и мы склонны были бы действительно прийти. Но, увы, Фрейд не может решиться на этот шаг. Хотя он и усматривает сходство этих двух явлений в том, что и здесь, и там в основе лежит «факт воздержания от удовлетворения природных страстей», и притом в аналогичной форме, так как и в религии совершается своего рода передача божеству «стремления к наслаждению», то все же от окончательного отожествления указанных двух явлений его удерживает свойственная ему идеализация общества. А потому религии присущ «символический и разумный смысл» в отличие от невроза, как «комической, полутрагической карикатуры частной религии», и если даже психоанализ разоблачает «кажущуюся бессмысленность и нелепость навязчивых действий» невроза и вскрывает их весьма реальную

и осмысленную, хотя и символическую, природу, то, в конце концов, все-таки получается, что именно религия «была тем путем, которым человек освободился от господства злых, социально вредных стремлений» эгоистического характера, тогда как при неврозе речь идет лишь о сексуальных влечениях. Отсюда неизбежный вывод: **религия «всеобщим неврозом» быть не может.**

Мы не хотим быть несправедливыми; в области психоанализа религии фрейдизм сделал очень много. Можно сказать даже, что лишь благодаря психоанализу и его сексуальной теории мы действительно подошли к тому основному психологическому моменту, который позволяет нам опрокинуть все здание религиозного мышления и культа. И подобно тому, как при применении психоанализа в терапевтических целях, путем раскрытия и разоблачения симптомов и обнажения их сексуальной основы, оказывается возможным излечение невротика, так и в религии психоанализ производит ни с чем несравнимое действие: все основные догматы, мифология — теогония и космогония, любовь к божественным родителям, тайна страстей господних, воскресение и искупление, вера, аскеза, подвиг, нетерпимость, религиозная власть и господство, — все это рассыпается буквально как карточный домик при ближайшем прикосновении психоанализа и раскрытии секретов религиозной сексуальности. Под покровом сексуальной символики религиозных построений мы обнаруживаем, с одной стороны, вытесненное половое влечение во всем разнообразии его нормальных и извращенных форм, а с другой, — реальную среду, на которую религиозно-верующий реагирует самым фантастическим и нелепым образом. Другими словами, мы открываем здесь ту же картину, которую дает нам и невротик, поскольку он свое отношение к миру разрабатывает при помощи символики вытесненной сексуальности. Повторяем, в этой области заслуги психоанализа очень важны, и надо сделать лишь один шаг, чтобы подойти к религии, как к социальному неврозу, несущему с собой изумительное богатство фиксаций и регрессий, сгущений и сдвигов, веры в силу мысли, магии, церемоний и т. п.

Но, к сожалению, именно этого шага фрейдизм не делает. **Разрушая одной рукой этот исторически окрепший «всеобщий невроз», он другой защищает его от решительного нападения.** Ибо с точки зрения фрейдизма, несмотря на все свое колоссальное сходство с неврозом, религия есть социальное явление, следовательно, нечто нормальное, здоровое и полезное.

Невроз же, как мы видели выше, принадлежит к индивидуальной сфере. Невроз есть результат отщепления индивида от общества. Но само общество идет нормальным и законным путем. Каково бы оно ни было, оно есть высшая и непогрешимая инстанция. В обществе непрестанно совершается прогресс и наблюдается преуспеяние. Личность можно признать больной и подвергнуть ее лечению. Но общество — никогда. Отсюда следует совершенно логичный вывод, что индивид, одержимый сексуальным мышлением и дающий исход вытесненному влечению в различных симптомах — невротик. Но общество, поступающее точно так же, это — здоровое общество, которое осуществляет спасительную для вытесненной энергии сублимацию. И если даже в результате такой сублимации мы получаем совершенно аналогичные неврозу результаты, то они в счет не идут. Здесь уже общество покрывается новой, верховной инстанцией — самой историей, которая безапелляционно оправдывает и бессмысленную трату сил на культ мертвых, и человеческие жертвы, приносимые то Ваалу, то инквизиции, и процессы ведьм, и миллионы изувеченных во имя божества людей, и отраву религиозного дурмана, который вносят бесчисленные религиозные организации в сферу классовой борьбы. Что ж из того? Ведь фрейдизм не знает классов, а имеет дело лишь с благодетельным обществом и его «сублимацией».

Только применение материалистической диалектики учения Маркса может очистить драгоценные зерна фрейдизма от идеологической оболочки буржуазного общества, от идеалистических и метафизических извращений, от противоречий и непоследовательности. Марксистская наука должна найти в себе силы и уменье не только переработать громадный фрейдовский материал, но продолжить его первоначальную линию монизма и материализма. Только участники классовой борьбы пролетариата смогут выковать из теории Фрейда новое оружие для борьбы с общественным неврозом религии, которая до сих пор являлась одним из крупных факторов классового угнетения: при помощи молитвенных, аскетических и культовых насосов выбрасывалась в пространство громадная энергия угнетенных классов, которая, не будь этого приспособления, уже давно взорвала бы на воздух своих эксплуататоров.

М. РЕЙСНЕР.

ФРЕЙД

ЕГО ЛИЧНОСТЬ, УЧЕНИЕ И ШКОЛА

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Я познакомился с Фрейдом в 1905 г. Уже задолго до того, его работы произвели на меня впечатление. Летом 1910 г. я, по личным причинам, разошелся с Фрейдом и вышел из Психоаналитического общества. Однако с 1905 по 1910 гг. я был достаточно близок к этому большому человеку. Этим оправдывается дерзание написать о нем книгу. Я никогда не прерывал своей работы в области психоанализа, который — в качестве научного метода — независим от личности своего основоположника. Благодаря тому, что я нахожусь в отдалении, на меня не падает тень могучей личности. Я — не загипнотизированный, поддакивающий последователь, каких у Фрейда более чем достаточно, но критически мыслящий свидетель.

I.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Зигмунд Фрейд — почти все биографические данные я заимствую из его произведения «Толкование сновидений» (1) — увидел свет в 1856 г. в небольшом провинциальном городе Моравии (2). Его мать была очень молода, и он был ее первенцем. Отец же его был в то время уже дедом по первому своему браку. Маленький Зигмунд родился дядей. Его племянник, по имени Джон, был на год старше своего дяди. Так как борьба между обоими детьми обусловила характерные черты позднейшего развития Фрейда, совершенно не лишне уже с самого начала упомянуть об этих обстоятельствах. В доме родителей говорили по-немецки, но до пробуждающегося слуха ребенка доносились и звуки славянского наречия.

Подобно Гёте, Фрейд явился на свет черным. Причина заключалась, однако, не в удушье, как это было у поэта. По словам Фрейда, он «родился с таким большим количеством черных спутанных волос, что молодая мать признала его маленьким арапченком». Биографы Гёте охотно отмечают парадокс, что мировой светоч Гёте явился на свет черным от асфиксии. Немного остроумнее будет видеть в темном одеянии головы новорожденного символ будущей миссии Фрейда, которая многим кажется дьявольской, а ему самому — связанной с «подземным царством».

Однажды поздно ночью пришлось прочесть Фрейду мою статью; внезапно вскочив, он воскликнул: «Посмотрим-ка, что по этому поводу говорит старина!», и вытащил из своей библиотеки вторую часть «Фауста». Когда я увидел, с какой любовью он погладил томик и затем углубился в него, разыскивая цитату, не особенно необходимую, по моему мнению, я почувствовал, что он устанавливает какую-то особенную внутреннюю связь между собою и Гёте. В своем «Толковании сновидений» он упоминает о легенде своего рождения в связи с легендой, рассказанной Гёте в его автобиографическом произведении «Правда и вымысел».

В 1911 году Фрейд созвал в Веймаре третий конгресс по психоанализу. Ему исполнилось тогда 56 лет, т. е. 8 раз 7 лет (3). Его путешествие в Париж, оказавшее решающее влияние на всю его дальнейшую жизнь, было им предпринято в 1886 г., ровно через сто лет после путешествия Гёте в Италию. Интересна, кстати, неоднократно высказываемая Фрейдом тоска по Италии, особенно по Риму.

Нужно предположить в Фрейде необычайно высокую самооценку и честолюбивое стремление ее оправдать. Какая-то старая крестьянка предсказала матери Фрейда, что она принесет в дар миру великого человека, а позже уличный импровизатор уверял его родителей в Пратере, что малютка достигнет поста министра. В старой Австрии это было больше того, что могло быть уделом буржуа. Не то удивительно, что предсказание старухи осуществилось. Но то, что Фрейду, 40 лет спустя, снится еще подобный детский вздор (4), показывает на его выходящее из ряда вон честолюбие.

Когда ребенку исполнилось три года, родители переселились в Вену. Со времен Марии-Терезии к столице распавшейся империи из Моравии притекала никогда не иссякавшая волна интеллигенции. Старший брат (от первого брака его отца) перенес свое местопребывание в Англию. Венская семья росла. Некоторое благосостояние позволило, по-видимому, вести привольную жизнь. Семья жила много лет подряд во втором венском округе на улице императора Иосифа (теперь улица Гейне). Фрейд отмечает, что имя Иосиф играет в его снах большую роль. Он учит, что под приснившимися королями и императорами нужно понимать отца. С другой стороны его ученик Штекель признает в приснившихся императорах не только символ отца, но и стремление к власти и господству. Иосиф II представлялся австрийской либеральной буржуазии со времени 1848 г. красой Габсбургской династии, образцом мудрости, доброты, прогресса и исполнения долга. На самом же деле этот император был деспотом, которого слегка коснулись мысли французских энциклопедистов. Его прогрессивность была наполовину усвоенным вольтерьянством, его доброта зависела от каприза, мудрость же ему присочинили. Необходимо лишь признать за ним строгое соблюдение того, что он считал своим долгом. В 1848 г. буржуазия вложила в его руку на памятнике знамя свободы. Его принцип: «Все для народа, ничего через народ!» указывает на своеобразие понимания им свободы.

Жизнь на улице императора Иосифа в столь важный пе-

риод, как юношеские годы, не остается без влияния. Фрейд сделался сам императором, вокруг которого создаются легенды, он властвует в своей империи, как просвещенный самодержец, муж непоколебимого исполнения долга (5). Он сделался деспотом, не терпящим никакого отклонения от своего учения. Он устраивает свои совещания за закрытыми дверями и путем своего рода прагматической санкции хочет провести и добиться, чтобы учение о психоанализе осталось неделимым, целым.

Фрейд посещал гимназию в Вене и восемь лет сидел на первой скамье первым учеником (6). Из первых учеников обыкновенно ничего не выходит. Первых учеников нужно делить на две группы. Одни — на все согласные бараны. Революционные стремления юности чужды им. Они приручены с раннего детства, не расходуя своих сил на протесты против воспитания, и становятся таким путем образцовыми учениками. Другие — из породы молодого Лессинга, про которого было сказано, что он лошадь, требующая двойного корма. У молодого Фрейда движущей силой было, по-видимому, пламенное честолюбие. К покорным его причислить нельзя. Он всегда был боевой натурой, с первых драк со своим старшим племянником (7) и до сегодняшнего дня. На четырнадцатом году своей жизни он получил в подарок собрание сочинений Бёрне, и по сей день, по прошествии 50 лет, хранит эту книгу, единственную из всех книг своей юности (8).

Фрейд долго колебался, посвятить ли себя изучению юриспруденции или естественных наук. Его таланты — острый, критический ум, красноречие, любовь к всемирной истории и гуманизму — предназначали его, казалось бы, скорее к изучению гуманитарных наук. Незадолго до получения аттестата зрелости Фрейд решился изучать медицину. В одном месте он говорит, что неохотно сделался врачом (9). В другом месте (10). он сообщает, что решающую роль в этом отношении сыграл опять-таки Гёте. На одной из лекций Фрейд услышал «несравненно прекрасное сочинение Гёте о природе» и будто бы под влиянием охватившего его внезапно энтузиазма решил изучать медицину. Это сообщение носит явный характер «покрывающего воспоминания». Что в действительности дало толчок Фрейду, я не знаю. Гёте сперва изучал юриспруденцию, затем сделался естествоиспытателем, и во все времена оставался поэтом. Штекель сообщил мне, будто Фрейд говорил ему о своем желании впоследствии сделаться романистом, чтобы оставить миру рассказанное ему его пациентами. Я полагаю, однако, что он не выполнит своего намерения.

Теперь Фрейд говорит, что для занятий психоанализом нет надобности в медицинских познаниях и что лучших своих учеников он нашел среди немедиков (частное сообщение).

Кто ищет свое призвание в естествознании, тот делает это или из любви к реальности, которую ему хочется постоянно видеть и которой он восхищается, или же, наоборот, потому что его склонность к отвлеченному столь велика, что он чувствует необходимость ее обуздания, чтоб она не завела его в безбрежные пространства. Так было, по крайней мере, со мной. Я приковал себя к медицине, чтобы прикрепить себя к твердой почве фактов. Может быть, так же обстояло дело и с Фрейдом. Он прошел многолетнюю суровую школу фактов.

Из Рафаэля вышел бы великий художник даже в том случае, если бы он появился на свет безруким. Точно также из Фрейда вышел бы крупный психолог, если бы он даже не изучал медицины. Но опасность психоанализа в том-то именно и заключается, что он может слишком удалиться от непосредственно видимого. Его могут захватить философы и мудрецы и испортить примесью мистического, т. е. сверхчувственного. Психоанализ — все еще скала, о которую разбивается мутная волна европейской современности, это прорыв разума в кажущееся лишь неразумным. Я не знаю, суждено ли Фрейду сделать дальнейшие значительные открытия. Но я думаю, что его непоколебимая мысль естествоиспытателя (несмотря на некоторые уклоны последних лет, мне все еще нет необходимости сказать: бывшего естествоиспытателя) убережет созданный им и распространившийся по всему земному шару психоанализ от вторжения мистики и схоластики. Пока он жив и держит узду в своих руках, опасности нет. Поэтому я считаю счастьем, что молодой Фрейд решил изучать медицину.

По окончании гимназии юноша поехал в Англию к своему единокровному брату, который по возрасту мог бы быть его отцом. Он старше Фрейда на 20 лет. Это путешествие очень расширило кругозор Фрейда. Его судьба еврея в кругу немецкого культурного общества заставила его с молодых лет испытать болезненное чувство недооцененности, чувство, которого не может избежать ни один немецкий еврей. Молодой Фрейд познакомился в Англии с частью своей семьи, которая избежала там этой опасности. Беседы со старшим братом научили его более справедливо и с большей нежностью относиться к их общему, уже стареющему отцу. Таким образом, это важное путешествие положило счастливый конец некото-

рым конфликтам юности, которые редко кому удается избежать (11).

Благосостояние семьи с 1873 г. — года большого кризиса, по-видимому, значительно пошатнулось. Молодой Фрейд нашел себе покровителей — по-видимому, его талант и необычайное усердие действовали подкупающе — так что он не только мог продолжать свое образование, но вскоре начал даже играть роль в науке. Уже студентом он сделался демонстратором у Эрнста Брюкке.

Венский медицинский факультет находился тогда в зените своей славы или несколько по ту сторону его. Брюкке украшал кафедру физиологии с 1849 г. по 1890 г., (умер в 1892 г.) и был одним из тех, кто создал совместно с Гиртлем и Рокитанским теоретические предпосылки, на которых основывались крупные практические успехи венских знаменитых врачей. Непоколебимая честность, с которой естествоиспытатели того времени наблюдали и описывали факты, нашла в Брюкке одного из своих самых выдающихся представителей.

В науке не так важна молниеносная вспышка ума, ведущая к открытию, как методическое доказательство. То, что утверждает человек науки, должно быть доказуемо и доступно проверке со стороны каждого, кто владеет научными методами. Кто начинал у Брюкке, мог далеко уйти от физиологии, но он не может уже отказаться от метода всю свою жизнь. Фрейд не может отделаться от научной совести. Этим он отличается от многих своих учеников. «Ужасные голубые глаза Брюкке» (12) не раз, по-видимому, пугали его, когда он собирался делать рискованные скачки в «подземное царство».

Итак, мы видим молодого Фрейда, препарирующего в лаборатории Брюкке диковинных рыб, на простом строении которых возможно изучение некоторых вопросов биологии. Сам Брюкке в то время занимался много офтальмологией. Еще до его избрания на венскую кафедру он опубликовал тщательную работу о строении глазного яблока и в процессе своего исследования он был очень близок к открытию офтальмоскопа. Он заметил, что темный зрачок озаряется, т. е. происходит так называемое свечение глаза, если на него направляют луч света почти по самой линии зрения наблюдателя. Он знал также, что это лучи света, отраженные сетчаткой. В 1849 г. появилась его работа о глазном яблоке. В 1850 г. Гельмгольц в Гейдельберге открыл офтальмоскоп и положил этим основание современной офтальмологии. Брюкке не догадался, что

для того, чтобы увидеть изображение отражающей свет сетчатки, необходима еще линза. Гельмгольц опередил его только на эту мелочь, которая и решила дело.

Судьбе угодно было, чтобы юный Фрейд также прошел мимо важного открытия, касавшегося вначале глаза. В 1884 г. химическая фабрика Мерка в Дармштадте послала Фрейду, который тогда был ординатором в больнице, пробу кокаина для научного исследования. Растение кока было известно как освежающее и вызывающее хорошее самочувствие нервное средство. В свойстве кокаина делать нечувствительной слизистую оболочку, не отдавали себе еще тогда ясного отчета. Фрейд к этому времени оставил уже, по-видимому, лабораторию и ограничился помещением в журнале («Heitlersche Zentralblatt für Therapie») статьи, в которой обширное место занимает история растения кока в Перу. Приводится несколько личных наблюдений относительно эффекта внутреннего употребления кокаина, и перечисляются взгляды других исследователей на это средство. Упоминается, что при питье раствора кокаина деревенеют язык и нёбо. Интересная статья кончается следующими словами: «Применение кокаина, основывающееся на его анэстезирующих свойствах, найдет себе место и в других случаях».

Эту статью прочел выдвигавшийся в то время хирург Карл Коллер, товарищ Фрейда; он направился в Институт экспериментальной патологии Штриккера и сказал там ассистенту Штриккера, Карлу Гертнеру: «По указаниям Фрейда я предполагаю, что раствором кокаина можно сделать нечувствительным наружный глаз».

Оба врача произвели сейчас же опыт на глазе лягушки, кролика, собаки и под конец на своих собственных глазах. Так Карл Коллер сделался благодетелем человечества. Об его открытии было доложено на конгрессе глазных врачей в Гейдельберге летом 1884 г., и телеграф разнес весть об этом до Австралии и Сан-Франциско. С открытием Коллера наступила новая эра для оперативной офтальмологии и не только для нее одной, но для всех тех областей хирургии, которые с применением местной анэстезии достигли невиданной дотоле высоты.

Когда Роберт Кох впервые увидел туберкулезную бациллу, столь малую и все же чрезвычайно страшную для человечества; когда Карл Коллер придавил булавочной головкой свою, сделавшуюся нечувствительной при посредстве кокаина, роговицу; когда Рентген впервые разглядел скелет своей

руки; когда задолго до этого Гальвани наблюдал дергающуюся от прикосновения к металлу ножку лягушки и Пифагор измерил квадраты своими треугольниками — тогда в океане ошибок и тьмы завоевывались опорные пункты будущего моста к другому берегу, о котором мы лишь догадывались. Поиски первичного феномена и трепет изумления перед найденным — в этом цель и очарование для естествоиспытателя. Для исследователя очень обидно пройти так близко от первичного феномена и не открыть его, как это случилось с Брюкке в 1849 г. и с Фрейдом в 1884 г.

Фрейд еще долго предавался болезненным размышлениям, как это могло с ним случиться. Еще в 1906 г., когда я посещал его лекции, он не мог примириться со случаем с кокаином. Он рассказывал о Коллере, будто у того давно уже была как бы навязчивая идея об открытии, которое могло бы иметь применение к глазу. Все, о чем он слышал или о чем он читал, он пытался, будто бы, поставить в связь с глазом. Таким образом, он не обнаружил никакой гениальности, когда, познакомившись со статьей Фрейда, впустил несколько капель раствора кокаина в конъюнктивальный мешок. Конечно, я убежден, что Коллер, который впоследствии не проявил себя ничем особенным, не может быть сравниваем по талантливости с Фрейдом. Но все же это механическое толкование открытия не может меня удовлетворить. Коллер, живущий сейчас в Америке, сделался глазным врачом лишь п о с л е своего открытия. Сперва он хотел изучать хирургию у Альберта; и объяснение Фрейда не срывает покрова с тайны творческого акта.

В восьмидесятых годах Фрейд следовал учениям известного психиатра и анатома в области мозга Теодора Мейнерта. Он работал в детской амбулатории Макса Кассовица, который приобрел впоследствии известность как биолог. Следы учения Кассовица о возникновении и распаде протоплазмы мы находим в 1920 г. в работе Фрейда: «По ту сторону принципа удовольствия». Кассовиц обладал острым спекулятивным мозгом и охотно перетряхивал старые и новые предубеждения. В большую заслугу необходимо ему поставить его горячую борьбу с алкоголизмом. Ценности лечебной сыворотки Беринга против дифтерита он не хотел, однако, признавать до конца дней своих. Непонятно, почему этот выдающийся естествоиспытатель был так скоро забыт.

II.

ШАРКО

В 1886 и 1887 гг. — по моим расчетам, зимний и летний семестр — Фрейд провел в Париже у Шарко, самого знаменитого невропатолога своего времени. Материальное положение Фрейда было тогда неважным. Я не сомневаюсь, что в Париже он бедствовал. Его любимым местопребыванием в свободные часы была башенная площадка Notre-Dame. Там он был одинок. В Вене он оставил позади многообещающее начало.

Нет ничего удивительного, что его притягивало блестящее имя Шарко. Уже перед отъездом Фрейд издал перевод лекций Шарко. Этот перевод нужно рассматривать как подготовку к поездке в Париж. Поездка эта обозначала бегство. Как путешествие Гёте в Италию было бегством от филистерства Веймара, так и Фрейд уступил раньше всего потребности порвать со своей прежней деятельностью. В лаборатории Брюкке он вначале был удовлетворен, его не обуревали никакие порывы. Мы видим, что он впоследствии покидает это место, и мы не слышим, чтобы по возвращении из Парижа он снова вступил в общение с любимым когда-то учителем. Его учитель по клинике Теодор Мейнерт, выдвигавший его сперва, впоследствии как будто бы сменил свое доброе отношение на враждебное (13). У молодого Фрейда было достаточно друзей и достаточно успеха. Но он чувствовал в ранце маршальский жезл и был разочарован. Чтобы понять, какого мнения о себе был этот молодой ученый, необходимо познакомиться с эпиграфом, который он предполагал предпослать своему большому труду о нервных болезнях: «Flavit — et dissipati sunt»[1]) (дополни: болезни). Или, может быть, нужно дополнить: «другие исследователи»? Изречение взято из надписи на английской медали в память уничтожения испанской армады. Оно гласит там: «Flavit Jehovah — et dissipati sunt». При

[1]) Он дунул — и они рассеялись.

передаче Фрейд выпустил Иегову (14). Тем сильнее чувствовал он его в груди.

Фрейд сообщает, что его история с кокаином относится к 1885 г. Это небольшой анахронизм, который я могу выяснить. Статья Фрейда о кока и открытие Коллера относятся к 1884 г. Фрейд передвигает дату своего разочарования ближе к бегству в Париж. Очевидно, события пропущенного года не носят радостного характера. Год аннулируется. Мы научились у Фрейда, что на языке бессознательного «post hoc» всегда обозначает «propter hoc». Мы считаем, следовательно: так как мои открытия предвосхищаются, так как армия способных людей работает здесь в области органической и только органической (т. е. на патологоанатомической основе) и я не вижу способа одержать верх над всеми ними, — я хочу испытать мою судьбу где-либо в другом месте. Принц Евгений прибыл из Парижа в Вену, чтобы сделаться фельдмаршалом. Молодой Фрейд пошел обратным путем.

Шарко провел большую часть своей научной жизни в патологоанатомическом институте. Ему было за пятьдесят, когда его освободили от прозектуры, чтоб он мог последовать своему влечению и, оставив анатомический нож и микроскоп, посвятить себя изучению нервных болезней, преимущественно истерии. Жане (не однофамилец Пьер, ученик Шарко и невропатолог, а Поль, философ) сделал в это время в Сорбонне попытку разбить господствующее материалистическое мировоззрение. В Германии, классической стране идеализма, не было недостатка в подобных же попытках. В больничных палатах Сальпетриера этот перелом в мировоззрении сказался, может быть, впервые, и в медицине. Шарко учил, что истерия — психогенное заболевание, что она, следовательно, протекает без изменения в тканях и вызывается чисто душевными причинами, которых нельзя обнаружить с помощью микроскопа. До тех пор понятие психогенного заболевания было чуждо для современных медиков. Истерия, обособленное положение которой было, конечно, известно, считалась большинством обманом, своего рода симуляцией, так что больные, кроме своей болезни, носили на себе еще печать нечестности. Более осторожная школа признавала, что патологоанатомические изменения при истерии еще не найдены, но полагала, что при овладении более тонкими методами и при улучшении качества микроскопов мы увидим нашим физическим глазом причину истерии. В те времена еще ничего не знали о внутренней секреции.

В наши дни уже не может быть сомнения, что невротические симптомы обусловлены уклонениями от нормы функции желез внутренней секреции. Но и эти расстройства в функции эндокринных желез подвластны бессознательным представлениям.

Шарко показал, что истерическому субъекту можно в гипнозе навязать известные представления. Скажем, легкий удар может иметь следствием паралич руки, истерический паралич. Паралич остается еще некоторое время по пробуждении. Таким образом Шарко экспериментально вызывает истерический симптом, паралич или какой-либо иной: например, нечувствительность кожи на каком-либо участке тела. Следовательно, Шарко доказал, что представления могут вызывать изменения в человеческом теле. Если же это могут сделать представления, привнесенные в психику извне, почему — и даже в еще большей степени — не могут этого сделать наши собственные бессознательные представления? В наше время мы не боимся более говорить о бессознательных представлениях.

Трудно провести границу, где кончается работа Шарко и начинается работа его учеников. Неоспоримо, что учение о психогенном характере истерии было основано Шарко в 1883 г. Вскоре к нему присоединился И. П. Мёбиус в Лейпциге. Но в общем это учение стояло в противоречии с господствовавшим тогда, да и посейчас еще господствующим направлением немецкой школы (15). Другой Зигмунд из школы Брюкке, а именно выдающийся физиолог Зигмунд Экснер, выпустил в 1894 г. книгу. «Опыт физиологического объяснения психических явлений». Книга появилась, приблизительно, одновременно с «Этюдами» Брейера и Фрейда. Через десять лет после того, как Шарко показал, что телесные заболевания могут обусловливаться представлениями, Экснер, подойдя с другого конца, объяснил психическое материальными процессами и примкнул, таким образом, к плеяде натурфилософов, Бюхнера, Молешотта, Геккеля, не видевших в душе и сознании абсолютно ничего таинственного, да и вообще не усматривающих в психическом никакой проблемы.

Исследователи материалистической школы своими смелыми экспериментами все более и более напирают на «душу». Шопенгауэр называет человеческую душу мировым узлом, который нельзя распутать. Экснер вообще не видит узла.

* * *

Итак, бывший ординатор венской Всеобщей больницы расхаживал по дворам Сальпетриер, удивительно напоминающий своими старыми серыми двухэтажными постройками главный госпиталь Вены. Он видел там за работой человека, который вышел из патологоанатомов, как и венские учителя Фрейда, и имел право считаться трезвым естествоиспытателем. И этот человек утверждал и доказал, что болезненные симптомы могут вызываться одними только представлениями. Фрейд, по-видимому, сейчас же понял, что он познакомился здесь кое с чем, что должно его привести к конфликтам с венской школой.

Венские врачи не знали, с какой стороны подойти к гипнозу. Мейнерт заявлял, что гипноз — это средство искусственно доводить своего ближнего до отупения. Это, конечно, не объяснение, а едкая шутка по поводу явления, которое хотелось бы считать несуществующим, потому что оно не укладывается в обычные рамки. Сорок лет спустя психиатр Вагнер-Яурегг, человек великолепного практического ума, сказал мне как-то в разговоре: «При гипнотизировании никогда не знаешь, кто кого надувает» (16).

Отрицательное отношение к школе Шарко зашло столь далеко, что Фрейд был осмеян в Венском Врачебном Обществе, когда он сообщил об описанных в Париже случаях мужской истерии. Мейнерт объявил это вздором. Один мудрец заявил: «Помилуйте, коллега, ведь «истерон» означает «матка». Ныне всем известно, что истерия так же распространена среди мужчин, как и среди женщин, только в другом облачении, сообразно разнице в социальном положении полов. Мейнерт на смертном одре сказал Фрейду: «Знаете, я ведь всегда был одним из прекраснейших случаев мужской истерии» (17). Этот факт приносит посвященному разгадку, почему Мейнерт и его современники так долго и упорно оказывали сопротивление признанию мужской истерии.

Фрейд писал относительно Шарко (18): «Он не мудрствовал, не был также мыслителем, он был художественно одаренной натурой, «visuel», как он сам себя называл — человеком зрительного типа. О своей манере работать он сам рассказывал нам следующее: он имел обыкновение рассматривать вещи, которые ему были неизвестны, по многу раз, день за днем усиливая впечатления, пока внезапно они не становились понятными ему. Перед его умственным взором прояснялся тогда мнимый хаос, обусловленный постоянным повторением одних и тех же симптомов; получались новые кар-

тины болезни, характеризующиеся неизменным сцеплением известных симптомокомплексов; четкие в своей завершенности и резко выявленные случаи, «типы», выделялись с помощью некоторого рода схематизации... Можно было слышать, как он говорил, что величайшее удовлетворение, которое может испытать человек, это увидеть что-либо новое, т. е. признать что-либо для себя новым...

По-видимому, Фрейд, развил и свой собственный дар зрительного восприятия по этому образцу. Во всяком случае, его нельзя назвать чисто зрительным типом, так как у него имеется установка на отвлеченное мышление. Фрейд безусловно и не слуховой тип, он не музыкален (19). Самое существенное в даре зрительного восприятия — мужество довериться ему. Это всегда только концентрация воли на своих собственных зрительных представлениях. Другие называют это интуицией. Каждый мог бы иметь в себе сократовского демона, т. е. внутренний голос, нашептывающий истины. Для этого надо только решиться взлелеять в себе такую таинственную силу. Естествознание не очень-то жалует методы, которые не взвешивают и не измеряют. «Здесь много скрытого таится яда»...

Шарко описал большой истерический припадок, который он, по-видимому, много раз наблюдал, согласно своей манере, и подразделил его течение на четыре фазы. Влияние его школы было так велико, что весь мир принял это подразделение. До Шарко никто не различал четырех фаз в истерическом припадке. В настоящее время подразделение Шарко всеми оставлено. В истерическом припадке нет правильностей. Хаос не может быть рассеян одним глядением, и визуальный тип видел фальшиво. Еще быстрее растаяло введенное Шарко подразделение гипноза на большой и малый гипнотизм, расчленение на три стадии и их названия. Мы увидим, что Фрейд перенял и то, что в таком даре зрительного восприятия может быть оспариваемо; пристрастие Фрейда к подразделению, пристрастие к во-первых, во-вторых, в-третьих, вводит иногда в заблуждение его самого и его учеников. Сидящие возле него бывают принуждены под влиянием его личности видеть вещи такими, какими видит их он, совершенно так, как ученики Шарко проглотили своего учителя вместе с его ошибками. Поэтому ученики Фрейда, несколько отошедшие от него, скорее призваны углублять и очищать стремительный поток его учения, чем благоговеющие апостолы, которых он ли-

шает пламенным дыханием своего ума их критических способностей.

Фрейд прибыл в Париж высокомерным анатомом — правда, с потребностью раскрепощения. Когда он покинул больницу Сальпетриер, у него сложилось новое представление о неврозах, которого он мог придерживаться всю свою жизнь: объяснение истерических феноменов расщеплением сознания. Работы Дельбефа, Бине и Жане прокладывают пути вглубь бессознательной психической жизни. Известному «я» противостояло, по-видимому, другое «я», чуждое официальному «я» и угрожающе противопоставлявшее себя ему.

Такое воззрение могло казаться венской медицинской школе лишь возвратом к средневековью, объяснявшему истерию одержимостью бесом. Но это было молодому Фрейду как раз по вкусу. Он был смолоду революционером и борцом. Защита дела дьявола (advocatus diaboli) была его стихией (20).

Корни будущего Фрейда берут, следовательно, начало еще с 1886 г. Отростки же прежнего Фрейда, занимающегося анатомией мозга, доходят еще до 1893 г., так как он опубликовал в 1891 и 1893 гг. две довольно хороших монографии о расстройствах речи и о детском параличе. Я познакомился с этими двумя дельными, теперь несколько устаревшими работами. Работа об афазии, посвященная другу, Иосифу Брейеру, написана вдумчиво и представляет значительную ценность. В обеих этих работах ничто еще не предвещает той бури, которая готовилась в нем, когда он их писал.

III

БРЕЙЕР И ФРЕЙД

Первое время по возвращении из Парижа наполнено, по-видимому, научной борьбой. Фрейд оторвался от венской школы. Большое впечатление произвел на него крах, который потерпели обещания Эрба, данные им в его большой книге об электротерапии. Поддержку он получал от своих связей с Парижем, которые он долго не порывал. Он снова перевел лекции Шарко, а впоследствии и Бернгейма.

Еще бóльшую поддержку нашел Фрейд в совместной работе с благородным по натуре и осмотрительным венским врачом Иосифом Брейером, своим намного старшим другом. Брейер, уже глубокий старик, и поныне живет в Вене. Отношения между Брейером и Фрейдом, как литературные, так и личные, уже давно прерваны. Фрейд был слишком интимен с Брейером, чтобы эта дружба могла продолжаться. Вулканическая натура Фрейда не терпит этого.

Вероятно, это были прекрасные часы, когда молодой Фрейд изливал перед своим другом Брейером, которого широкая практика отвлекала от любимой науки, то, чем было переполнено его сердце: Шарко, гипноз, психогенное происхождение истерии. Брейер был скорее противником подобных теорий. Ему никогда не удалось подавить в себе анатома и физиолога. В Германии уже тогда (1888 г.) И. П. Мёбиус предложил следующее определение: «Истеричны все те болезненные явления, которые вызваны представлениями». Брейеру казалось, что Мёбиус зашел слишком далеко. И все же под влиянием разговоров с Фрейдом он вспомнил об удивительном случае заболевания, который находился под его наблюдением в Вене в 1881 и 1882 гг.

Молодая истерическая девушка, подверженная явлениям паралича, расстройствам речи и сомнамбулическому состоянию, во время лечения ее Брейером изобрела метод, с по-

мощью которого она постепенно освободилась от всех своих симптомов. Брейер гипнотизировал ее, и в этом состоянии она сообщала, когда и вследствие каких причин возникали у нее болезненные симптомы. В гипнозе она вспоминала все то, что забывала в состоянии бодрствования. Примеры:

а) Не слышит по рассеянности, когда кто-либо входит. (Перечисляются подробно 108 подобных случаев, с указанием лиц и обстоятельств, часто приводятся месяц и число. Первый случай: она не слышала, как вошел ее отец).

б) Не понимает, когда говорят несколько человек сразу. (27 случаев; первый раз снова отец и знакомый).

в) Не слышит, когда она одна и обращаются непосредственно к ней. (50 раз. Начало — отец безрезультатно обратился к ней с просьбой налить вина).

После того, как больная разматывала нить в обратном направлении до ее начала, симптом исчезал. Он был, как говорили тогда Брейер и Фрейд, «отреагирован». Из статьи не видно, лечил ли Брейер по этому методу другие случаи. Некоторое время он доброжелательно приглядывался, как Фрейд применял в гипнозе открытый им на этой капризной пациентке «катартический», т. е. очищающий, метод. Оба исследователя подтверждают сперва в предварительной заметке (1893 г.) (21), а затем и в большой работе (1895 г.) (22), что вновь открытый метод приносит плоды, и что с его помощью удается освобождать истерических больных от их симптомов. Впрочем, в 1895 г. Фрейд уже отходит от гипноза.

Открытие Брейера явилось как бы дополнением или доказательством в обратном порядке в пользу эксперимента Шарко. Шарко показал, что с помощью соответственных представлений можно вызвать истерические явления, Брейер показал, что истерическое явление исчезает, если удастся перевести болезнетворное представление из бессознательного в сознание.

В 1889 г. Фрейд, вероятно, под впечатлением того, что открытие Брейера делает гипноз особенно необходимым, снова отправился во Францию, на этот раз не в Париж, а в Нанси, где Льебо и Бернгейм основали школу гипноза. Бернгейм не затруднял себя чрезмерно объяснением гипноза. «Il n'y a pas d'hypnotisme, tout est dans la suggestion» (гипнотизма нет — все дело во внушении), говорил он. От объяснения же сущности внушения он просто уклонился.

Фрейд никогда не был хорошим гипнотизером. Несколько десятилетий он уже вообще не гипнотизирует. Странно: в ши-

роких кругах распространено мнение, будто психоанализ представляет собой род гипноза, или по меньшей мере метод, пользующийся внушением. Фрейд разработал технику психоанализа, главным образом с той целью, чтобы сделать психотерапию независимой от гипноза. Когда на ярмарках видишь людей, занимающихся всякого рода гипнозом, с трудом удерживаешься от отвращения к этому ремеслу. Успехи в гипнозе не стойки, потому что они, в глубоком смысле, добыты нечестным путем. Гипноз относится к психоанализу, как пассивная иммунизация к активной. Это сказано для врачей. Для всех же: оба искусства относятся друг к другу, как потемкинские деревни к настоящим селениям.

Особенно глубокое впечатление произвел на Фрейда в Нанси следующий эксперимент Бернгейма (эксперимент А): выполнение после пробуждения приказания, полученного во время гипноза; сам по себе он оставляет сильное впечатление. «Вы проснетесь и через пять минут вы откроете в углу зонтик». Как приказано, так и сделано. Вопрос: «Почему вы в комнате открываете зонтик?». Здесь можно было бы ожидать ответа: «Мне было так приказано». Или: «Из внутреннего побуждения, которое я не могу себе объяснить». Однако мы не слышим ни одного из этих ответов. Получивший приказание конфузится, бормочет что-то, и, в конце концов, выдавливает из себя объяснение, которое всем, кроме него самого, кажется неправдоподобным, вроде: «Я хотел посмотреть, м о й ли это зонтик».

У Бернгейма сперва подвергались гипнозу здоровые. Из этого эксперимента выясняется, что все мы при определенных обстоятельствах действуем по иным побуждениям, чем полагаем. Истинные побуждения не осознаются нами. Мы лжем, не зная этого. В Нанси можно было присутствовать при крахе учения о свободе воли и победе детерминизма. Философия уже давно подготовила эту победу. Эксперимент Бернгейма демонстрировал это воочию.

Таким образом, мы видим у колыбели психоанализа трех ученых: Шарко, Брейера и Бернгейма. Из этих троих наименьшей известностью пользовался бы Брейер, если бы сам Фрейд не упоминал без конца имени Брейера и не выдвигал его как истинного основоположника психоанализа. Я сам, а также и другие, всегда удивлялись, что Фрейд столь высоко ценил сообщение Брейера. Брейер сам был на пути к тому, чтобы забыть о своем «случае», так как он до беседы с Фрейдом не понимал его и даже не думал об его опубликовании.

После экспериментов Шарко обратный подход при помощи вопросов: «П о ч е м у вы парализованы, с каких пор вы парализованы?» — напрашивался сам собою и рано или поздно был бы осуществлен и без случая Брейера; да он и был действительно осуществлен во Франции, где о Брейере ничего не знали. Кроме того, мы вскоре увидим, что существеннейшие открытия Фрейда, составляющие в настоящее время сущность психоанализа, не имеют ничего общего с Брейером.

Если Фрейд до Нанси еще не мог собственными силами обратить эксперимент Шарко, то он несомненно натолкнулся бы на эту мысль у Бернгейма, если бы даже он и не был никогда знаком с сообщением Брейера. Бернгейм брал в работу своих медиумов, которые не знали, почему они открывают зонтик, и показал эксперимент (Б), что он путем уговоров может достигнуть возвращения бессознательного представления в сознание. Он говорил приблизительно: «Вы ошибаетесь, ваше утверждение не является истинной побудительной причиной. Припомните только, что с вами произошло». Так уговаривал он до тех пор, пока весь забытый, казалось, процесс гипноза и полученное поручение не возвращалось снова в сознание медиума. Если Фрейд узнал в Париже, что для того, чтобы вызвать истерический симптом, нужен гипноз, то в Нанси он научился, что даже без гипноза, исключительно путем настойчивого уговаривания, можно снова свести симптом к вызвавшим его представлениям.

Ввиду того, что Фрейд неохотно гипнотизировал, сообщение Брейера — по моему мнению — не только не помогло ему в работе, но оказало скорее задерживающее влияние. И мы видим, что уже в 1895 г., еще в период совместной работы с Брейером, Фрейд оставил гипноз, чтобы перейти к психоанализу. Заслуга Брейера по отношению к психоанализу так же велика, как заслуга Брюкке по отношению к изобретению офтальмоскопа. Брейер видел свечение бессознательного, а Брюкке — сетчатки глаза. Фрейд же дал нам линзу, с помощью которой мы можем видеть картины психоанализа. Брейер в своем случае не заметил ни фиксации своей пациентки на отце, ни перенесения на личность врача, ни сексуальной символики. Динамическая сторона вытеснения должна была тем более ускользнуть от него, так как он гипнотизировал. Весь конфликт остался во мраке. Но ввиду того, что как раз эти механизмы составляют суть учения Фрейда, приходится не соглашаться с ним, когда он так демонстративно выдвигает на первый план имя Брейера. Впрочем, ему и

самому временами казалось, что он в этом отношении зашел слишком далеко (23).

Спустя короткое время после появления «Этюдов», Брейер разошелся в своем научном пути с Фрейдом. Когда появились и начали все более доминировать сексуальные толкования, когда Фрейд начал толковать сновидения, Брейер не захотел больше участвовать в этом. Он вернулся к увлечению своей молодости — органической медицине. Он не хотел быть толкователем иероглифов и кудесником, а предпочел остаться верным поклонником первичных феноменов, какими они предстают перед нашими взорами под микроскопом и в ретортах.

* * *

Вскоре после своего возвращения из Нанси, Фрейд женился. Жена его, уроженка Гамбурга, выросла в интеллигентной семье; она хорошая хозяйка и подходящая спутница для своего мужа, что не слишком легко, если представить себе жизнь, посвященную целиком работе. Еще и теперь Фрейд принимает больных с 9 часов утра и до 8 часов вечера. Своими письменными работами, как научными трудами, так и обширной корреспонденцией, он занят вечерами приблизительно до часа ночи. Затем он спит около 7 часов. У него прекрасный сон. В этом редком свойстве кроется секрет его трудоспособности.

После своего брака он произвел на свет одного за другим шестерых детей, трех мальчиков и трех девочек. Фрейд для них заботливый отец.

Он был и сейчас еще остается (его мать жива — ей 89 лет) хорошим сыном.

Я нарочно упомянул обо всем этом, так как человек, не знающий Фрейда, легко может представить себе его другим. Он лишил сексуальную мораль всякого кредита. Сам же он ни на один шаг не отклоняется в сторону. И в этом он тоже похож на своего предтечу Ницше.

Попавший в сферу Фрейда, получает о нем впечатление, как о человеке с крепкими нравственными устоями. Он строг не только по отношению к другим, но и по отношению к самому себе и отличается староавстрийской учтивостью, которая находится сейчас в периоде вымирания.

Он занимается благотворительностью, даже в бо́льших размерах, чем ему это позволяют его средства. Если характер Фрейда в моем изображении кажется не без изъянов, то нужно отдать этому необычайному человеку должное — он

с величайшей откровенностью признал перед всем светом большую часть своих ошибок в своей исповеди («Толкование сновидений», «Психопатология обыденной жизни»). Он выставил себя — как он там говорит — единственным негодяем в кругу исключительно безгрешных, образцовых людей. Прочие тщательнейшим образом скрывают свои слабости не только от других, но даже от самих себя. Волки одеваются в овечью шкуру. Честолюбцы притворяются скромными, недоброжелатели — самоотверженными. Фрейд проанализировал самого себя, и результат этого анализа преподнес миру в виде двух трудов. Подарки гения. Они были бы очень плохо оплачены, если бы одаренный ими мир надел очки и вычитал из этих книг: «Ага, он завистливая натура, ненавидит своих друзей; хотел во что бы то ни стало сделаться профессором!» и т. п. Обратите лучше внимание на гениальность и примите ее вместе с ошибками, ибо своеобразие этого таланта так спаяно в одно целое с его так называемыми недостатками, что недостатки становятся достоинствами. Гений должен быть одиноким. Из этой формулы вытекают все отрицательные черты характера Фрейда. Я лишь за одно на него сердит: он курит слишком много сигар. Но и это, собственно, идет к нему; он нуждается для мышления в дымовой завесе.

Фрейд дает следующее разъяснение о самом себе: «Интимный друг и ненавистный враг были всегда необходимой потребностью моей эмоциональной жизни. Я всегда умел раздобыть себе того и другого, и нередко идеал детства восстанавливался в такой мере, что друг и враг совпадали в одном лице, конечно, уж больше не одновременно и не в сменяющих друг друга периодах вражды и дружбы, как это, вероятно, было в первые детские годы».

Фрейд относит эту особенность своего характера, сходную со свойством электрического полюса, к борьбе, которую он вел в раннем детстве со своим племянником Джоном. Последний был на год старше своего дяди, так что дядя не мог с достаточной внушительностью отстоять свой авторитет. Сперва друзья, которых он отталкивал впоследствии от себя, были старше его, они были отцами. Затем пришла очередь братьев. Стареющий Фрейд видит себя окруженным первобытной ордой, которая хотела бы перекусить горло своему производителю. А за всем этим стоит маленький Зигмунд, который защищается: «Я колотил его, потому что он колотил меня» (24).

IV

НЕВРОЗ СТРАХА

В 1892 г. Брюкке навсегда закрыл свои «ужасные голубые глаза». В том же году скончался и известный анатом головного мозга Мейнерт, клинический учитель Фрейда. Я не считаю случайностью, что Фрейд в следующем же году опубликовал вместе с Брейером первую работу, знаменующую его вступление на новый путь. Брюкке и Мейнерт, ученые, строившие свои теории на патологоанатомической основе, и научные отцы Фрейда должны были сперва закрыть глаза, чтобы их неудачное детище могло резко отвернуться от анатомии и физиологии.

Катартический метод Брейера и Фрейда впервые сделал бессознательный психический конфликт исходным пунктом аналитической работы. В том же самом году, когда появились его этюды по истерии (1895), Фрейд опубликовал работу о неврозах страха. Странно, что в этой работе он не усматривает действенной роли психического конфликта в области, где, казалось, нельзя было предполагать ничего иного, кроме психического конфликта как такового: в области страха (25).

В этой работе Фрейд говорит не только о страхе, он перечисляет значительное количество ощущений и болезненных явлений, которые он ставит рядом со страхом в качестве «эквивалентов»: сердцебиение, одышка, потение, дрожание, головокружение, понос, ощущение ползания мурашек и пр. Хотя Фрейд дает своей работе очень скромное заглавие и как будто выделяет из общего понятия нервности лишь небольшой комплекс симптомов, все же, в конце концов, получается впечатление, что все нервные явления — эквивалентны, или, лучше сказать, — маски страха. Действительно, проблема страха — центральный пункт невроза. Страх всегда имеется, только иногда он не осознается и «конвертируется» в те-

лесный симптом. Необходимо освоиться с трудной мыслью, что мы часто боимся, не зная того.

Если бы Фрейду было ясно, что он, под предлогом выделения нескольких симптомов из общего учения о неврозе, в действительности охватил всю эту большую область в понятии «страх и его эквиваленты», он, вероятно, в ужасе отпрянул бы перед тем, что делал.

Ведь в том же году, когда в своих «Этюдах» он выступил с утверждением, что неврозы проистекают из психических конфликтов, он, с другой стороны, открыл актуальные неврозы, возникающие якобы не благодаря психическому конфликту, а вследствие других вредностей. Наряду с определенной формой головной боли, сопровождающейся расстройствами деятельности желудка, которые, по его мнению, обусловлены онанизмом, он описал состояния страха, которые он приписывал недоведенному до конца coitus'у. «При фобиях неврозов страха этот аффект путем психоанализа ни к чему не удается свести... точно так же, как он не поддается психотерапии».

Когда я принадлежал к более тесному кругу учеников Фрейда, Штекель неоднократно высказывал требование, чтобы Фрейд представил чистый случай невроза страха, в котором страх возникал бы не обходным путем через бессознательные представления, но из актуального вредного момента, как, например, недоведенного до конца полового акта. Фрейд оказался в затруднительном положении. Он возразил, что теперь он видит лишь самые тяжелые случаи, смешанные случаи неврозов страха и истерии. Но он не признавал, что совершенно не существует чистых случаев невроза страха. Ввиду того, что Штекель продолжал описывать случаи страха, в которых причиною являлись психические конфликты, Фрейд предложил настойчивому ученику для подобных случаев название: истерия страха. Таким образом, с тех пор как Штекель занял непримиримую позицию, для Фрейда и для тесного круга его школы существуют два вида нервного страха: один не имеет корней в бессознательном и называется неврозом страха, второй называется «истерия страха», и только последний может быть устранен психоанализом.

Я полагаю, что школа «насмехается сама над собою, не зная того». Я присоединяюсь к взгляду Штекеля (26) и убежден, что всякий страх имеет свое основание в сознательных или бессознательных представлениях. Ведь именно Фрейд научил нас спрашивать, и поэтому я задаю тому, кто испытывает

страх, вопрос: «Чего вы боитесь?» и не удовлетворяюсь ответом, что он не знает этого. Недаром эксперимент (Б) Бернгейма научил меня, что не следует доверять даже тогда, когда приводится разумная причина. Действительная причина неосознана и до нее можно доискаться только с трудом.

Клиницист знает две сопровождающиеся страхом картины болезни, причем налицо нет представлений, из которых проистекает этот страх: стенокардию и Базедову болезнь. Но и здесь страх сводится к смутным представлениям.

Стенокардия есть ощущение стеснения в груди, возникающее в форме острых приступов. «Как будто когтями хватают за сердце», так описывается часто этот припадок. При этом больные испытывают столь сильный страх, что последний был даже назван чувством уничтожения. Причина стенокардии не вполне выяснена. В последнее время ее пытаются даже устранить хирургическим способом, путем перерезки определенных нервов. Во всяком случае, приступы весьма опасны для жизни и смертельный страх вполне объясним. Воспринимающему органу передается явление, таящее в себе опасность, и, как реакция, возникает страх.

Базедова болезнь обусловлена усиленной функцией щитовидной железы. Щитовидная железа регулирует потребление кислорода. При Базедовой болезни человек слишком быстро сгорает, пожирает самого себя. Он подобен часам без тормозящего механизма — пружина быстро разворачивается. И здесь воспринимающему органу передается состояние, способное вызвать страх.

Возвращаюсь к неврозу страха по Фрейду. Coitus interruptus наблюдается слишком часто и потому не может считаться причиной страхов. Когда Фрейду было сделано это возражение, он ответил, что необходим, правда, еще «конституционный момент», чтобы вызвать состояние страха. Ведь и бацилла туберкулеза встречается всюду, но вызывает туберкулез лишь у предрасположенных к нему.

К сожалению, понятие о конституции, которая должна предрасполагать к состояниям страха, совершенно туманно. Правда, мы не можем совершенно отрицать наследственное отягощение, но ведь именно сам Фрейд выступил, чтобы заменить учением о вытеснении эту безнадежность, сковывавшую больных и здоровых 40—50 лет тому назад. Если вообще существуют болезни, обусловленные вытесненными представлениями, то никак нельзя предположить, чтобы именно страх мог проистекать из других причин, кроме представлений, ос-

тающихся у невротиков бессознательными. Дело идет о том, чтобы извлечь эти представления с помощью психоанализа и обезвредить их лучом разума.

В 1895 г. мы видим у Фрейда перелом. Его начинания в такой мере шли вразрез с учениями школы, из которой он вышел, что он сам испугался собственных открытий. Под взором Брюкке и Мейнерта, со дня смерти которых для его внутреннего «я» протек еще недостаточно долгий срок, он отступил довольно далеко назад под прикрытие Шарко и Мёбиуса, учивших еще до Фрейда, что все нервные симптомы обусловлены представлениями. Работа Фрейда об актуальных неврозах представляет как бы внутреннее «нет», которое этот выдающийся ум противопоставил другому своему труду того же года.

Как раз вследствие своей ошибочности работа Фрейда снискала похвалу и признание. Правда, здесь впервые выявилась сделавшаяся впоследствии знаменитой «односторонность» Фрейда: указание на сексуальный момент, как на болезнетворный фактор. Сексуальная жизнь, разумеется, уже и раньше рассматривалась как причина неврастении.

Нововведение состояло лишь в том, что причиной в с е г д а должна была являться сексуальная жизнь, прочие же вредные моменты, как переутомление, огорчение, оскорбленное самолюбие, денежные потери и пр., едва принимались во внимание. Раздался первый трубный звук, которым просыпающийся исполин возвещал миру свою сексуальную теорию. Так как Фрейд, по-видимому (нам это лучше известно), осветил лишь небольшой сектор из большого круга неврастении и только относительно него высказался, что он всегда сексуального происхождения, то ему верили, его хвалили потому, что он поставил на надлежащее место бывшую до того в загоне сексуальную этиологию, и были очень удовлетворены непосредственным превращением вредного момента (онанизма, coitus interruptus) в симптомокомплекс болезни. Бессознательные представления в качестве порождающих болезнь сил оказались неудобоваримыми для людей, обладавших ученостью по части анатомии и физики. Однако, непонятное возникновение страха вследствие обрывания полового акта считалось приемлемым. Учение об актуальных неврозах, одно из немногих ошибочных построений в замечательном творении Фрейда, попало в учебники и находится там и поныне. Студентов старательно держат вдали от замечательных истин Фрейда, но они изучают необоснованную теорию актуальных

неврозов. Ее все еще защищает более узкий круг учеников Фрейда. Так, еще в 1922 г, я нахожу ее у Ференча. Все, что когда-либо было высказано учителем, остается в силе для его апостолов, пока он сам от этого не откажется. Он должен был бы, наконец, сделать это, чтобы его верным ученикам не приходилось дольше влачить тяжесть ошибки.

Фрейд неохотно занимается своими прежними работами. Критикам же он дает ожесточенные арьергардные бои. Так, он утверждал когда-то, что акт родов, и именно процесс прохождения плода через мучительно узкие родовые пути, является источником и причиной страха. При этом мнении он остается еще в 1923 г. Он, действительно, зрительный тип, подобно своему учителю Шарко, и это не всегда полезно. Он до тех пор созерцает явления, пока они не выглядят так, как ему хочется.

Я наблюдал многих детей тотчас же после родов и не мог подметить у них никаких аффектов; последние зарождаются в психике лишь значительно позже. Фрейд задает себе самому вопрос: «Как обстоит дело с детьми, которых извлекают при помощи кесарева сечения?» Откуда берется страх у них? Сначала Фрейд серьезно утверждал, что эти дети (Macduff) не ведают страха. В дальнейшем он стал ссылаться на принцип филогенетического наследования. Предрасположение к страху наследуется нами от стольких поколений, что от него не ускользает и отдельный Macduff (т. е. «вырезанный из утробы своей матери»). Дальнейшее возражение: как обстоит дело у птиц, процесс рождения которых иной и которые все же пугливы? Ответ Фрейда: «Я говорю о людях. Как обстоит дело у животных, я не знаю».

Это я называю арьергардным боем.

Страх заложен во всем живущем. Страх перед действительными опасностями Фрейд называет реальным страхом. Немотивированный же страх он называет невротическим. Между тем не существует немотивированного страха. Всякий страх — реальный страх. Только невротику неугодно знать, чего он страшится. Мотивы скрыты в бессознательном.

Однажды я видел лошадь, испугавшуюся аэроплана. Последний был погружен на длинную телегу, прикрыт брезентом и подвигался задней частью вперед навстречу лошади. Торча вверх под брезентом, он имел фантастический вид. Он походил на плезиозавра или какое-либо иное чудовище доисторических времен. Лошадь никогда не видела ничего подобного и боялась. Я наблюдал также семимесячного мальчугана,

которому дали поиграть пушистым плюшевым медвежонком. Ребенок испуганно отпрянул; по-видимому, пушистое внушало ему страх. Перед нами было первое проявление страха, наблюдавшееся у этого ребенка. Несомненно, таким образом, что страх имеет филогенетическое происхождение, мотивы его основаны на опыте и таятся в глубинах бессознательного.

* * *

Психолог должен решить, собирается ли он заниматься философией, разрешающей вопросы о первопричине всего сущего, или же он будет опираться на факты, как и другие естествоиспытатели. Желательно ли ему знать, что представляет собою по существу страх, или же он так же хочет оперировать понятием страха (практически столь же ясным, сколь темным метафизически), как физик понятием силы. Физик измеряет силы и считается с ними, не заботясь о сущности силы. Он не интересуется тем, что скрыто за явлением. Только когда наступает старость и он устает считать, в нем просыпается потребность в метафизике, как мы это видим у Маха и Оствальда.

В прежние годы Фрейд обычно иронически утверждал, что он не читает философов, так как имеет несчастье не понимать их (27). Однако, с недавних пор можно видеть пожилого ученого, отправляющегося в отпуск с карманным изданием Шопенгауэра. На склоне лет он стал ближе к метафизике, подобно многим естествоиспытателям после понесенных трудов. В его области это называется метапсихологией. Естествознание вещь хорошая, недурная вещь и метафизика. Но смесь из обоих есть нечто сумбурное.

Когда кто-либо утверждает, что страх нервных людей только кажется беспричинным, что всегда можно найти причину — и вполне достаточную причину — в бессознательном, что, следовательно, страх имеет свои основания, то перед нами — описательное естествознание. Всегда можно найти и выявить этот механизм страха. Учение о том, что coitus interruptus непосредственно порождает страх, также могло бы стать описательным естествознанием, если бы действительно удалось демонстрировать эту, на первый взгляд, непонятную связь. Так как это не удалось, то Фрейд, не пожелавший отказаться от своего учения, сконструировал метафизические механизмы; эти последние, правда, глубоки и остроумны, но они относятся не к той сфере, где работаем мы с нашими больными в целях их излечения.

Пример: дочь фиксировала свою любовь на отце. Она ничего не знает об этом, так как из моральных побуждений она вытеснила в бессознательное кровосмесительные инстинкты. Она страдает приступами страха. Фрейд считает возможным, что вытеснение либидо возвращается в сознание в виде страха. Как это происходит? Каким колдовством?

«Проникнуть в это мы не в состоянии... топическая динамика развития страха пока темна для нас; какой вид психической энергии и из каких систем затрачивается при этом, нам также неизвестно. Я не могу обещать вам дать ответ и на этот вопрос» (28).

В других местах Фрейд называет страх негативом либидо. И когда он учит, что либидо всегда проявление мужского начала, то, вероятно, следует дополнить, что страх — его женский коррелят. Это, действительно, неясно и мало пригодно для практики. Напротив, иное толкование совершенно ясно. Дочь страшится самое себя, страшится силы своих инстинктов, толкающих ее на отвратительные для нее поступки. Из разыгрывающегося в бессознательном конфликта между моралью и инстинктами возникает страх. Девушка боится самое себя. Она явственно чувствует, что могло бы случиться нечто ужасное. Так как это ужасное не осознано ею, она не знает также, чего она боится. Ей может быть оказана помощь путем психоанализа. Разумеется, на этой ступени естественнонаучного знания нельзя определить ни того, что представляет собою страх, ни сущности морали, совести, инстинкта и бессознательного. Психоаналитик вправе отказаться на практике от такого теоретического познания; более того, он даже не должен разрешать метафизике непосредственное вмешательство в свою работу.

* * *

При всем том не подлежит сомнению, что Фрейд лишь потому мог указать на причинную связь между онанизмом и coitus interruptus, с одной стороны, и страхом или его эквивалентом, с другой, что эти явления часто сопутствуют друг другу. Связь эта, однако, такова:

Онанизм не порок и не болезнь, но представляет собою нормальную форму человеческого полового наслаждения. Сам по себе он также не вреден. Если бы Штекель не дал ничего, кроме выяснения и мужественной защиты этих положений, он и тогда заслуживал бы памятника от освобожденного юно-

шества (29). Так как онанизм заклеймен культурой и воспитанием, юношеству навязывается борьба с ветряными мельницами. Эта борьба сгоняет с лица краску, делает пугливым, рождает сознание собственной вины и страх. Юношество заболевает не от онанизма, но от борьбы с ним.

Но этим не исчерпывается сущность онанизма. Последний представляет лишь мост на пути между пробуждением генитальной половой жизни и завоеванием женщины. Там, где по каким-либо причинам не может быть добыта женщина, там онанизм часто утверждается надолго и за актом мастурбации скрывается фантазия, содержание которой часто так антиморально и ужасно, что она не допускается в сознание. Вытеснение подобных извращенных или преступных картин и желаний может вызвать, пожалуй, головную боль или какую-либо иную форму невроза: угрызение совести, депрессию, меланхолию и желание покончить с собой. И здесь излечение может быть достигнуто отнюдь не запрещением онанизма, но осознанием, помощью психоанализа, извлечением на свет головы медузы.

Владелец одной австрийской санатории для нервных больных читал Штекеля, но недостаточно основательно, и дал молодому человеку, обратившемуся затем за помощью ко мне, совет: «Вы должны онанировать по крайней мере два раза в неделю!» Этот курьезный невропатолог не имел никакого представления о демонах бессознательного. Юноша страдал от бессознательной фантазии: уничтожить отца и всех сестер и братьев, чтобы остаться вдвоем с матерью. Врач своим советом, в сущности, побуждал его два раза в неделю совершать убийство и пятнать себя кровью. Благодаря этому пациент был доведен почти до безумия.

При половом общении фантазия занимает столь доминирующее положение, что всякий иной подход к этому вопросу несуществен и вводит только в заблуждение. Если двое людей любят друг друга, тогда всякая приятная для них форма полового общения нормальна и благородна, раз уж непременно требуется моральная оценка. Напротив, так называемое нормальное половое общение превращается в онанизм, если партнеры не любят друг друга. Однако, ввиду того, что человек очень нуждается в любви, за подобным общением скрываются всегда фантазии, как мы это знаем из «Wahlverwandtschaften» Гёте. Каждый из партнеров фантазирует о воображаемом счастье и аннулирует того, в чьих объятиях он лежит. В таком случае лучше, и по меньшей мере эконом-

нее, онанировать. В одиночестве фантазии предоставляется бóльшая свобода.

Coitus interruptus сам по себе столь же безвреден, как и онанизм. Правда, если один из партнеров становится угрюмым, если неудовлетворяющее его половое общение порождает в нем мысли, подвергающиеся вытеснению, например: «Отчего я связан с нею? Она мне совершенно не нравится; я хотел бы освободиться от нее. Если бы только не было детей! Может быть, они умрут; может быть, умрет дорогая супруга...» — тогда моральная инстанция протестует против подобных мыслей, и если злые желания стремятся прорваться на поверхность, то возникает страх.

В тысячах случаев имеет место coitus interruptus, не принося вреда. Я допускаю мысль, что едва ли он когда-нибудь приносит вред при внебрачных половых сношениях. Так оправдывается мудрость писателя: «Сами по себе вещи не плохи и не хороши; их делает такими только мышление».

V

ТОЛКОВАНИЕ СНОВИДЕНИЙ

В 1896 г. Фрейд лишился отца. По Фрейду, смерть отца — важнейшее событие в жизни каждого мужчины (30). Пока жив отец, остаешься его ребенком и, следовательно, ребенком вообще. С его смертью мужчина сам превращается в отца, независимо от того, имеет ли он детей или нет. От отца мы получаем зародышевую плазму: то бессмертное в нас, в отношении чего мы играем лишь роль смертных администраторов в течение краткого срока нашей жизни. В управление этим имуществом вступают, в сущности, лишь после кончины прежнего владельца майората. Пока жив отец, мы связаны с прежними поколениями, с прошлым и, следовательно, с детством. Невидимая пуповина соединяет нас с ним, пока он не сходит в могилу. С этого поворотного пункта прошлое внезапно исчезает, и взор устремляется в будущее навстречу грядущим поколениям, и, если хотите, навстречу солнцу.

Солнце — древний символ отца.

Отделение от прошлого и окончательное формирование личности никогда не протекает без внутренней борьбы.

Доля любви и — так как чувства биполярны — обычно и доля противоречия (ненависти) освобождаются и требуют нового приложения. Заключаются или расторгаются дружеские связи, заключаются более или менее необдуманные браки. Душа смущена и склонна ко всяким взрывам. В биографиях никогда не следует забывать дату кончины отца. Здесь ключ, отмыкающий запертые двери.

Мы пытались показать, что смерть его духовных отцов (и Шарко умер в 1893 г.) не осталась без влияния на творчество Фрейда. Но он все еще примыкал к Брейеру, другу, бывшему для него как бы отцом, и присоединялся к учениям других школ. После смерти физического отца сын выпрямился во весь рост и стал Фрейдом. Быстро, одна за другой, возникли

работы, появившиеся затем в печати под заглавием: «Толкование сновидений», «Психопатология обыденной жизни» и «Сексуальная теория». Фрейду было уже сорок лет, когда умер его отец (31). В противоречии с учением Оствальда он — великий человек, только поздно нашедший себя.

* * *

Фрейдовское толкование сновидений подвергается ожесточенным нападкам. Посредственности, монополизировавшие человеческий здравый смысл и издавна пользующиеся им для подавления всего разумного, по сей день не перестают качать головами. Но каждый, кто толкует сновидения по методам, найденным Фрейдом и разрабатываемым дальше его учениками, должен признать, что не остается ни малейшего сомнения в абсолютной правильности его открытия.

Сновидение, которое рассказывается, — не то сновидение, которое снилось. Чтобы понять скрытый смысл сновидения, нужно сперва свести данное сновидение к скрытым за ним мыслям. Подобно шифрованному письму, данное сновидение может быть расшифровано лишь при помощи специального ключа. Шифрованные сообщения также обычно кажутся бессмысленными. Расшифрованное же сновидение имеет всегда глубокий смысл. Самые скрытые побуждения: запретные желания, чувства любви и ненависти, преступные склонности, мания величия, самообожание, тоска по смерти столь замаскированно изживают себя во сне и в сновидении, что тот, кто видел сон, затем сам не понимает, что ему приснилось.

Искажение сновидения благодетельно для того, кому оно приснилось, потому что оно снимает с данного лица ответственность за приснившееся. Фрейд, подобно Прометею, вместе со светом, озаряющим тайники сновидений, навязал человеку ответственность за них. Пока сновидения считались бессмысленными, уподоблялись пене (songes-mensonges), не стоило заниматься ими. Насколько тяжелее станет существование, если совести придется отвечать и за сновидения; если мы в сновидениях найдем свои злые помыслы и стремления, свои протесты против морали и культуры и если дельфийское «познай себя» потребует столь неожиданного углубления! Вот где более глубокая причина, почему открытие Фрейда признается лишь с неохотой. Мертвые возвращаются, т. е. возвращаются злые или почему-либо боящиеся света мысли, которые считаются мертвыми, и как таковые ввергаются в преис-

поднюю бессознательного. В сновидениях мы убиваем самых близких и дорогих нам людей. Мы переживаем извращенности, которые наяву приводят нас в трепет. Сновидение разнуздывает все преступные инстинкты. В сновидении мы дерзаем на многое. Ведь мы в оковах сна и потому нет опасности, что мы действительно выполним ужасные фантазии. Никто не знает наших сновидений, даже мы сами не ведаем их, так как искажение сновидения затемняет истинный смысл оргий. Особенно предательские сновидения забываются; внутренняя цензура не пропускает их.

Уже до Фрейда существовали мыслители, приписывавшие осмысленность сновидениям. Сам Фрейд цитирует, как своего предтечу, Поппер-Линкеуса, скончавшегося в 1921 г.; другие приводят места из Ницше (32), указывающие на смысл сновидений. Однако, существует разница между тем, сверкнула ли истина, как искра гениального ума, в афоризме, и затем снова погрузилась в океан заблуждений, или же она систематически становится достоянием науки, чтобы никогда более не исчезнуть.

Фрейду неоднократно указывалось, что Ницше предвосхитил некоторые достижения психоанализа и сексуальной теории. Он возражал, что с Ницше он почти незнаком, и уж потому должен отказать себе в удовольствии ознакомиться с его произведениями, «что желает, чтобы при обработке психоаналитического материала ему не мешали никакие представления ожидания (33). Впрочем, он, по-видимому, уже отказался от своей прежней точки зрения и упаковывает в свой чемодан вместе с Шопенгауэром несколько томов Ницше.

* * *

«Сновидение — via regia в бессознательное». С тех пор как мы понимаем язык сновидения (т. е. начиная с 1900 г., после перерыва в несколько тысячелетий), перед нами настежь распахнулись ворота в бессознательное, и мы безуспешно стали бы противиться вступлению на путь, ведущий в это подземное царство. Если ранее лишь смиренные христиане ведали, что они жалкие грешники, то теперь даже гордый культурный человек и гражданин своего отечества должен будет признаваться в своих преступных и анархических инстинктах и отвечать за них. Система затушевывания приходит к концу: начинается психоанализ. Если люди по натуре звери, то они должны знать об этом и не обманывать себя и других. Ведь

зверь доступнее укрощению, если известны его страшная сила и коварство. Народы долго жили в мире и считали, что вряд ли когда-нибудь будет возможна война. И вдруг она оказалась тут, непонятная в своем зверстве. Казалось бы, ужасы массового убийства не сотрутся из нашей памяти. Что происходит в действительности? Когда возвращающиеся с фронта рассказывают о пережитом, все разбегаются. Когда автор предлагает книгу о войне, издатель отмахивается от него. Довольно с нас войны; никто не хочет слышать о войне. Хотят забыть об этих ужасах. Если бы наши предки, пережившие войны, не переставали твердить детям о том, что представляет собою война, то, быть может, воспоминание о вываливающихся внутренностях множества людей было бы в состоянии предотвратить войну. Наши предки не исполнили своей обязанности, мы сами безнадежно впадаем в тот же грех. Потому что мы слишком трусливы, чтобы взглянуть войне в ее подлинное отвратительное лицо, потому что мы вытесняем эту голову медузы из нашего сознания, она остается в живых, выползает из бессознательного и пожирает нас с кожей и костями. Мы ведем войны, потому что внутренне мы убийцы. Если бы это было нам известно, мы не могли бы оставаться убийцами, так как считаем убийство недопустимым. Но мы не желаем этого знать и потому остаемся убийцами.

Так обстоит дело со всеми нашими страстями. Фабриканту пушек снится война, импотенту — свободная любовь, жене импотента — атлеты и опереточные тенора. Фабрикант пушек не знает, что ему приснилась война, которая должна принести ему большие барыши. Но и без ясного знания о своем сновидении он сознает свою вину. Он подготовляет массовое убийство. Поэтому он набожен, занимается благотворительностью и держит себя с достоинством. Было бы лучше, если бы он вел менее примерный образ жизни и не заставлял нас расплачиваться за свои благодеяния жизнью наших детей.

Жена, убивающая во сне своего мужа, окружает его поэтому нежностью и чрезмерной заботливостью, так что бедняга еле выносит все это. Импотенту снятся развратные похождения, и поэтому он разыгрывает из себя святошу, ополчающегося против жизненных утех за их безнравственность. Бессознательные представления действуют, хотя мы ничего о них не знаем. Мы только с виду невинны. В действительности мы угнетены и несвободны. Сознание вины у всех людей столь велико, что они выдумали первородный грех и стали притя-

гивать метафизические объяснения. И вот явился Фрейд и заявил: «У вас дурная манера освобождаться от текущих долгов. Вы переносите их из книги «Сознание» в другую: «Бессознательное», в которую вы в дальнейшем не заглядываете. Кредиторы не удовлетворяются этим. Они напоминают вам о долге в ваших сновидениях, и ввиду того, что вы отказываетесь платить, вы попадаете в долговое отделение тюрьмы. Счет актива книги «Сознание» очень отягощен. Но вы нечестные купцы, подчищающие дебет, вместо того, чтобы вести правильный учет».

Толкование сновидений увеличивает нашу ответственность. Если бы мир не был преисполнен сознания вины (Линкеус называет это мировым криком страха), которое дает о себе знать тысячами проявлений и ставит на голову разум (до Фрейда причина этого оставалась неизвестной), можно было бы полагать, что толкование сновидений скорее сделает жизнь более тяжелой.

Раз сновидение — исполнитель наших затаенных желаний, то следует предоставить ему полную свободу, не препятствуя ходу его механизма своими дьявольскими машинами. Не сновидение делает нас виновными. В нас жив преступный инстинкт, изживаемый в сновидении безнаказанно, так как он никому не вредит и доходит до сознания в столь искаженном виде, что не отягощает нашей совести, или, по крайней мере, отягощает ее не всей своей тяжестью.

Так, сновидение освобождает нас от скрытых желаний, невыполнимость которых заставляет нас страдать.

Действительно, в толковании снов таится «скрытый яд и его с трудом можно отличить от лекарства». Из миллиардов сновидений, создающихся в человеческом мозгу, к счастью, лишь самое ничтожное количество подвергается толкованию. Пациенты Фрейда побуждали его к толкованию сновидений. Они постоянно рассказывали ему свои сновидения, пока ему, как психологу, не стало ясно, что больные хотят сообщить ему что-то на языке сновидения. Итак, ему не оставалось ничего иного, как изучать этот язык, подобно тому как в сказках мудрецы изучают язык птиц.

После опубликования Фрейдом своей книги около десяти лет не слышно было отклика. Но с тех пор многие овладели новым оружием и применяют его не всегда на благо своих ближних. Пусть никто из тех, кто живет без терзаний, не стремится поднять завесу со своих сновидений! Толкование сновидений, как игра для препровождения времени, приводит

к непредвиденным последствиям. Оставьте поросятам их хлев, пока они там благоденствуют и весело жрут! Но если уж взялся за очистку свиного хлева, то это следует делать основательно. Недоведенный до конца психоанализ, толкование сновидения, вырванное из жизненной связи, опасно, как операция, прерванная на середине хирургом. Пусть сделают должные выводы из самоубийств психоаналитиков, толковавших сновидения своих больных и увидевших в чужих сновидениях собственное бессознательное, как бы в кривом зеркале. Ужас охватывал их и толкал на самоубийство. Отто Вейнингер был одним из тех, кто бросил миру частицу самопсихоанализа, искаженную картину своего бессознательного; в результате у него в руке очутился револьвер. Я знал трех тонких психоаналитиков: Шреттера, Тауска, Зильберера, добровольно покончивших счеты с жизнью. И это только в Вене. За ними последуют другие. Следовательно, чтоб открытие Фрейда не превратилось в проклятие, как кокаин для наркоманов, применение его должно ограничиться лишь страждущими и обремененными. Правда, кто из нас не обременен? Каждый психоаналитик должен непременно для начала подвергнуть самого себя тщательному психоанализу. Психоанализу нельзя научиться из книг. Необходимо также очисткой собственного бессознательного иммунизировать себя против смертоносного яда.

* * *

Человек, по фамилии Каждый, женат. Его жена ему более не нравится. Во-первых, она всегда при нем и слишком доступна. Во-вторых, она стоит много денег. В-третьих, он на всю жизнь связан с нею. Тут же жена его друга, нравящаяся ему гораздо больше. Здесь отпадают все тяготы, обременяющие его по отношению к собственной жене. Ему снится жена его друга: она приходит и дарит ему радость и блаженство. Каждый — человек нравственный и ему не легко было бы обмануть своего друга. Он не осознает также своей любви к жене друга. Сперва он был против женитьбы друга, так как опасался, что дружба пострадает от появления третьего лица. Только опытный психоаналитик может истолковать его сновидение как прелюбодеяние. Каждый видел, оказывается, во сне склон горы[1]) и углубление в нем, перед ко-

[1]) Непереводимая игра слов: склон горы по-немецки — Berg-Lehne. Lehne — Елена. (Прим. пер.)

торым он стоит. Сперва он принял это углубление за могилу Наполеона на острове св. Елены. Жену друга зовут Еленой.

Таков факт.

Высказать о нем суждение возможно было бы лишь значительно позже. Если сновидение выполнило свое назначение в качестве защитного приспособления, то бессознательная любовь может быть покончена, изжита во сне. В течение года сновидения, направленные на жену друга, как добрые гномы, выполняли все желания Каждого, не отягощая при этом его совести и не расстраивая заметно его семейного мира. Были, правда, кой-какие неприятности с собственной женой, истинная причина которых оставалась скрытой от всех. Результатом была даже, пожалуй, особенная нежность к собственной жене. Ясно, что толкование сновидения Каждого было бы излишне и скорее даже вредно.

Но могло бы также случиться, что «любовь росла, взлелеянная снами», и что по истечении года сознание было бы охвачено пламенем. Появление в сознании любви, долго остававшейся вытесненной, происходит часто столь внезапно и с такой силой, что нравственная, рассудительная личность безнадежно подавляется. Свету снова и снова приходится удивляться тому, как люди отказываются от плодов труда, длившегося десятилетия, и не только приносят в жертву деньги, но и ценности духа, которые они долго лелеяли и берегли, чтобы отдаться страсти, объект которой кажется недостойным таких жертв. Шопенгауэр ищет объяснение такому недоступному разуму (трансцендентному) поведению в воле к размножению. Более высокая воля рода противостоит воле индивида. Это метафизика. Совершенно ясно, наоборот, происхождение зрелой и безрассудной страсти из области, не имеющей ничего общего с логикой, этикой. В этой области можно было захватить страсть, пока она была еще слаба и стыдлива, если бы вовремя были понятны и истолкованы сновидения. Год тому назад Каждый испугался бы головы Медузы. Обязанности супруга, отца, друга, положение в обществе, желание спокойного существования оказались бы сильнее зарождающейся любви. Полгода тому назад любовь, быть может, тянула уже больше, чем моральные гири другой чаши весов. Но, пожалуй, можно было бы еще открыть клапан и воспрепятствовать уничтожению всех буржуазных ценностей. Теперь же уж слишком поздно и предотвращение взрыва невозможно.

Между обоими этими крайними случаями: бессознательным с его сновидениями в роли добрых гномов и бессозна-

тельным с сновидениями в роли раздувателя пламени, проходит средний путь жизни. Влечения и думы, которых мы еще не осознаем или не осмеливаемся осознать, сталкиваются вниз в темные недра. Искаженными всплывают они снова в сознании; искаженным и неразумным становится часто наше поведение. Многие из загадок повседневной жизни могут быть понятны лишь окольным путем через бессознательную психическую жизнь. Трудно указать вообще границы, когда следует спуститься в недра бессознательного и когда лучше отказаться от этого. Толкователи сновидений подвергаются опасности хватить через край в пылу расшифровки. Не следует забывать, что знание обязывает.

* * *

«Толкование сновидений» Фрейда — удивительная книга. В ней заключается его самое замечательное открытие, и все же нельзя сказать, что это хорошая книга. Автор был как-то заторможен своим стремлением к исповеди, которое отчасти выявляется, отчасти же задерживается. Фрейд охотно приводит в качестве примеров собственные сновидения. Благодаря этому мы узнаем так много из его жизни, что «Толкование сновидений» можно считать чрезвычайно оригинальной автобиографией. Однако собственные сновидения не могут быть вполне расшифрованы всенародно. «Взор исследователя нередко находил больше, чем ему хотелось бы найти». Благодаря этому, сообщения всюду завуалированы таинственностью, что придает книге своеобразный отпечаток. Я, как и прочие ученики Фрейда и Штекеля, лучшего толкователя сновидений нашего времени, мог бы истолковать до конца некоторые сновидения Фрейда, относительно которых в его книге им высказаны только намеки. Но это было бы грубым вторжением во внутренний мир личности, которая и без того зашла удивительно далеко по пути саморазоблачения.

Истинная цель книги, раскрытие языка сновидений, осуществляется как бы лишь попутно. Вследствие смешения личных разоблачений с открытием всемирно-исторического значения, автору не удался подход к непредубежденному читателю.

Трудно вообще убедить в справедливости нового, идущего вразрез с традиционными взглядами, но это оказывается почти неосуществимым, если за излагаемым содержанием звучит личная нотка, говорящая приблизительно следующее: у

меня много недостатков, но мне не приходится стыдиться их, потому что я сделал, наконец, свое великое открытие.

В позднейших изданиях книги личная нота звучит уже слабее, так как Фрейд взял себе сотрудников. Книга значительно увеличилась в объеме, преимущественно благодаря ученикам, подтверждающим открытия учителя. Вследствие этого расширились первоначальные рамки книги, что, однако, не увеличило ценности ее, как художественного произведения. Фрейд не мог решиться на основательную переработку «Толкования сновидений». Вследствие самоанализа книга сделалась для него табу: imago отца и его преодоление. Этим объясняется, что теперь с толкованием сновидений легче ознакомиться не по оригиналу, а из других сочинений. Предпочтительнее всех, несомненно, «Sprache des Traumes» Штекеля (Stekel (34)). При всем том Фрейд первоклассный писатель, намного превосходящий своих учеников. Если он хочет, в его распоряжении блестящие образы, уничтожающая диалектика, блестящий слог. Суровая лапидарность его стиля напоминает античные образцы; правда, иногда, подобно этим образцам, он становится темным, непроницаемым. В своем «Толковании сновидений» Фрейд смешал две несмешиваемые субстанции. Поэтому он оказался не на высоте по отношению к самому себе именно там, где он достиг вершин своих изысканий. В своих лекциях (1917 г.) он снова изложил с большей свободой толкование сновидений. При этом самостоятельные исследования его учеников почти совсем не были приняты во внимание.

* * *

В течение тысячелетий не удавалось прочесть письмена древних египтян, пока в Розетте не была открыта плита с надписью, высеченной по-гречески и иероглифами. Так и Фрейд снова вызвал к жизни искусство, которое, по многим свидетельствам древности, когда-то было известно людям и затем забыто. Из библии от многих авторов древности мы узнаем, что своеобразный символический язык сновидения был известен тогда уже в деталях. Всем знакомо сновидение фараона о семи жирных и семи тощих коровах и его толкование Иосифом. В настоящее время мы читаем в сновидениях не будущее, но прошедшее и скрытое настоящее. Правда, наши желания легко могут претвориться в будущем в действительность, в этом смысле мы видим в сновидении также гря-

дущее. Если сновидение содержит в себе бессознательные намерения, то часто в нем должно таиться будущее.

Недавно один из моих пациентов видел следующий сон: три риги с приспособлениями для гимнастики. В первой находятся дети: там выполняются легкие упражнения. Во второй упражнения более трудные, еще не выполнявшиеся гимнастами. В третьей находится сам пациент. Так как предстоит гимнастика на аппаратах, причиняющая ему всегда головокружение, он энергично протестует и хочет уйти.

Мы решили посвятить психоанализу только три недели. Сон приснился в конце второй недели. Риги означают недели, как коровы фараона годы. В течение первой недели пациент был доволен нашими собеседованиями. То, что имело место на второй неделе, оказалось для него неожиданностью. Третьей недели он боялся, потому что в течение нее он сам убедился бы, что не может больше скрывать от меня своего внутреннего мира. Я не касаюсь здесь сексуальной символики и перенесения.

Таким образом, я мог предсказать пациенту, что он носится с мыслью преждевременно оборвать лечение. Так удается предсказать будущее, а иногда и предупредить его, как доказывает случай с Иосифом.

Отчего сновидение избрало своим символом именно риги? Неделя есть ряд одинаковых дней. Однажды мне пришлось обойтись сурово с пациентом, сделать ему в течение второй недели выговор[1]), так как он побил свою жену.

Пациент родом из Брюнна, где ü произносится, как ie. Но сновидение переступает через подобные замещения звуков даже и там, где наяву нельзя констатировать ошибок в произношении.

Преимущественно люди, строящие свои каламбуры на коверкании слов и, поэтому, высоко ценящие такое коверкание, досадовали на эту особенность сновидения. Дело в том, что в сновидении встречаются глупейшие каламбуры, на которые в бодрственном состоянии отважился бы только слабоумный. Я сам учился толкованию сновидений в школе Штекеля и не особенно углубляюсь в эту область. Но никто не может отрицать ее существования. Фрейд очень рано уже натолкнулся на эту склонность бессознательного. В «Этюдах» (1895 г.) он рассказывает о пациентке, которой снилось, что он и Брейер

[1]) Непереводимая игра слов: Riege — рига; Rüge — выговор. (Прим. пер.).

повешены на двух соседних деревьях. Толкование таково: один pendant к другому.

Один из старейших сотрудников Фрейда, И. Задгер, передал ему в девяностых годах статью, где восхвалялись работы Флексига, под заглавием: «Сказка о мыслящем белке». Фрейд нашел статью напыщенной и, так как Задгер до того писал об Ибсене, то Фрейду приснился норекдальный стиль (слияние слов: колоссальный, Нора, Экдаль).

Кто находит подобные образования нелепыми или глупыми, пусть вспомнит, что сновидение не ищет его одобрения. Если смысл искажен в достаточной мере, сновидение достигло своей цели; если же каламбур бессознательного так глуп, что критика не допускает даже возможности существования столь неудачной остроты, тогда искажение сновидений, именно ввиду мнимой глупости, празднует свои высшие триумфы.

Одной пациентке, читавшей Штекеля, приснилось, что она летит в Апулию. Апулия — каблук башмака, который по своей форме напоминает Италию. На венском наречии каблук называется «Штекель». — Другому пациенту приснилось ромбовидная главная площадь в Эгере, где стоят два старых дома, называемые «Штёкель» (Штекель) (Stöckel — Stekel). — Следующему больному приснилась Каа, исполинская змея из книги Киплинга о джунглях. Каа означает силу. «К» есть также начальная буква. Еврейские фамилии, начинающиеся на «К», большей частью происходят от фамилии «Кон». Фамилия возлюбленной того, кому приснился сон, была Кон. Но она переменила ее на Крафт. Осталась только начальная буква. Символ сновидения возникает благодаря встрече нескольких рядов мыслей, все они замещаются определенным словом или картиной. Поэтому каждое отдельное сновидение «сверхдетерминировано». В сновидении сгущены скрытые мысли его. Замаскированное сновидение всегда целый роман, и за сновидением в несколько строк даже за одной буквой (К) скрывается целая жизнь, начиная с раннего детства. Здесь таится опасность для толкователя. Он легко может затеряться в безбрежном. Но разве в модуляции голоса при каждой фразе, в походке, в жестах не сказывается весь человек? Из почерка вычитывают удивительные вещи. Почему нельзя их вычитать из сновидений, возникающих ночью, когда человек сосредоточен на самом себе.

Существенным признаком сновидения является его образность. Самые сухие люди, которых в бодрственном состоянии нельзя отнести к визуальному типу, видят в сновидениях

прекрасные живые образы. Они рисуют во сне подобно тому, как они во сне сочиняют. Не подлежит никакому сомнению, что художественные произведения зарождаются в той же мастерской, в которой творятся также и сновидения. Художники внимательнее других людей прислушиваются к этим голосам своей души. Поппер-Линкеус, в жизни человек трезвый и суховатый, или, по крайней мере, один из тех, кто выдавал себя за такового, в один прекрасный день удивил мир своей фантазией, выпустив сборник из 84 рассказов, поражающих разнообразием образов. Большинство из них приснилось ему, и он только записал их. Все эти рассказы могут быть истолкованы и только так может быть обнаружен их скрытый смысл. К чему, однако, толковать! Все романы ведут, в конце концов, к половым органам и их соединению. Вокруг Фрейда собралось несколько усердствующих, называющих поверхностным человеком всякого, кто не сводит все явления в конечном счете к половому члену и влагалищу. В таком случае домашние поэты будапештского «Орфеума» в «Свадебной ночи» Полицера глубже Шекспира в «Ромео и Джульетте». Они, несомненно, ближе подошли к половым органам, чем британец.

Я заметил, что описание отдельных сновидений вызывает скорее скуку. Эта скука проистекает из прочно укоренившегося убеждения, что сновидения, в сущности, глупость. Если же имеют основания полагать, что за приведенным в пример сновидением последует более или менее длинное толкование, возникает сопротивление, отвергающее все толкование. Сновидения снятся не для того, чтоб они были истолкованы, но именно для того, чтоб они не были истолкованы. И если, несмотря на это, к лицам, известным как толкователи сновидений, в кругу знакомых часто обращаются с просьбой истолковать чьи-либо сновидения, то это объясняется высокомерным убеждением, что все в достаточной мере искажено и не может обнаружиться ничего важного. Действительно, без поддержки лица, видевшего сон, без знакомства с мыслями, свободно возникающими у него в процессе толкования его сновидения, нельзя, обычно, далеко уйти. Но если было истолковано уже несколько тысяч снов, тогда догадываются о большем, чем это приятно видевшему сон, однако, о своих догадках молчат. Я повторяю: знание обязывает. Толкование сновидения допустимо лишь с глазу на глаз из научных или медицинских побуждений. Тупая враждебность к столь прочно обоснованному открытию порою выводит, правда, из равно-

весия и тогда особенно дерзкому сновидцу бросают частичное толкование его сновидения. Этого не следует делать. Правде никто не хочет дать приюта.

Один коллега сказал мне однажды: «Сновидения сводятся к переживаниям того же дня. Нельзя утверждать большего. Вчера я прочел в одной книге о жителях островов Тихого океана и их пирогах (каноэ), выдолбленных из стволов деревьев и легко опрокидывающихся. Ночью мне приснился шалаш для лодок на озере и опрокинувшаяся пирога (каноэ), приспособленная лишь для одного человека, который, очевидно, утонул».

Это сновидение подверглось сильному сгущению и все же ясно. Мне было известно, что у коллеги только один ребенок. Единственное дитя — трепетная радость. Если с ним случится что-либо, семья останется бездетной. (Здесь последовало первое одобрение со стороны коллеги: ребенок вчера поздно вернулся домой со школьной экскурсии. Родители беспокоились). Следовало бы обзавестись еще одним ребенком (второе одобрение: долгие разговоры по этому поводу с женой). Да, хорошо быть островитянином с Тихого океана. Они не сеют, не жнут и сыты бывают. Уже один ребенок обходится мне слишком дорого. (Обращение сновидения согласно закону биполярности). Если бы он умер или никогда не являлся на свет, я сделал бы другую карьеру... Тут я обрываю толкование. Оно ведет далеко вглубь проблемы рождения, к фантазии, проецирующей к утробе матери и к комплексу импотентности (каное — can not — не могу). Не все может быть представлено на суд читателя, если он не занимался еще вообще психоанализом. Я покупаю его благосклонность сдержанностью, которая одними считается мудрой, другими — поверхностной.

* * *

Хозяина швейцарского отеля Зигфрида Л. все зовут Фрицем Л., так что настоящее его имя забыто. Он посватался за девушку из Рейхенберга в Северной Богемии, которая находит имя Фриц восхитительным. В довершение всего она както рассказывает ему о неком Зигфриде и добавляет, что терпеть не может этого ужасного имени.

При подобных обстоятельствах директор не решается открыть свое подлинное, полученное при крещении имя. Однако при подписании брачного договора все выйдет на свет. Как взглянет на это невеста?

В этот вечер он не может заснуть. Он хватается за книгу, и ему попадаются случайно (?) походы Фридриха Великого, вторжение в Богемию, битва при Лобозице. Наконец, он засыпает и видит сон:

«Вестибюль отеля. Открывается дверь, входит Фридрих Великий с костылем, вращая широко раскрытыми глазами. Все разбегаются, а сам хозяин глядит на все это только издали». К этому необходимо сделать следующее дополнение из происшествий за день: незадолго до того в отель приехала королева С., и ей не было оказано должного приема. Было известно, что существует определенный этикет. Однако, ввиду того, что этикет этот никому не был известен, все разбежались, и королева осталась одна в вестибюле.

Вышеприведенное сновидение также чрезвычайно сгущено. Поверхностный смысл сновидения: от Зигфрида не осталось следов. Не только Фриц, но великий Фриц. Не только директор, находящийся на службе, но полновластный владелец отеля. Вторгся в Богемию; неотразим при овладении девушкой из Богемии. Все же аффект сновидения — страх. Ибо героическому мужеству сопутствует героический страх.

За страхом ненравящегося имени скрывается иной страх: сексуальная неполноценность искусно прикрывается неполноценностью имени.

* * *

В заключение два примера использования толкования сновидений в целях психоанализа. Одной из моих пациенток снилось: «Я и моя сестра в красных платьях. Мое платье распорото на боку. Платье сестры цело. Я досадовала на это».

Толкование: с П. случилось несчастье. В возрасте десяти лет она была лишена девственности. П. тщательно скрывала этот «позор» и не хотела признаться в нем даже мне. Ее сопротивление было сломлено при толковании сновидения, и она призналась во всем. Таким путем мне удалось устранить значительную долю подавленности, связывавшейся с этим ужасным переживанием.

В действительности, сновидение было гораздо длиннее и его толкование значительно запутаннее. Я схематизирую в целях бо́льшей поучительности. При этом я кажусь себе преступником, насилующим великолепное многообразие природы.

Сон другого пациента: «Я встречаю профессора Фрейда.

Он очень любезен со мной. Неприятно любезен. В отдалении стоит моя жена. У Фрейда измятая белая борода из бумаги, закрывающая часть его лица. Затем мы идем вместе. Жены моей больше нет».

Мы привыкли к тому, что нашим пациентам снится Фрейд. Они говорят нам этим, что с их стороны было неразумно идти к подручному кузнеца, раз поблизости сам кузнец. К сожалению, Фрейд очень дорог. Его любезность неприятна. Мы увидим, каким поразительным образом приходит на помощь даже образ Фрейда в сновидении. «Жена стоит в отдалении. Жены больше нет». Толкователи снов знают, что это означает. Во время толкования пациент добавляет, что его Фрейд был удивительно маленький человечек с желтым высохшим лицом. Дрожь пробегает по телу пациента. Человечек не Фрейд, а... смерть. Центральным пунктом этого невроза было резкое отвращение к браку.

Большой отдел символики смерти в сновидениях является специальной областью Штекеля. «Почти каждое сновидение — загадочная картинка с вопросом: где смерть?»

* * *

В одном пункте Фрейд ошибся. Он учил, что всякое сновидение представляет исполнение желаний. В 1920 г. он несколько ограничил это утверждение: существуют сновидения, повторяющие неприятные переживания. Но по сей день он ни разу не признал того, что было установлено на многих наблюдениях его учениками: Штекелем, Зильберером, Юнгом, Мэдером: сновидение является также представителем нравственного чувства и возвышает во сне свой предостерегающий голос. Например, одной пациентке снилось, что она идет по цветущему лугу и попадает в болото, в котором она боится утонуть.

В своей последней работе («Я и оно») Фрейд признает бессознательную совесть. Из этого признания вытекает, разумеется, что должны существовать сновидения совести. Однако, после молчания, длившегося десятилетия, следовало бы подчеркнуть и подробно мотивировать такие выводы. Зачем всегда говорить о «низменном я» (Unter-Ich) и уделять «сверх-я» (Ueber-Ich) лишь несколько строк при случае. Разве следует стесняться того, что бессознательное таит в себе не только низменное, но и возвышенное. Читая фразу: «Не только самое низменное, но и самое возвышенное в человеке может

быть бессознательным», каждый, кто оглянется на борьбу Фрейда с отколовшимися от него учениками, не сможет не задать в 1923 г. вопроса: «Почему только теперь?» и прибавит еще, что следует окончательно заменить слова: «может быть бессознательным» просто словом: «бессознательно».

Приведенные ниже слова Фрейда из той же книги походят на заключение мира после десятилетней войны:

«Если бы кому-нибудь вздумалось защищать парадоксальное положение, что нормальный человек не только гораздо безнравственнее, чем он думает, но и гораздо нравственнее, чем он об этом знает, то психоанализу, на основании данных которого строится первая половина утверждения, нечего было бы возразить и против второй половины».

«Это положение только кажется парадоксом; оно говорит лишь, что природа человека, как в отношении добра, так и в отношении зла, значительно богаче, чем он сам о себе предполагает, т. е. чем известно его «я», благодаря сознательным восприятиям».

VI

ВЫТЕСНЕНИЕ И ПЕРЕНЕСЕНИЕ.

Фрейд отправился в Нанси с целью особенно основательно изучить технику гипноза. Это казалось ему безусловно необходимым после знакомства со случаем, описанным Брейером. Но когда он покидал Нанси, он навсегда порывал с гипнозом.

Каждый посредственный человек, мнящий себя великим, умеет гипнотизировать. Черная борода, дерзкий взор, клетчатые брюки часто приводят к более успешным результатам, чем проникновенный разум и высокий интеллект. Фрейд с самого начала не был сторонником гипноза. Недостаточно обдуманное путешествие молодого доцента в Нанси в сущности говорит о том, что его убеждения были не очень тверды. Так как человек всюду находит лишь самого себя, Фрейд с радостью увидел, что эксперимент (Б) Бернгейма дает ему право сказать гипнозу «прости». Как ученику Шарко, ему было известно, что в гипнотическом состоянии истерические симптомы могут быть обусловлены представлениями. Эксперимент (А) Бернгейма является подтверждением взгляда Шарко. Пьер Жанэ, более старый товарищ Фрейда по работе у Шарко, уже приступал к описанию бессознательного. Его примеру следовали другие французские ученые. Причины истерических симптомов находились в бессознательном. Уже одни только подробно описанные случаи double conscience принуждали исследователей принимать деление психического на две области. Не было сомнения: часть психического находилась в стороне и не озарялась светом сознания. Экспериментом (Б) Бернгейма было выяснено, что настойчивостью и убеждением можно добиться доступа в этот мрак.

Здесь произошло ответвление исследовательских путей Фрейда. Он перестал прибегать к гипнозу. Он устал от неудач, устал от необходимости насильственного выключения

своей могущественной личности, чтобы заниматься делом, которое было недостойно его. Он убеждал своих пациентов, что они могут вспомнить, что они вспомнят, и они должны были сделать это. Уже в 1895 г. он сообщил об успехах своего лечения в бодрственном состоянии. Тогда он клал еще иногда своим пациентам руку на лоб, чтобы облегчить припоминание. Я не думаю, чтобы он и в настоящее время поступал подобным образом. Его собственная теория должна была, в сущности, воспрепятствовать этому; в этом приеме ведь есть элемент гипноза. Я сам принципиально никогда не прикасаюсь к пациентам, которых я анализирую.

Однако, несмотря на убеждения, на прикосновение рукой и приказания, воспоминания часто все-таки не возникали или были недостаточны. Часто проходили часы, а пациент не открывал рта. Фрейд пришел, в конце концов, к убеждению, что дело подвигалось вперед быстрее всего, если он предоставлял пациентам свободу говорить, что им было угодно: важное, неважное, нелепости, всякую тарабарщину. Из затруднительного положения Фрейда, как врача, выросло его основное открытие: путем использования свободно возникающих мыслей и их ассоциаций в каждом случае быстро удается проникнуть в мрак бессознательного. Я называю это основным открытием Фрейда. Оно представляет важный ключ, с помощью которого Фрейду удалось отомкнуть много потайных камер психического.

Пациенты часто затопляют нас своим многословием, потоком сообщений, против которого мы безуспешно стараемся воздвигнуть плотину. Они особенно усердствуют в этом отношении вначале, пока они не подозревают еще о нашем родстве с дьяволом. Они не позволяют нам прервать себя, и нам не остается ничего иного, как сидеть спокойно и прислушиваться с коварным вниманием. Нам, психоаналитикам, лучше других известно, что человек изобрел язык, чтобы скрывать свои мысли. Поэтому мы меньше прислушиваемся к тому, что пациент говорит, чем к тому, чего он не говорит, что он говорит дважды, или что он высказывает в особенных выражениях. Мы все время имеем дело с пробелами, и там открываем его комплексы. В настоящее время мы можем так поступать, ибо техника психоанализа уже вполне разработана. Терпеливые психоаналитики предоставляют пациенту возможность говорить; они убеждены, что даже без усилий с их стороны, в конце концов, обнаружится важное и истинное. Я предполагаю, что таким путем Фрейд пришел к своему основному от-

крытию. Он должен был слушать, и он слушал до конца. А в конце выявлялось то скрытое, что пациент старался скрыть своим многословием.

Я долго придерживался того мнения, что мысль об использовании свободных ассоциаций — детище Фрейда, и придерживаюсь этого мнения еще сейчас. В 1920 г. один будапештец указал на статью Людвига Бёрне, озаглавленную: «Искусство стать оригинальным писателем в три дня». Статья заканчивается словами: «Возьмите несколько листов бумаги и записывайте три дня подряд, не кривя душой и не лицемеря, все, что приходит вам в голову. Пишите, что вы думаете о самих себе, о своих женах, о турецкой войне, о Гёте... о вашем начальстве... и по истечении трех дней вы будете вне себя от удивления по поводу новых и смелых мыслей, пришедших вам в голову».

Фрейд сам признает, что эта статья могла играть большое значение в истории возникновения идеи об использовании в психоанализе свободно возникающих мыслей больного, так как еще с дней своей ранней юности он охотно перечитывал Бёрне.

Приходится предположить, что у Фрейда вначале не было намерения заняться толкованием сновидений. Но пациенты, которым он предоставлял выбор темы, рассказывали ему, между прочим, о своих сновидениях. Они поступали так довольно часто, и тем самым направили пытливость Фрейда по этому пути. Таким образом, он приступил к просмотру научной литературы о сновидениях. Невозможно выяснить, какие стимулы почерпнул Фрейд из этого изучения, и какими открытиями он обязан собственному гению. Со взглядами Ницше и Поппер-Линкеуса Фрейд познакомился только по окончании своего труда.

Из библии явствует, что уже в древности была известна символика сновидений; было также известно, что сновидения одной ночи означают одно и то же (сновидение фараона), было известно, что забытые сновидения могут снова быть возвращены в сознание (забытое сновидение Навуходоносора). Фрейд обратил внимание на Артемидора, автора дошедшего к нам из древности снотолкователя. Часто упоминается им Шернер и его «Leben des Traumes» (1861 г.); Фрейд считает эту книгу туманной и напыщенной. Близкая связь между некоторыми положениями Фрейда в «Толковании сновидений» и взглядами его непосредственного предшественника Шернера обнаруживается, правда, недостаточно ясно. Напротив, Ште-

кель в своей книге «Sprache des Traumes» воздает должное Артемидору и Шернеру (35).

Из рассеянных и остававшихся незамеченными намеков гений Фрейда возвел здание научной системы. Он славно защищал ее против целого мира врагов. У меня до сих пор в ушах звенит дурацкий смех собрания врачей, в котором ученик Фрейда разъяснял, что птица в сновидении означает (может означать) половой орган. Как раз нерушимая прочность учения о сновидениях дала Фрейду силу непоколебимо выносить нападки на другие части своего учения, которые не были столь твердо обоснованы. К сожалению, этот великий человек с большой нерешительностью принимает улучшения и пополнения, которые вносятся другими в толкование сновидений. Вдобавок, он неохотно отказывается — как нами уже было отмечено — от ошибочных взглядов, опровергнутых критикой. По-видимому, известное консервативное упорство идет рука об руку с величием. Однако, в то время как Фрейд не перестает исправлять и улучшать прочие части своего учения, он уделяет поразительно мало внимания своему «Толкованию сновидений» после первого издания. Оно для него табу, и мы знаем почему.

* * *

С бесподобным пренебрежением к философским сомнениям Фрейд называет то, чего мы не знаем, — бессознательным. Когда после эксперимента Б и на основании собственных наблюдений над нервными людьми он заметил, что возвращению бессознательных представлений в сознание оказывается сопротивление, он назвал его попросту сопротивлением, а вытесненные из сознания представления — вытесненными. Я не знаю, ясна ли каждому гениальность, скрывающаяся за этими тремя терминами: бессознательное, вытеснение, сопротивление. Эти слова и понятия просты; поэтому очень ошибочно полагают, что столь же просто было и найти их.

Все еще не перевелись специалисты, которые говорят: «К чему этот бесконечный анализ? Я уже в первые четверть часа вытяну из пациента то, что он мог бы сказать». В действительности же пациент — сам того даже не зная — оказывает вопросам врача упорное и многообразное сопротивление. Для извлечения бессознательных представлений приходится тяжелым трудом преодолевать это сопротивление, с помощью не-

легкой техники психоанализа. У меня был как-то молодой пациент, страдавший тяжелым удушьем, приступами страха и множеством других расстройств. Однажды он с криком упал без сознания. Другой раз он упал без чувств, когда увидел в театре «Живой труп» Толстого. Почти так же чувствовал он себя, присутствуя на представлении «Ahnfrau» Грильпарцера и оперы «Аида». У него было желание выпрыгнуть из окна, и он опасался, что приведет его в исполнение; он не мог идти по мосту, боялся полицейских и пр. Он сообщил мне, что его сестра несколько лет тому назад умерла от какой-то загадочной болезни.

Много месяцев подряд я видел этого пациента почти ежедневно и истолковал более сотни его сновидений. Могу уверить, что я испытал все средства, чтобы побудить его говорить, и постоянно открывал ясно ощутимое сопротивление; последнее обнаруживалось и из сновидений, и из различных поступков больного, хорошо известных психоаналитикам. Пациент опаздывает: выражение сопротивления. Он дает знать, что не придет, делает перерывы, засыпает меня материалом, который я не в состоянии проработать. Он оскорбляется, идет к другому психоаналитику, или внезапно делает открытие, что я шарлатан. Он оскорбляет меня для того, чтоб я прогнал его. Противопоставляет моим разъяснениям и аргументированным указаниям упрямое «нет». Битый час он не говорит ни слова, как будто у него спазмы челюстных мышц. У него якобы плохи дела, и он больше не в состоянии оплачивать лечение. Все это — сопротивление, могущее повести к неудаче лечения. Чрезвычайно ясное раздвоение личности. Одна, разумная, готова все сказать, так как желает быть здоровой. Вторая паразитирует, гнездится в «я», как дьявол в одержимом, и не дает освободиться от себя. Она чувствует себя прекрасно в своем хозяине и оказывает сопротивление заклинателю. Болезнь имеет, очевидно, известное значение для пациента: он не желает распроститься с нею.

Но он должен. Кольцо вокруг бессознательного комплекса сжимается все теснее и теснее. Избавляю читателя от протокольного изложения трудной работы и сообщаю лишь удивительный результат. Однажды ночью сестра пришла к брату в кровать. Во время каких-то сексуальных манипуляций на нее нашел столбняк, длившийся несколько часов и внушивший пациенту невероятный страх. Что стал бы он делать, если бы на утро в его кровати было обнаружено недвижимое тело сестры? К счастью, она вовремя проснулась и никто ни-

чего не заметил. Когда несколько лет спустя она умерла, у пациента возникло подозрение, что она лишь мнимоумершая. Только ему могло придти в голову подобное подозрение. Ведь ему было кое-что известно о ней. Однако, он молчал и позволил похоронить ее. Он был убийца. Путем идентификации он сам превратился в живой труп, не выносил Аиды, которую погребают заживо, а также «Ahnfrau» Грильпарцера, в которой брат убивает сестру. Мосты ведут на другой берег: на тот свет. Полицейский арестует убийцу...

Более пятидесяти симптомов было разъяснено и вырвано с корнем, благодаря этим поздним разоблачениям. Чтоб добиться этого, нам понадобилась четырехмесячная работа.

Не всегда разрешение столь драматично. Однако, оно всегда удерживается в бессознательном загадочной силой и оказывает сопротивление своему возвращению в сознание. Иногда его быстро находят, но это не приносит пользы пациенту, пока он отвергает наше разрешение. Он должен сам добраться до вытесненного, которое играет роль болезнетворной причины. Некоторые полагают, что мы уговариваем пациентов в правильности разрешений, найденных нами самими. Какими сочинителями должны были мы быть, чтобы постоянно изобретать нечто подобное! Необходимо самому испытать хотя бы раз такое молниеносное озарение светом познания. Одна коллега сказала мне: «Когда пациент дает нам разрешение, хочется просто расцеловать его».

Вопрос: если пациент чувствует в себе сопротивление раскрытию бессознательных представлений, почему он не покидает врача? Нелепо ведь ежедневно приходить к врачу, чтобы добиваться этого раскрытия и, вдобавок, платить ему, а затем оказывать сопротивление! Ответ: сопротивление столь же бессознательно, как болезнетворные представления. Оно относится к картине болезни и обнаруживается только в своем действии. Достаточно часто также пациент действительно прерывает лечение. Но хороший психоаналитик должен заблаговременно уметь прочесть это в бессознательном. Нам раньше, чем пациенту, известно, что он хочет прервать лечение. Если пациенту в лицо говорят, что он носится с подобными мыслями, он обычно отрицает это и с полным основанием; ведь ему ничего еще неизвестно. В виде примера обрывок сновидения: «Доктор сказал мне: вы вполне здоровы, и затем повернулся ко мне спиной». Здесь нашел себе применение столь излюбленный в сновидении феномен перемещения (Umkehrung). Видящий сон намеревается повернуться ко

мне спиной. Если б я сказал, что он совершенно здоров, этим самым, разумеется, был бы положен конец лечению.

Почему же, однако, пациенты идут навстречу преодолению их сопротивления? Потому что имеется привязанность к врачу. Грубо выражаясь: пациент влюбляется во врача. Выражаясь мягче и лучше: пациент переносит на врача чувства, первоначально направленные на других. Феномен сопротивления сопровождается перенесением; контрастирующая пара согласно принципу биполярности.

Сперва Фрейду нелегко было дать объяснение феномену перенесения. Казалось неприятным и пошлым простое допущение, что пациент влюбляется во врача. И, однако, как в своей положительной, так и в своей отрицательной фазе, когда возникает отвращение, ревность и страстная ненависть, перенесение так походит на влюбленность, что трудно было обойти это слово. Фрейд впервые описывает открытое им перенесение в «Bruchstück einer Hysterieanalyse» (1905), работе, где дано первое и классическое изложение психоанализа. Правда, ныне она производит на нас такое же впечатление, как первый паровоз Стефенсона рядом с современным локомотивом экспресса. В дальнейшем Фрейд постоянно возвращался к перенесению, и в настоящее время он защищает следующую точку зрения.

Мы убеждаем пациента, что он должен вспомнить. В более глубоком смысле он, разумеется, всегда помнит о том, что ему удалось вытеснить из сознания, но не из психики. Симптомы, на которые он жалуется, как, например, удушье, боязнь мостов и пр., представляют символические воспоминания. Он не перестает все сызнова переживать свое ужасное переживание. «Он страдает воспоминаниями». До сих пор больному приходилось самому справляться с оживающим переживанием. Теперь он нашел врача, друга, которому он должен исповедаться. Он исповедуется отчасти словами, отчасти перенесением уже однажды пережитого на врача. Бессознательное пациента ставит врача на место отца, брата, друга; оно не стесняется даже различием пола и ставит врача на место матери, сестры, подруги; оно проникается к врачу любовью или ненавистью, сообразно вытесненным переживаниям; на место объектов этих переживаний оно ставит врача. Сопротивление противодействует только словесному обозначению воспоминания, но оно бессильно против перенесения.

Казалось бы, проще вспомнить о первоначальных переживаниях, чем ошибочно переживать их вновь путем перенесения на врача. Но к перенесению побуждает определенная навязчивость: навязчивость повторности.

Мы находимся под властью мрачного закона Платона и Ницше. Закон этот: «вечное возвращение одного и того же».

«Существуют люди, у которых отношения к другим всегда приводят к одному и тому же концу; существуют благотворители, которых все облагодетельствованные ими люди — как бы резко они ни отличались друг от друга — по истечении некоторого времени всегда покидают с ненавистью; благотворителям этим как бы предопределено испить до дна горькую чашу людской неблагодарности; существуют мужчины, у которых всякая дружеская связь кончается изменой друга; существуют другие, превозносящие какое-либо лицо в качестве авторитета для себя или для общества, и затем свергающие, по истечении некоторого времени, этот кумир, чтобы заменить его другим, и это повторяется в течение их жизни не один раз; существуют любящие мужчины, у которых всякая любовная связь с женщиной всегда проходит через одни и те же фазы и приводит к одной и той же развязке и т. д... Гораздо более сильное впечатление производят на нас те случаи, в которых человек, по-видимому, пассивно переживает то, на что он сам не может оказать влияния; человека многократно постигает одна и та же участь. Вспомним, например, историю женщины, которая три раза подряд выходила замуж; каждый раз вскоре после свадьбы мужья заболевали, и ей приходилось ухаживать за каждым из них до его смерти» (36).

Таким образом, явление перенесения объясняется загадочным законом, который властвует над нами. Психоанализ «отнюдь не создает, следовательно, перенесения, а только вскрывает его», между тем как обычно на него в жизни не обращают внимания. Мы постоянно должны обращать внимание пациента на факт перенесения на нас, врачей. Не от нас требует он любви. Он хотел ее от других, и, во время лечения, он преображает нас в этих других. Не нам он благодарен и ненавидит не нас. Если нам удается это непрестанное раскрытие перенесения, тогда осознанное перенесение действует так же хорошо, как выраженное в словах воспоминание. Мы излечиваем пациента благодаря тому, что становимся на его пути, принимаем на себя его перенесение и вскрываем его.

* * *

«Учение о вытеснении есть фундамент, на котором покоится здание психоанализа, самая существенная его часть», — говорит Фрейд в 1914 г. и упоминает далее о «фактах перенесения и сопротивления; всякое исследовательское направление, признающее оба эти факта и кладущее их в основу своей работы, может называться психоанализом, даже если бы оно пришло к отличающимся от моих результатам» (37). В дальнейшем Фрейд стал требовать от аналитика углубления в прошлое пациента, вплоть до раннего детства. «Подлинным психоанализом может быть признана лишь та аналитическая работа, которой удается устранить амнезию, скрывающую от взрослого знание его детской жизни от ее начала (т. е. приблизительно со второго по пятый год)» (38).

Менее научно, но не отвергнуто Фрейдом, мнение более тесного круга его учеников: называться аналитиком вправе всякий, кого приняло в число своих членов Венское психоаналитическое общество или же его отделения (39).

VII

ОШИБОЧНЫЕ ДЕЙСТВИЯ.

В 1898 г. Фрейду исполнилось 42 г., т. е. семь раз шесть; это критический возраст, как полагает Герман Свобода. Это также год рождения того цикла идей, который был опубликован Фрейдом в 1901 и в 1904 гг. под заглавием «Психопатология обыденной жизни» (40). Ввиду того, что важность этих мыслей была понята не сразу, книга имела большой успех. Это одно из лучших произведений Фрейда, оно интересно и дышит весельем. В дальнейших изданиях этой книги были призваны принять участие и все его ученики. И в то время как «Толкование сновидений» ущерблено в своей целостности включением мало художественных работ учеников, рамки этого произведения достаточно широки, чтоб вместить и разместить этот веселый хоровод.

Содержание книги пользуется такой известностью, что мне остается сказать о ней немного. Нет случая. Нет свободы воли. Сознательное размышляет, бессознательное управляет. Мы совершаем ошибки, делаем оговорки, берем не то, что хотели, мы забываем, потому что бессознательное желает не того же, что и мы. И оно одерживает верх, коль скоро мы хоть немного отпускаем узду нашего, направленного по строго логическому пути, внимания.

Так в пестрых повседневных мелочах можно обнаружить внутреннюю волю, которая часто является противодействующей волей.

Из ошибок повседневности, из ошибочных действий проистекает много юмористического. Хороший же юмор всегда содержит крупицу серьезного. Из доклада голландского аналитика, принадлежащего к Цюрихской школе: «Заслуг Фрейда нельзя недооценить в достаточной мере!».

Взгляд Фрейда на ошибочные действия, как он назвал их впоследствии, разумеется, также натолкнулся на критическое

отношение. Ленивая мыслью толпа сделала ему упрек в том, что он слишком обобщил свои выводы. Как будто существует два вида ошибочных действий. Один, будто бы, правильно распознан Фрейдом, как расстройство, обусловленное противодействующей волей. Второй же должен остаться случайностью; это пена, ничто, не нуждающееся в объяснении, да и не могущее быть объясненным. Взгляд этот так же разумен, как суждение детей, получивших разъяснение относительно своего происхождения и отвечающих другим детям: «Твои родители, может быть, и делали что-либо подобное, но мои — нет».

Когда Фрейд заметил успех своей психопатологии, он вправе был разыграть из себя Мефистофеля и сказать: «Народ никогда не замечает дьявола, даже когда тот хватает его за шиворот!». Раз были признаны бессознательное и путь, ведущий туда, следовало примириться и со всеми находками, которые были сделаны на этом пути.

На страницах этой работы я пытался указать некоторые ошибочные действия Фрейда. Приведу еще одно, до сих пор остававшееся неизвестным. В своем «Толковании сновидений» Фрейд упоминает надпись на памятнике императору Иосифу (Kaiser Josef) в Вене. Он цитирует:

Saluti patriae vixit
Non diu sed totus.

Цитата неправильна. Надпись гласит:

Saluti p u b l i c a e vixit
Non diu sed totus.

Если я открою тем, кто не знает латинского языка, что publica (sc. puella) означает публичную женщину или «веселую[1]) девушку», и прибавлю, что Josef Breuer как раз тогда начал отдаляться от исследовательской работы Фрейда, так как не желал вместе с другими перекочевать в область сексуального, то в нашем мозгу забрезжит свет, объясняющий это ошибочное действие. Кроме того, вынося суждение об ошибочном применении слова: p a t r i a, мы должны учесть точку зрения лица, заявившего, что его книга «Толкование сновидений» явилась реакцией на смерть отца. Кроме того: учение Фрейда подготовляет освобождение любви от древних оков. За это его часто порицают его современники. Saluti publicae vivis!

[1]) Непереводимая игра слова: проститутка, по-немецки — F r e u d-enmädchen. (Прим. перев.).

Между тем, Фрейд — гражданин, которому хотелось бы жить и умереть спокойно. Французские энциклопедисты также умерли до революции; Мартин Лютер до Тридцатилетней войны.

В связи с этим упомянем о следующем сообщении Фрейда (41): в 90-х годах, или, быть может, еще раньше, Фрейд был в тесной дружбе с врачом и биологом Вильгельмом Флиссом. Флисс — умный и рассчетливый человек, родственный Фрейду по многих отношениях. Он чрезвычайно энергично подхватил и снова завоевал для современной науки идею бисексуальности. Идея эта, надо полагать, столь же стара, как толкование сновидений, так как обе они попадаются в книге Бытия («Он сотворил их, мужчину и женщину»). Во всем мужском имеется женское, и наоборот. Фрейд охотно сам доискивается до всего, что может служить развитию его учения. Но его сексуальная теория не могла подвинуться вперед, пока он не привлек идеи о бисексуальности для объяснения сексуальных извращений. Когда, наконец, он сделал это (1901 г.), он сообщил об этом своему другу Флиссу, как о собственном открытии. Тот удивленно возразил: «Да ведь я говорил тебе об этом уже два с половиной года тому назад. Тогда ты и слышать не хотел об этом». Опять случай криптомнезии, аналогичный случаю с Бёрне и со свободно возникающими представлениями (42). Фрейд забыл сообщение Флисса и весь разговор с ним. После инцидента с кокаином мы знаем, что он не любит, чтобы другие предвосхищали его открытия. В одном из последних его произведений «Я и Оно», имеются следующие интересные слова: «Если психоанализ до сих пор не оценил еще по достоинству некоторых вещей, то это не потому, что он упустил из виду их действие или собирался отрицать их значение, но потому, что он идет своим определенным путем, который не привел еще так далеко...».

Мы узнаем далее из «Толкования сновидений», что Фрейд уже до 1900 г. страдал от утраты нескольких друзей. Флисс должен был заменить ему все утраченное. Этот друг означал для него больше, чем другие, и он твердо решил удержать его навсегда (43). Уже это превознесение кажется подозрительным аналитику. Мы узнаем (44), что Фрейд уже тогда выболтал кое-что из того, что ему доверил Флисс; (сновидение: «Флисс обращается ко мне и спрашивает, как много из его мыслей я сообщил П. После чего я, охваченный странным чувством...»). То же сновидение показывает в другой своей части, что демон Фрейда был готов отправить в царство мерт-

вых романтическую дружбу. («Я встречаю его на улице разговаривающим с моим покойным другом П., и отправляюсь с ними куда-то, где они сидят друг против друга как бы за маленьким столом»). Трудно было бы найти лучший пример для демонстрирования символики смерти.

Действительный разрыв этой дружбы последовал в 1904 г. по следующей причине. В 1903 г. Отто Вейнингер опубликовал свою знаменитую книгу: «Пол и характер». В этой книге талантливый юноша отмыкал свое царство ключем бисексуальности. Флисс подготовлял тогда большую работу. Она вышла в 1906 г. Его основная мысль была: бисексуальность как властительница над всем живущим; бисексуальность клетки. Когда он увидел, что его открытие предвосхищено Вейнингером, он запросил в письме Фрейда, знает ли тот автора. Дело в том, что Флисс не доверил своего открытия никому, кроме Фрейда. Действительно, Фрейд был виноват, но он сперва отрицал это. Он лечил друга Вейнингера и выдал тому — молодому ученому — блестящую мысль своего лучшего друга. Без всякого злого умысла. А бессознательное? А сновидение 1899 г.? С замечательной откровенностью Фрейд признал в дальнейшем, что он забыл разговор с другом Вейнингера, потому что последствия этого разговора оказались для него столь неприятными; он признал также, что его бессознательная психическая жизнь не была, вероятно, свободна от недоброжелательства, обусловленного крупным открытием, сделанным его другом. Флиссу были непонятны такие ошибочные действия, и дружба оборвалась. Вечное возвращение одного и того же! В сознании Фрейда дружба казалась вечной. В бессознательном она была уже разрушена за много лет до того.

VIII

ЭРОС

Третье открытие, опубликованное в знаменательном 1898 г., вызвало единодушный взрыв возмущения в лагере филистеров и врагов истины. Фрейд установил, что наша половая жизнь начинается не со времени половой зрелости, а уже со времени рождения. Позже он часто говорил, что в сущности следовало бы стыдиться подобного открытия, настолько факты бьют всем в глаза. На свете очень много детей и очень много людей, наблюдающих детей. Чем объяснить, что до Фрейда никто не замечал склонности грудных детей к эрекции и онанизму, того, что дети страстно тянутся в постель к отцу и матери, что у них очень рано обнаруживается интерес к собственным половым органам и половым органам товарищей, что, наконец, они переживают и душевные бури любви: ревность, тоску, отчаяние, может быть, не так явно, но не менее сильно, чем взрослые.

Разумеется, все это замечали и до Фрейда. Но отрицали сексуальную подкладку этих переживаний. Миросозерцание творит науку. Ребенок приравнивался к ангелу, ангелы же, как известно, отличаются от нас, людей, тем, что им чужды сексуальные влечения. Правда, возведение наших детей в ангельский чин несколько затруднялось тем обстоятельством, что ангелы не выделяют ни мочи, ни кала. На это попросту закрывали глаза. Допущение же, что «невинные» дети — насквозь безнравственные сластолюбцы, казалось гнусным обвинением. Ибо, согласно одобренному министерством культов и просвещения миросозерцанию, невинность и сексуальность исключают одна другую. Как известно, сексуальность должна также по возможности отрицаться воспитанными взрослыми. Разрешается говорить о голоде, о социальной нужде. Но сексуальный голод следует скромно таить в себе. Тот, кто его обнаруживает, превращается в комическую фи-

гуру, подобно нашим старым девам; если же нечто подобное обнаруживается в юношеском возрасте или тем более в школе, тогда «учительская корпорация», обуреваемая моральным отвращением, исключает таких детей из человеческого общества.

Когда, пятнадцать лет тому назад, я озаглавил одно свое произведение: «Сексуальный голод» (посвящение гласит: «В знак глубокого уважения моему учителю профессору Зигмунду Фрейду), бернская газета «Bund» написала моему издателю, что рецензия о моей книге ни в коем случае не может быть помещена, хотя бы из-за ее столь же смехотворного, сколь и отталкивающего заглавия. Во главе этой швейцарской газеты стоял тогда известный писатель Видман (J. Widmann). Теперь заглавие моей книги превратилось в крылатое словечко. И свет, и школа, и газеты в настоящее время не изображают уже собою таких святош, как пятнадцать лет тому назад. Не только Фрейд и его ученики работают в пользу раскрепощения. Нас всех уносит вперед великая волна. Писатели и ученые — бойцы на аванпостах.

Фрейд, как мы знаем, рано начал изучать нервные болезни детского возраста. Он интересовался тогда особенно формой детского паралича, обусловленной, как полагают, травмой в утробе матери или во время родов, а также, быть может, психическими конфликтами матери. Из этого видно, куда были устремлены мысли этого ученого. Между 1890 и 1898 гг. Фрейд имел возможность изучать душевную жизнь шести своих собственных новорожденных детей. Я полагаю, однако, что мы не сделаем грубой ошибки, допустив, что Фрейд, подобно большинству выдающихся людей, сохранил воспоминания из своего раннего детства и на них основывал свое непоколебимое убеждение в справедливости своего учения.

Об инфантильной сексуальности Фрейд говорил уже в 1896 г. в статье (45), в которой имеется ссылка на работу Штекеля того же года (46). Я называю 1898 г. годом рождения открытия, так как сам Фрейд говорит: «Когда, на сорок третьем году моей жизни, я начал обращать свое внимание на остатки воспоминаний о своем собственном детстве»... (47). Подобные мысли не выскакивают из головы во всеоружии. Еще в 1900 г. мы читаем в «Толковании сновидений» (48), что «детство еще не знает сексуальных желаний». В позднейших изданиях книги эта фраза осталась нетронутой; лишнее свидетельство в пользу того, что для Фрейда эта его книга —

табу, раз он не вычеркнул этих слов и лишь смягчил их примечанием (в 1909 г. этого еще не было!).

* * *

Ликующий грудной младенец насквозь сексуализирован. Он не знает никаких полезных целей, не знает никакой реальности и не признает никаких препятствий своему наслаждению. Он пьян без вина. Ему доставляет блаженство сосание материнской груди. Здоровый младенец — в непрестанном, окрашенном чувством сладострастия, движении; он не лежит спокойно, барахтается, не страшится опасностей, сопряженных с силой тяготения, столкновением с твердой материей, окружающей его. Преданный уход должен уберечь его от печальных последствий его собственной неосторожности.

Он сует в рот пальцы рук и ног, все предметы, находящиеся в пределах досягаемости, так как это доставляет ему удовольствие. То, чего он не может проглотить, он отбрасывает, и радуется, если ему удается уничтожить этот предмет. Испражнения и лежание в кале доставляют ему удовольствие, плохие запахи привлекательны для него. Если ему не препятствуют, он пачкает себя и все, к чему может прикоснуться (49). Так обстоит дело с нашими ангелочками, и во всем мире нет ничего более приятного на вид, чем этот непрерывный поток наслаждения, которому отдается младенец.

Первое, что отнимают у младенца, — материнская грудь. Многие вообще никогда не пользовались этим правом млекопитающего. Так остается неизведанным наслаждение сосания сладкой жидкости из теплых полушарий со специфическим ароматом, проникающим во вздернутый носик. Отлучение от груди, особенно когда оно происходит поздно, один из первых ужасов для матерей и воспитателей. Вскоре после этого ребенок принуждается отправлять свою естественную нужду в сосуды, и он вынужден отказаться от наслаждения, получавшегося от теплоты, влажности и мягкости. Некоординированные движения: топание ножками и барахтание превращаются в целесообразную ходьбу. Столкновение с мебелью учит уважать реальность и ее опасности. Так, с самого начала культура противостоит инстинкту сладострастия, принцип реальности — принципу удовольствия (50).

Дитя или приносит с собою в жизнь инстинкт подражания, или же он развивается в ребенке чрезвычайно рано. Ребенок подражает, и это доставляет ему радость. Все дети подража-

ют звукам, которые они воспринимают из окружающего мира, между прочим и звукам, которые доходят до их слуха при отхождении у них самих кала и газов. Путем подражания они учатся также ходить и говорить. В этом принимает уже участие и любовь. Дитя учится только от людей, которых оно любит, потому что оно хочет стать похожим на них. (Идентификация). Движимое любовью, оно учится также и тому, что отнюдь не приносит ему радости: послушанию, воздержанности, самоотречению и умению переносить лишения.

* * *

В 1905 г. Фрейд кратко изложил свои взгляды на сексуальность в небольшом, но классическом труде: «Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie» (51). В 1905 г. ему было 49 лет, т. е. семь раз семь. Сам Фрейд подал мысль о сравнении его сексуальной теории с другими, особенно с «Пиром» Платона. Это сравнение было впоследствии выполнено его учениками и почитателями.

Вышеупомянутые три статьи — лучшие произведения Фрейда. В них весь Фрейд, каким он перейдет к потомству. Несмотря на первостепенное значение учения о толковании сновидений и о сопротивлении, свет видит во Фрейде преимущественно исследователя сексуальности, видит в психоанализе и его технике только средство к смелому и революционному проникновению в сексуальную жизнь. Эта книга сейчас же после своего появления вызвала у небольшого круга лиц, понявших ее, взрыв восторга. Новая теория была здесь изложена так сжато, четко и, как нам казалось, так неопровержимо, что она захватила нас всех.

Центральный пункт — описание сексуальности ребенка. По Фрейду, в раннем детстве половым органам еще не принадлежит первое место. Ребенку доставляют наслаждение все части его тела, могущие воспринимать ощущения. Губы — первый и важнейший орган сладострастия. Подвижной мышечный аппарат — второй. Блаженство, с которым насытившийся грудной младенец погружается в сон, есть наслаждение от полного желудка. С ним вряд ли может сравниться и его вряд ли может превзойти в дальнейшей жизни какое-либо другое блаженство: любви или триумфа.

Сначала психологически нет еще различия между полами. Даже собственное тело не отличается сперва от одушевлен-

ных или неодушевленных предметов окружающего мира. Собственный большой палец, резиновая соска, или нос матери: между всем этим не делается различия.

Фрейд учит, что все младенцы онанируют, но что этот онанизм вскоре прекращается. Перед четвертым годом жизни дети в большинстве случаев снова принимаются онанировать, чтоб затем снова забыть об этом. Однако, второй период онанизма при своем вытеснении из памяти увлекает за собой бо́льшую часть детских воспоминаний данной эпохи. В этом сущность инфантильной амнезии, того удивительного факта, что все мы обнаруживаем пробелы в воспоминаниях того периода, когда память наша, по свидетельству всех наблюдателей, развита особенно хорошо. Только отдельные островки выступают из моря забвения. Лишь третий период онанизма, соответствующий периоду половой зрелости, обычно, не забывается больше, хотя он часто и отрицается нравственными обывателями.

Недавно Фрейд сообщил, что и маленький Ганс, фобия которого приобрела известность благодаря работе Фрейда 1903 г. (52), и который за это время превратился во взрослого Ганса, ничего не помнит о своей фобии и ее лечении знаменитым профессором. Он все забыл и стал здоровым жизнеспособным человеком.

Забвение столь значительного периода детства — факт и представляет закон человеческой психики. Так как лишь в редких случаях анализ доводится до столь раннего периода, то я не в состоянии высказать окончательное суждение относительно учения о трех фазах онанизма. Я не знаю, действительно ли онанизм и его вытеснение уничтожают детские воспоминания. По мнению Штекеля, райское время детства было так прекрасно, что оно должно быть забыто навсегда, чтобы мы могли выносить жизнь в дальнейшем. Но и этот взгляд кажется мне скорее поэзией, чем наукой.

Возвратимся к непосредственному наблюдению. Детская сексуальность выражается, с одной стороны, в самоудовлетворении помимо обращения к внешнему миру, с другой стороны, в том, что все собственное тело, кожа, слизистые оболочки, мышцы, органы внешних чувств рождают ощущение сладострастия. Автоэротизм (H. Ellis) и пансексуальность. Это свойство ребенка Фрейд охарактеризовал термином, приобревшим популярность: полиморфно-перверзный. Перверзность значит извращенность. Однако, раз все дети по общебиологическим причинам автоэротичны и пансексуаль-

ны, то мы, собственно, не вправе применять к ним термин «перверзный».

Книга «Drei Abhandlungen», несмотря на сдержанность и спокойствие тона, в сущности, полемическое выступление против ханжей. Быть может, Фрейд своей терминологией добивался уничтожения понятия «перверзный».

Взрослый не утрачивает полностью пансексуальности. Однако, ввиду того, что у него главное сладострастие (Hauptlust) обусловливается половыми органами, то детская форма сексуальности низводится к тому, что названо Фрейдом предсладострастием (Vorlust), в противоположность терминальному сладострастию (Endlust).

Поцелуй — предсладострастие. Обильная еда — тоже. Прогулка с возлюбленной, возня — могут быть предсладострастием.

Я неоднократно указывал (53), что сладострастие проявляется в двух формах. Одно, например, испытываемое в теплой ванне, не изменяется от начала до конца. Ванна равномерно приятна, и сладострастие длится сколько угодно. Оно не ограничено временем, неоформлено, неизменно. Его можно было бы назвать женским. Другой вид сладострастия имеет, наоборот, подъем, вершину и внезапный конец. На вершине оно родственно боли, в конце — смерти. Оно наступает и проходит. Подразделение Фрейда на предсладострастие (Vorlust) и терминальное сладострастие (Endlust) приближается к моему подразделению на неоформленное, пребывающее неизменным и оформленное, «становящееся» сладострастие. Мое подразделение ведет прямо от Фрейда к Платону, сексуальная теория которого основана на противоположности бытия и становления. По Платону, Эрос, божество, олицетворяющее неведающий утомления инстинкт, происходит от широкогрудой неизменной Геи (земли), он ее старший сын; — мужское из женского.

* * *

Многие виды извращенности представляют собой особый род непритязательности, удовлетворяющейся предсладострастием и отказывающейся от терминального сладострастия: садизм и его отражение — подлинный фетишизм, страсть к подглядыванию и страсть к показыванию своих половых частей, страсть к прикосновению, — все это задержка на виде сладострастия, обычном для детского возраста. Гомосексуальность

также могла бы быть объяснена индифферентизмом, с которым ребенок относится к различию между полами. После некоторого колебания Фрейд решился объяснить инверсию (этим термином от заменяет отвратительное слово гомосексуальность) бисексуальностью (54).

Раз извращенность, и как мы видим, все неврозы представляют задержку или возвращение к периоду детства, необходимо дать ответ на вопрос: отчего же невротики и извращенные впадают в инфантилизм? Для ответа на этот вопрос Фрейд создал свою теорию либидо, истории которой посвящена последняя треть нашей книги. Эту теорию он бережно охраняет, не допускает никакого отклонения от нее; он обнес ее оградой и защитным валом, созданным в неутомимой, почти двадцатилетней работе его выдающимся и проницательным умом. Несмотря на все это, как раз теория либидо есть камень преткновения, о который разбились три научных связи Фрейда: с Юнгом, с Адлером и с Штекелем. Собственно, на тот же счет следует отнести и разрыв с Брейером.

* * *

Раньше Фрейд имел обыкновение в заключение доведенного до благополучного конца психоанализа подносить своим пациентам жетон: Эдип разрешает загадку сфинкса. Первое описание Эдиповского мотива в качестве корня психического конфликта дано в 1900 г. в «Толковании сновидений» (55). Фивский король убил своего отца и женился на своей матери. Каждый сын, — учит Фрейд, — ревнует к отцу и любит мать. Каждая дочь, — заключил Юнг, сделав простое перемещение — любит отца и ревнует его к матери (Электра). Эдиповский комплекс — это тот локомотив, который промчал триумфальный поезд Фрейда вокруг земного шара. Венцам и вообще немцам было предоставлено исключительное право в течение двадцати лет насмехаться над Фрейдом или замалчивать его. В других местах повсюду к учению Фрейда отнеслись как к внезапно прорезавшему тьму лучу истины не только врачи, но и воспитатели юношества, общественные деятели и, наконец, все люди, для которых хоть сколько-нибудь ценно познание самих себя.

Симптомы Эдиповского комплекса так ярко бросаются в глаза, что когда-нибудь покажется непостижимым, почему только в 1900 г. явился смелый психолог, озаривший этим светом мрак психического. Еще непонятнее покажется сопротив-

ление всех тупоумных этой истине уже после того, как она была высказана. Сколько сыновей, как это известно каждому, враждуют с отцами и чрезвычайно нежны с матерью. Сколько взрослых дочерей гордятся тем, что рядом с отцом их принимают за его жену. Как ясно выявляется любовь к отцу в ревнивой ненависти к мачехе, которую вдовец вводит в свой дом. Внимательное изучение семейной жизни показало, что действительный инцест — половые сношения с близкими кровными родными — вовсе не представляет большой редкости. Психический же инцест—общераспространенное явление. В более поздние годы мы не сознаем его, потому что вытесняем его из сознания путем тяжелой борьбы, которая также забывается. Представление об инцесте столь неприятно для нас, что констатирование Эдиповского комплекса вызвало недовольство. Однако, у кого же ребенок может научиться нежности, если не у своих родителей? Только культура воздвигает преграды, и ребенку по необходимости приходится переносить свою нежность с родителей на другие объекты. Кому это не удастся, тот будет побежден в борьбе за существование и повернет обратно на всех парусах в страну детства. Поэтому Эдиповский комплекс — центральный комплекс невроза и всякий житейский конфликт пробуждает в невротике «чувство невыразимой боли от старой раны». Это доказывают нам солдаты мировой войны: раненные насмерть, они испускали дух с криком: мама, мама! «Прогресс психоаналитической работы все ярче вырисовывал значение Эдиповского комплекса; признание его — вот пароль, позволяющий отличать сторонников психоанализа от его противников» (56).

Таким образом, к перечисленным уже выше извращенностям, которые нормальны для любовной жизни ребенка, как самая ужасная присоединяется еще инцест. Чрезвычайно нежные родители опасны для детей тем, что они могут помешать им отойти от Эдиповского комплекса. Единственный ребенок с трудом избегает невроза. Рождение младшего брата или сестры переносится тяжело, как ущерб родительской любви. Во всяком случае, семья с ее требованиями и искушениями — благодатная почва для невроза. Но мне не раз приходилось наблюдать, что сироты и дети, воспитанные у чужих, или незаконнорожденные дети, особенно подвержены неврозам. Избыток нежности вредит. Недостаток вредит еще в большей мере. Отверженные видят нежность, проявляемую по отношению к другим, и заболевают от тоски. Один немецкий детский врач недавно описал, что дети в воспитательных домах и ана-

логичных учреждениях, несмотря на хороший уход, заболевают и умирают вследствие недостатка нежности. («Болезнь детских домов»).

Когда я вступил в круг учеников Фрейда (1906 г.), Эдиповский комплекс был еще свеж и владел умами. Это чудесное открытие витало над нами; мы составляли кружок адептов тайного учения. Отзвук со всех сторон мира докатился лишь много позже. Мы знали, что так случится, однако, мы не предчувствовали, какие монстры выйдут из-под пера разных писак в форме романов и пьес. К несчастью, Фрейд в своем Эдиповском комплексе дал в руки мало талантливым писателям ключ, с помощью которого они, без творческого вдохновения, à froid, могут отмыкать недра психического. Фрейда с тем меньшим правом можно считать виновником этого бедствия, что именно по смыслу его учения, художественные произведения создаются бессознательным, а никак не знаниями, вычитанными из книг.

Итак, мы приняли дар Фрейда, и каждый из нас по своему взрывал почву его плугом. Отто Ранк (Otto Rank) работал над обширным трудом: «Das Inzestmotiv in Dichtung und Sage», вышедшим в 1912 г. (700 стр.). Врачи Фрейдовского кружка анализировали и сводили, по примеру Фрейда, все неврозы к Эдиповскому комплексу, распавшемуся на две части: отцовский и материнский комплексы.

Аналитикам того времени был сделан упрек в некоторой монотонности. Анализы были продолжительны и, в конечном счете, всегда приводили к одному и тому же. «Лучше всего, — язвили критики, — сейчас же, в первый же сеанс признать, что ты спал со своей матерью и делал попытки отравить отца». Но разве не на нас лежала обязанность сперва вспахать всю почву вновь изобретенным орудием, чтобы от нас не ускользнула ни одна крупица новой истины?

Фрейд в дальнейшем описал еще один мотив, предшествующий по времени Эдиповскому комплексу. Мальчик (по всей вероятности, также и девочка) видит в большом, строгом, могущественном, одетом в темное и говорящем низким голосом отце, лишь изредка появляющемся в детской, идеал, требующий безусловного поклонения, высокий идеал, которому он желает и пытается уподобиться. Таким образом он любит отца, прежде чем находит повод ненавидеть его. Мы видим, как наши дети играют в отца, когда, наморщив брови, они пытаются басом отдавать приказания. В этой установке корни идущих далеко в глубь времен чувствований. Когда, в бо-

лее поздней фазе своего развития ребенок начинает чувствовать в отце конкурента, он пытается присвоить себе те высокие качества, которые он в большей или меньшей степени присочинил и приписал отцу. Психологическая ситуация становится здесь весьма темной и запутанной. Сперва ребенок отождествлял себя с отцом из любви, затем он отождествлял себя с ним, чтобы иметь возможность занять его место подле матери.

К этому присоединяется, что мать, которую ребенок любит сперва как мамку, вскоре причиняет ему первое горестное разочарование отлучением от груди. Так как на ней лежит воспитание ребенка, сопряженное с лишением значительного количества наслаждения, то мать толкает детей на упрямство и ненависть. Из простого Эдиповского комплекса возникает «полный».

Отношения настольно неясны, что Штекель мог утверждать, будто ненависть более древнего происхождения, чем любовь. Положение вещей станет наиболее доступным пониманию, если мы и здесь примем за основание биполярность чувств. Дитя питает к обоим родителям и любовь, и ненависть, и эти четыре чувства, сообразно задаткам ребенка и его переживаниям, оказывают действие в различных комбинациях.

Все более и более растет убеждение, что индентификация — главная и характерная черта любви. Она также и главная характерная черта ненависти. Существуют так называемые сновидения о материнской утробе (Mutterleibsträume). Для наших противников они — объекты смеха, для нас же самих — каждый раз объекты изумления. Видящий сон в фантазии проецирует себя в мать, видит себя возникающим в ней, с нею умирающим. Подобно тому, как существуют «Сновидения о материнской утробе» Mutterleibsträume, существуют и «Vaterleibsträume» (фантазии, проецирующие видящего сон в отцовское тело). Тот, кто их открыл, назвал их «Spermatozoen-Träume» (сновидениями с проекцией в семенную нить). Это название неудачно и неизбежно вызывает насмешку.

Фрейд, после того, как им было высказано поражающее утверждение, имеет обыкновение говорить самому себе «стоп!». Он ослабляет недоумение своего читателя признанием, что он сам, в свою очередь, удивляется и делает возражения самому себе. У его учеников часто отсутствует подобная самокритика. Самоуверенность, с какою держит себя второе поколение

в этой темной области, вызывает неудовольствие и пробуждает недоверие. Я тоже говорю: «стоп!».

«Это ужасно!» — восклицают няньки мужского и женского пола. «То, что вы говорите, заключает в себе крупицу истины. Но это до смешного преувеличено и искажено. Вы превращаете наших детей в ублюдков и чудовищ».

Возражение справедливо. У нормальных детей все эти отношения и комплексы только намечены, они преодолеваются без явного ущерба для детей и не играют никакой роли в их дальнейшей жизни. В других случаях эти детские комплексы, которые только казались подвергшимися преодолению, снова становятся действительными; это бывает в тех именно случаях, когда, под влиянием жизненных ударов, испуганно отступают в бессознательное, т. е. в забытое детство. У других опять-таки инфантильная сексуальная жизнь такова, что она при всяких обстоятельствах должна привести к неврозу.

Односторонность некоторых психоаналитиков заключается в том, что они не обращают решительно никакого внимания на актуальные удары, а выкапывают исключительно детские комплексы. Несчастная любовь или какая-нибудь другая жизненная неудача может легко толкнуть нас в невроз, который в таких случаях неизменно принимает очертания детской любовной жизни. В подобных случаях безусловно необходимо осветить актуальную неудачу, которой обусловливается невроз, а между тем окружающие Фрейда психоаналитики часто упускают это из виду. Они ищут Эдиповский комплекс, а последнее время также комплекс кастрации (см. ниже) и, кроме того, нарцизм детского периода. Они очень долго анализируют и узнают, что произошло тридцать лет тому назад и раньше. Но они не узнают, что произошло вчера, да и не интересуются этим. В результате их усилия безуспешны. Если кто-нибудь импотентен от того, что он терпеть не может своей жены, ему мало поможет, если ему будет доказано, что он был влюблен в свою мать. Он верит, что нежно любит свою жену, осыпает ее подарками и, по-видимому, не может жить без нее. Поэтому «жестокая» задача аналитика заключается в том, чтоб свести его «с небес» на землю.

Когда Фрейду был сделан упрек, что он слишком мало думает об актуальном, он возразил, что от него требуют именно того, что он делал вместе с Брейером и что было оставлено ими (57). Но в 1895 г. Фрейд не знал еще, что разрешения актуального могут быть даны больным часто лишь обходным путем, через детские переживания. Болезнетворный актуаль-

ный конфликт всплывает лишь после того, как материал детства вырыт из подземных глубин. Иногда, правда, он очень скоро обнаруживается, но не перестает действовать и вредить, пока он не высвободится из якорных цепей, прикрепляющих его к первичным комплексам.

* * *

До выступления Фрейда наука объясняла все наследственностью, предрасположением, отягощением и вырождением. Мы не можем отрицать наследственность, но нам нечего делать с нею. Мы не в состоянии изменить ее. Но мы знаем, что рано приобретенные свойства утверждаются столь прочно, что могут быть приняты за наследственность.

Все уклонения от нормы в области психического мы вместе с Фрейдом сводим к расстройствам в развитии детской сексуальной жизни. Так возникают не только социально неполноценные типы, как типы невротиков и извращенных, но и художественные дарования и все виды гениальности. В качестве основы невроза требуется сильное и слишком раннее развитие полового влечения (преждевременная зрелость). Большой вопрос, может ли ослабление полового влечения вести к неврозу. Слабость, обнаруживающаяся в более позднем периоде, является обычно лишь результатом преждевременного развития и силы половых влечений. Преждевременная зрелость часто вызывается искусственно, особенно в больших городах, а также в случаях истеричности самих воспитателей. Неразумная или преступная нежность ведет к чрезмерному развитию зарождающихся влечений. Дитя в руках истерических родителей не может избежать невроза. Тогда говорят, что невроз передается по наследству, но он скорее передается путем заразы, чем по наследству. Правда, преждевременное половое созревание может быть унаследованным. Но мы поступим правильно, если будем придавать очень большое значение среде и очень малое — наследственности.

Слабое созданье с сильным половым инстинктом скоро вступает, разумеется, в конфликт со средою. Ему всегда хочется того, чего ему нельзя, и чего оно не может добиться. Здесь мы сталкиваемся с принципом неполноценности. Ребенок заболевает «от гнетущего ощущения своего ничтожества».

Две идеи были предложены Фрейду его сотрудниками. После некоторого колебания он принял бисексуальность. Понятие о неполноценности, проистекающей из борьбы с подавляю-

щей силой, было внесено в учение Альфредом Адлером. Фрейд не мог переварить этой идеи, и она в работе фрейдовских механизмов застряла, подобно вредному инородному телу: многое из того, что было создано Фрейдом после 1905 г., следует рассматривать как оборонительную войну против Альфреда Адлера и его основных мыслей.

* * *

Мы знаем, что Фрейд вначале не был дружески расположен к идее бисексуальности. Я полагаю, что он и сейчас не может отделаться от тайного недоброжелательства к этой идее. В 1907 г. И. Задгер утверждал, что все истерические симптомы, а в более широком смысле также все фантазии и сновидения, бисексуальны, иными словами — их всегда можно свести как к гомосексуальным, так и к гетеросексуальным корням в бессознательном. В 1908 г. Фрейд последовал по этому пути, признал значение этого понятия для некоторых симптомов, но оспаривал его приложимость ко всем случаям (58). В это самое время я слышал еще, как Фрейд иногда высмеивал идею бисексуальности и отвергал восторженное увлечение ею. В примечании к тексту, которое появилось лишь в позднейших изданиях его книги «Drei Abhandlungen», Фрейд заявляет, что понятия «мужской» и «женский» туманны, и ясно говорит, что они могут быть использованы психоанализом лишь в смысле активности и пассивности. Таким образом, он пытается разложить понятие бисексуальности. На той же странице он утверждает, что либидо всегда означает мужское. Если это должно означать только, что либидо активно, то это весьма худосочное утверждение. Либидо — влечение, всякое же влечение активно — оно влечет.

Правда, на следующей странице мы находим: «С тех пор как я познакомился с понятием бисексуальности, я считаю этот фактор имеющим здесь решающее значение и полагаю, что, только считаясь с бисексуальностью, можно прийти к пониманию действительно наблюдаемых сексуальных проявлений мужчины и женщины». Но именно сюда относится упомянутое примечание, что для психоанализа мужское и женское не обозначает ничего иного, кроме активного и пассивного. Приходится спросить: к чему весь шум?

Я сам не могу с должной энергией защищать все, вытекающее из понятия о бисексуальности. Соглашаюсь, что на той ступени, где мы работаем с нашими пациентами, оно может

быть нам очень полезно. Оно служит нам рабочей гипотезой. Прегенитальная форма сексуальности — автоэротизм и пансексуальность — еще не знает различия между полами. Следовательно, сексуальность отнюдь не бисексуального происхождения. Фрейд учит о превращении сексуальных влечений в высшие типы человеческой активности, он называет это словом, которое также встречается у Ницше, сублимацией либидо. Эта сублимация опять-таки или совсем не знает разницы между полами, или имеет к ней лишь очень отдаленное отношение. Если, таким образом, влечение не имеет ни бисексуального начала, ни конца, следовательно, и бисексуальность не может быть существенным признаком сексуального влечения. Я считаю бисексуальность лишь одной из форм проявления высшего закона биполярности, о котором мы еще подробно и в определенной связи будем говорить в дальнейшем.

Во время моего пребывания в Азии, в этой огромной части света, где со времен Авраама во многих отношениях не произошло никаких изменений, во мне при виде беспредельности этой страны, живущей по сравнению с крохотной, расчлененной и нервной Европой как бы вне времени, было очень резко выражено чувство «женского».

Ночь — женское в сравнении с днем, когда всходит и заходит солнце. Опьянение — женское, сновидение — мужское. Подобные сравнения напрашиваются сами собой, украшают поэта, но опасны для науки. Все биполярно. Один раз мы ближе к одной стороне, другой раз, — к противоположному полюсу. Несмотря на эти теоретические сомнения, я не имею ничего против того, чтобы психоаналитики практически работали с принципом бисексуальности, и делаю это ежедневно сам.

Прославленный предок Фрейда, Платон, совершенно пренебрег различием между полами. Для Платона любовь в конечном счете — любовь к прекрасному. И Фрейд признает за сексуальными влечениями способность к сублимации. Они обладают способностью десексуализироваться и направляться на духовные цели, как искусство, наука, религия, в менее высокой сфере также и на технику, ремесло, политику — на все, что мы в общем называем культурой. В такой сублимации, разумеется, не может быть и речи о полах. Тут нет ни сексуальности, ни бисексуальности. Всем читателям «Пира» и «Федры» Платона бросается в глаза, что там речь идет исключительно о любви к юношам, как будто не существует любви к другому полу или как будто эта любовь слишком

низменна и недостойна философского обсуждения. Однако, знакомясь с любовью в освещении Фрейда, с ее началом — в автоэротизме ребенка — и с ее концом — на высотах сублимации, — мы видим возрождение античной мысли. Эрос не имеет пола. Животная сторона в человеке насильно надевает на Эроса ярмо пола. Но его природа стремится ввысь от пола в небеса. Я формулирую пока еще темное положение: либидо окольным путем через бисексуальность освобождается от сексуальности. Думаю, что Фрейд все ближе и ближе подходит к этой мысли.

IX

ЛИЧНОСТЬ ФРЕЙДА

Впервые я увидел Фрейда на его лекции. Он читал каждую субботу от семи до девяти вечера. Тогда ему было около пятидесяти, но он выглядел еще очень моложаво. Слушателей у него было не особенно много. Заняты были, да и то не вполне, лишь первые три скамьи аудитории. Много лет уже как он прекратил чтение лекций. Если бы теперь он снова возобновил их, ему пришлось бы подыскивать очень большие залы.

У него были гладкие, черные волосы с легкой проседью, пробор с левой стороны и короткая французская бородка. У него не было больших блестящих глаз, которые так часто встречаются у значительных людей. Взор его темнокарих влажных глаз часто обращается снизу вверх, в нем есть что-то ищущее. Фрейд почти среднего роста, скорее хрупкого телосложения. Движения его обдуманно энергичны; уже тогда он был слегка согбен от чрезмерной работы.

Не пользуясь никакими письменными заметками, он говорил почти два часа подряд и никогда не утомлял слушателей. Его лекции впоследствии были записаны и изданы (59). Его манера читать напоминала манеру немецкого гуманиста, но была смягчена тоном легкой беседы, который Фрейд, может быть, привез с собой из Парижа. Ни тени напыщенности или манерности. Что он говорил и как он говорил, находилось до известной степени в противоречии. Любезным и вкрадчивым тоном занимательного собеседника он сворачивал шею официальной психологии, как сатана у Гауффа добродушно уговаривает свою жертву: «Подойдите поближе, это не больно». Сам Фрейд, говоря однажды о Вундте, процитировал «Неистового Роланда»: «Одному великану в пылу битвы отсекают голову, а он, не замечая этого, продолжает сражаться». Дело шло о том, что Вундт не хотел признавать в психике бессознательное, между тем как «Толкование сновидений» дока-

зывает противное. «Возможно, — сказал Фрейд, — что существовавшая до сих пор психология умерщвлена моим учением о сновидениях, но она этого пока еще не замечает и продолжает поучать дальше».

Фрейд прибегал часто к Сократовскому методу. Прерывая себя, он задавал вопросы или вызывал возражения. Немногочисленные возражения парировались затем Фрейдом с большой находчивостью и остроумием.

После лекции, которая происходила в старой психиатрической клинике больницы, мы с триумфом провожали Фрейда через дворы до улицы. Там он садился на извозчика и исчезал в темноте. На небольшом расстоянии от аудитории до главных ворот мы старались всеми силами выдвинуться перед Фрейдом. Он бывал, обыкновенно, очень весел. Только что вышли его «Drei Adhandlungen zur Sexualtheorie» и «Bruchstück einer Hystericanalyse». Мы знали эти работы вместе с примечаниями наизусть, вполне понимали значение их и, таким образом, чувствовали себя избранными, как ученики Аристотеля, до того как его работы проникли в массы.

Однажды Фрейд сказал, что все сообщаемое им он отдает на общее пользование. Это должно было означать, что он не только осыпал нас благодеяниями своего таланта, но что он не будет в претензии, если эти подарки будут пущены в оборот без упоминания его имени. Я не мог тогда понять смысл этих слов. Считал ли он себя столь богатым или применял к себе изречение древних: «Скорее можно вырвать у Геркулеса его палицу, чем у Гомера изъять хоть единственный стих». Впоследствии я на самом деле видел, что его ученики выпускали работы, не оттеняя достаточно, что все мысли заимствованы у Фрейда. Как примеры, я называю: работа Юнга «Die Bedeutung des Vaters für das Schicksal des Einzelnen», или «Das Problem des Hamlet und Oedipuskomplex» Ernst Jones'a. Такие работы радовали Фрейда. Он врезал в психическую жизнь глубокую штольню и нуждается в сотрудниках, которые могли бы выложить туннель глазурованным кирпичом.

Итак, дозволено пользоваться мыслями Фрейда. Он настолько не любит, чтобы его ученики развивали свои собственные мысли, что предпочитает уделять им от своего изобилия. У одного из последователей Фрейда, пользующегося уже в течение десятилетий его особым благоволением, на вопрос, почему ученики Фрейда не развивают его учения, всегда наготове стереотипный ответ: «Он заранее все сделал сам и не

оставил ничего, что мы могли бы открыть». В этом гипнозе живет ортодоксальная школа Фрейда.

В 1903 г. Фрейд основал кружок, который аккуратно собирался вечером по средам, и из которого впоследствии выросли Психоаналитическое общество и его отделы, рассеянные по всем странам света. В него входили сперва Вильгельм Штекель, Альфред Адлер, Макс Кагане и Рудольф Рейтлер. Из них оба последних умерли, не создав ничего значительного в психоанализе.

Кагане — друг детства Фрейда, переводчик лекций Шарко и Жанэ. Лет за 15 до своей смерти он разошелся с Фрейдом.

Штекель, с 1912 г. находящийся у Фрейда в опале, в молодые годы своим литературным дарованием много содействовал распространению учения Фрейда в Вене и во всей Германии. Ротационные машины всех немецких газет стонали под тяжестью его хвалебных гимнов. Фрейд, несомненно, и без этой пропаганды пробил бы себе дорогу. Но это все же не уменьшает прежних заслуг Штекеля по отношению к Фрейду, когда не было еще так удобно выставлять себя сторонником психоанализа.

Адлер вышел из кружка из-за научных разногласий еще в 1911 г., так что теперь никто из основателей кружка не сидит больше рядом с учителем.

Через короткое время после образования кружка к нему присоединились Пауль Федерн, Эдуард Гичман, М. Штейнер и И. Задгер. Многие появлялись нерегулярно, как гости; среди них детский врач Фридъюнг, музыкальные писатели Макс Граф и Давид И. Бах, книгопродавец Гуго Геллер. Когда вступил я, там уже находился Отто Ранк, тогда еще совсем молодой человек, без университетского образования. Он обратил на себя внимание Фрейда своим этюдом «Der Künstler». Сейчас он доктор философии и приближенный Фрейда. Едва ли кто-нибудь другой имеет возможность так много беседовать с этим большим человеком, и мир ожидает от Ранка подробных записей.

Собрания кружка происходили в приемной Фрейда. Мы сидели вокруг длинного стола, дверь из рабочей комнаты была открыта, оттуда виднелась большая библиотека. Фрейд любит собирать древности. В приемной стояла большая этрусская ваза, на его письменном столе многочисленные маленькие фигурки, главным образом, египетского происхождения. В этой квартире нам все казалось преисполненным значения. Начиная с дивана и позади него кресла с ручками, яв-

лявшимися ареной, на которой Фрейд занимался толкованием сновидений, и кончая доносившимся издали шумом промывной воды, заставлявшем вспоминать о пациенте, который подкупил горничную Фрейда, чтобы тайком использовать именно это укромное местечко.

Фрейд сидел в конце стола и председательствовал. Перед ним лежал листок бумаги. После ужина подавался черный кофе и сигары. Сам Фрейд дымил безостановочно. Обычно вступлением к вечеру был доклад, не всегда непременно из области психоанализа. После этого начинались прения, в которых каждый должен был принимать участие. В небольшой вазе лежали жребии, и Ранк, назначенный вскоре секретарем, вынимал их и указывал, в каком порядке должны были выступать дискутирующие. Теперь у меня впечатление, будто Фрейд всегда говорил последним. Впрочем, может быть, что я не слушал тех, которые выступали после него, и таким образом память обманывает меня:

Roma locuta, causa finita.

Вечера не всегда бывали интересны. Фрейд преследовал, главным образом, цель провести через горнило нескольких знающих предмет, хотя и посредственных голов, свои собственные мысли. Поэтому ему не особенно желательны были независимые личности, честолюбивые сотрудники с сильно развитой критической мыслью. Мир психоанализа был его представлением и его волей. Кто принимал его представления, тому он был рад. Он хотел смотреть в калейдоскоп, который с помощью игры зеркал всюду отражал бы его собственную фигуру.

Особенно хороши были вечера, когда Фрейд сообщал свои собственные работы in statu nascendi:

«Воспоминание детства Леонардо да Винчи».

«Безумие и сновидения в «Gradiva», В. Иенсена.

«Анализ фобии пятилетнего мальчика».

«Случай невроза навязчивости».

Это самые значительные из всех работ, которые я слышал в том кружке. Изложение Фрейда в небольшом кругу было всегда гораздо смелее, чем на открытом докладе. Архитектоника была всегда такова, что его утверждения сперва казались странными, затем, подпираемые со всех сторон аргументами, они, в конце концов, становились в высокой степени вероятными. Кто знает Фрейда только из его книг, тот гораздо скорее способен на противоречие, чем лицо, испытавшее фейерверк его речей. Он, безусловно, не оратор. Он едва по-

дымает голос. И все же он Зигмунд[1]. Он зачаровывает, повергает ниц. Его последние произведения мне нравятся меньше, чем более ранние. Но я охотно признаю, что они не хуже, и кажутся мне только такими; ведь я должен вычитывать из мертвых букв то, что я раньше впервые слышал из его уст.

Уже с 1906 г. Фрейд имел возможность ставить нас в известность о некоторых успехах, которые выпадали на его долю за границей. В Будапеште он привлек на свою сторону известного аналитика С. Ференча, с которым он и подружился вскоре. Особенно важным казалось нам то внимание, которым пользовался Фрейд у цюрихских психиатров. Заведующий клиникой Блейлер, К. Г. Юнг и другие ассистенты (Maeder, Riklin, Abraham, Eitington) заявили себя сторонниками психоанализа. Объявился даже священник (Оскар Пфистер). Это международное распространение психоанализа служило утешением при полной тьме, царившей в головах венцев. Фрейд дал лозунг не добиваться признания на родине и усердно корреспондировал с швейцарцами. Таким образом нашлась первая клиника, которая готова была работать с новыми взрывчатыми веществами. Весной 1908 г. Фрейд собрал своих интернациональных сторонников на первом психоаналитическом конгрессе в Зальцбурге. В числе собравшихся были представители Женевы, Лондона и Америки.

Я никогда не видел более полного триумфа, чем тот, которого добился Фрейд на этом конгрессе. Осторожные швейцарцы имели кой-какие возражения. Но Фрейд опрокинул их силой и убедительной ясностью своей речи. Он чувствовал, что он, с помощью Швейцарской школы, найдет смычку с мировой наукой, и не подозревал еще, какое разочарование ему предстояло. Но и венские ученики Фрейда также выдвинулись. Так, Задгер впервые сделал сообщение о гомосексуальном мужчине, которого он вылечил психоанализом. Штекель говорил о фобиях.

Связь с швейцарской психиатрической клиникой принесла тот плод, что там с новым методом начали подходить и к психическим больным. «Содержание психоза» начали принимать всерьез; раньше же оно, как совершенно бессмысленное, казалось науке недоступным. У самого Фрейда нет материала о психически больных. В Бургхольце, близ Цюриха, с помощью психоанализа стали совсем иначе понимать шизофрению, паранойю, меланхолию. В работе «Печаль и меланхолия» (60)

[1] Игра слов: Sieg — победа; Mund — рот. (Прим. пер.).

и в прекрасных очерках о паранойе президента сената Шребера (61) основоположнику психоанализа все же выпало на долю открыть такие перспективы в области психиатрии, которые оказались недоступными другим, несмотря на их богатый материал.

Осенью 1909 г. Фрейд в сопровождении Юнга уехал в Америку, чтобы прочесть ряд лекций о психоанализе в Ворчестерском университете. Путешествие было подготовлено Юнгом, который в то время имел гораздо более связей с американским научным миром, чем Фрейд. Ференч из Будапешта присоединился попутчиком к обоим ученым. У всех нас получилось впечатление, что Фрейд вернулся из Америки слегка разочарованным. Я подозреваю причину его разочарования в следующем: Фрейд нашел американский интеллект мало пригодным для восприятия и усвоения столь трудной и с каждым днем все более и более усложнявшейся темы, как психоанализ; от американцев, по-видимому, трудно было ждать такого восприятия и усвоения психоанализа, какое было желательно основателю этой нелегкой науки. Он предвидел приближение бури «Фрейдомании» (Freud-craze), которая свирепствует сейчас в Америке и во всех англо-саксонских странах. Но он предвидел также, что его учение будет там воспринято так, что кроме имени и самых примитивных основных положений из труда всей его жизни почти ничего не останется. Со времени первой и единственной поездки в Америку Фрейда неоднократно и настойчиво приглашали еще раз приехать туда, когда он достиг уже мировой славы. Но он всегда отказывался. Лицо, близко стоящее к нему, сообщило мне, что он испортил себе в Америке желудок и до сих пор не избавился от приобретенного там катара. Я не думаю, однако, чтобы такое тривиальное основание являлось для Фрейда решающим моментом. Напротив, я полагаю, что Фрейд боится крупного недоразумения: он слишком честен, чтобы принять на себя гигантскую волну похвал из уст людей, которые его не поняли.

Я не знаю, конечно, какие разговоры вели между собой трое ученых: Фрейд, Юнг и Ференч на обратном пути через океан. Я имею основание предполагать, что они сговаривались о необходимости упрочить организацию психоанализа. Фрейд перестал заниматься психоанализом, как чистой наукой. Начинался «политический» период психоанализа. Трое ученых решили дружно и крепко держаться друг друга и предохранять учение от всех опасностей. Одна опасность грозила со

стороны вульгаризации и превратного понимания, как это бывает с каждым научным течением, которое становится популярным. Другую опасность Юнг видел, главным образом, в работах венских учеников Фрейда, в их чрезмерном увлечении толкованием сновидений. Когда говорили о венских учениках Фрейда, то прежде всего подразумевали Адлера и Штекеля, а во вторую очередь — Задгера и других. Швейцарцы, кроме того, не были свободны от расовых предубеждений. Сам Фрейд, который должен был бы знать, что именно венские ученики готовы были отстаивать дело психоанализа кровью своего сердца, попал тогда в какую-то странную зависимость от Юнга. Мы видели, что, когда Фрейд говорил о нем, лицо его сияло: «Это мой милый сын, который доставляет мне много удовольствия».

В это время я имел возможность видеть Фрейда почти целый год непосредственно за работой, ибо он пользовал в течение месяцев в моем присутствии случай юношеского слабоумия. Отупение пациентки делало это возможным. Правда, это же отупение лишило меня плодов завидной совместной работы. Мы не добились больших результатов.

Весной 1910 г. мы собрались в Нюрнберге на второй конгресс, от которого у меня осталось менее приятное воспоминание, чем от конгресса в Зальцбурге. Здесь обнаружилось, о чем судили и на чем порешили три психоаналитика на обратном пути из Америки домой. Ференч внес предложение основать международное общество аналитиков. Юнг должен был сделаться пожизненным главой этого общества. Он должен был получить неограниченную власть назначать и увольнять аналитиков. Все научные работы аналитиков должны были проходить под его контролем и могли появляться в свет только с его разрешения. Зато всякая ответственность за дальнейшее развитие психоанализа снималась с плеч его творца Фрейда и возлагалась на Юнга.

Можно себе представить, что ничего не подозревавшим венцам это предложение показалось в высшей степени странным. Мне неизвестно, чтобы где-либо, за исключением разве организации католических орденов, было придумано нечто подобное. Молодая, сулящая пышный расцвет наука ставилась под единоличный контроль молодого человека, который не был ее основателем и познакомился с ней лишь за несколько лет до того. В дальнейшем выяснилось, что Юнг вообще никогда не чувствовал себя хорошо в сфере психоанализа. Фрейд впоследствии пытался объяснить свой образ

действий (62). Но никакое объяснение не может изгладить из памяти тот факт, что психоаналитическая политика началась актом насилия, который, впрочем, благодаря энергичной оппозиции венцев, был немедленно отражен тут же на месте.

Фрейд вел себя, как отец дарвиновской первобытной орды: таким же насильником и столь же наивно. Он заметил возбуждение венских учеников и их решимость всеми средствами противиться предложению Ференча (особенно ясно выразили это Адлер и Штекель, о шкуре которых, собственно, и шла речь), и отложил голосование до следующего дня. Наступило безотрадное время, которое должно было окончиться расколом в трех направлениях: трехлетняя война на лоне психоанализа. В конечном счете здесь шло дело не столько о науке, сколько о властолюбии. По крайней мере, три человека были властолюбивы: Фрейд, Юнг и Адлер. Со Штекелем, я полагаю, можно было бы жить.

После обеда в этот достопамятный день венские ученики собрались в боковом зале Гранд-Отеля в Нюрнберге, чтобы обсудить неслыханное положение вещей. Внезапно между ними без приглашения появился Фрейд. Он был в большом волнении — таким я его еще никогда не видел — и сказал: «Большая часть из вас евреи, а потому вы непригодны для привлечения друзей к новому учению. Евреи должны довольствоваться участью служить удобрением для культуры. Я должен войти в соприкосновение с наукой, я стар и не хочу всегда и всюду наталкиваться лишь на враждебное отношение. Мы все в опасности». Он взялся за отворот своего сюртука. — «Мне не оставят даже этого сюртука, — сказал он. — Швейцарцы спасут нас. Меня и всех вас».

Венские участники конгресса возражали. В конце концов, было основано международное общество с несколькими местными группами, и Юнг был избран председателем этого международного общества на 2 года. Для того, чтобы обеспечить себе положение в науке, Адлер и Штекель основали журнал. Издателем этого журнала был сам Фрейд, что вначале не входило в планы обоих основателей (63).

Уже на этом конгрессе в Нюрнберге поднялся один из учеников Фрейда, швейцарец, и сказал, что не следует всегда выдвигать на первый план сексуальность: это вызывает лишь возражения, и успех был бы гораздо больше, если бы к сексуальности подходили описательным путем. Фрейд горячо

возражал. Железная последовательность, с которой Фрейд отстаивал голую сексуальность как фундамент своего учения о неврозах, всегда особенно импонировала мне. Скольких нападок мог бы избежать Фрейд, если бы он завуалировал суть. Послушаем его самого (64): «Эти любовные инстинкты называются в психоанализе a potiori и по их происхождению сексуальными влечениями. Большая часть интеллигенции восприняла это наименование как оскорбление и отплатила за это тем, что бросила психоанализу упрек в пансексуализме. Кто считает, что сексуальность содержит в себе нечто позорящее и унижающее человеческую природу, пусть применяет более аристократические названия: эрос и эротика. Я мог бы это сделать с самого начала и тогда избежал бы многих возражений. Но я не хотел этого, потому что я по возможности избегаю уступок малодушию. Нельзя знать, куда заведет эта дорога; сперва уступают в отношении слов, а там постепенно и в отношении сути. Я не вижу какой-либо заслуги в том, чтоб стыдиться сексуальности; греческое слово эрос, долженствующее смягчить позор, ведь, в конце концов, не что иное, как перевод слова любовь; и, наконец, кто в состоянии ждать, тому нет надобности делать уступки».

Из Нюрнберга Фрейд вернулся в Вену в менее хорошем расположении духа, чем из Зальцбурга. Совесть его была нечиста в отношении венцев. Правда, ученики его не ладили друг с другом. Во время дискуссионных вечеров они нападали друг на друга и с неприязнью отрицали друг у друга наличие заслуг. Первым шагом Фрейда под предлогом, что его комната слишком мала, было перенесение кружка из его квартиры в помещение венской Докторской Коллегии. Там было холодно, официально и неуютно. Вступили новые члены. Между ними особенным спорщиком был Виктор Тауск, который потом покончил жизнь самоубийством. Летом того же года я навсегда оставил кружок.

Кружок существует и поныне и собирается по средам. Он уже давно переехал в свое собственное помещение, издает два журнала, имеет много разветвлений, амбулаторию для психоанализа в Вене и большое психоаналитическое издательство. Говорят, что склока не прекратилась до сих пор. Недавно Фрейд высказал такое суждение, относившееся к окружающим его ученикам: «По-видимому, психоанализ будит самые злые инстинкты». Я этого не думаю. Я полагаю, что в этом обществе подавлена свободная критика. Подавление делает злобным.

Члены психоаналитического кружка занимаются слишком много метапсихологией и при этом, как и можно было опасаться, сбиваются на путь схоластики. Обычный естествовед лишь с трудом может следовать за ними. В конце концов, их труд в большинстве случаев плохо вознаграждается. Фрейд возводится в полубога или даже в целого бога. Его слова не подлежат критике. У Задгера мы читаем, что «Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie» — библия психоаналитиков. Это гораздо более, чем оборот речи. Я заметил, что ученики Фрейда, по мере возможности, взаимно аннулируют свои работы. Они признают только Фрейда, мало читают и почти никогда не цитируют друг друга. Более всех цитирует их сам Фрейд. Все хотят быть вблизи Фрейда. Медицинский элемент отошел на задний план. Доминируют философы.

* * *

Американец Монроэ Мейер прибыл в Вену, чтоб изучать у Фрейда психоанализ. Он сообщает о следующем снившемся ему самому сне: «Я собираюсь съесть бифштекс, причем я отправляю в рот слишком большой кусок, и мне грозит удушение. Я вкладываю палец в рот и вытаскиваю кусок мяса». Это сновидение повторялось шесть раз в течение одной ночи. В промежутке он видит другие сны: будто бы два официанта насмехаются над ним, так как он не может проглотить бифштекс. Затем он на лекции. Через его голову другие коллеги беседуют на незнакомом ему языке, «на первобытном языке, может быть, венгерском»... Он жалуется лектору, что разговор мешает ему следить за лекцией, и просит прекратить безобразие. Тут оба студента начинают его бить и щипать.

Сюда имеют отношение следующие актуальные события: видевший сон американец работал у Фрейда шесть часов в неделю по психоанализу; время занятий должно было быть сокращено до пяти часов. Шестикратным повторением сновидения он выражает желание, чтобы за ним остались все шесть часов. М. Мейер толкует: «Сновидение представляет собой фантазирование о зачатии и родах и изображает женскую установку на отца, сопровождаемую ревностью к матери».

Штекель со своей стороны замечает (65): «По поводу данного толкования я не могу спорить с коллегой. Но побочные сновидения этой же ночи идут по другому направлению. По моему мнению, этот бифштекс представляет собой неудобо-

варимый анализ. Бедный коллега должен в течение недели шесть раз глотать мудрость, которая грозит ему удушением. В этом выражается внутреннее сопротивление анализу... Психоанализ для него чужой язык, и он чувствует, что его побивают два более опытных ассистента (официанты) учителя».

Это толкование Штекеля, подкупающее своей правдоподобностью, должно было бы служить предупреждением. Но немедики пользуют больных по методу Фрейда, что совершенно недозволительно, так как самый глубокомысленный философ без медицинского образования не может отличить рак или туберкулез от невроза. Психоанализ в руках схоластов и талмудистов так мутнеет, что совершенно гибнет для естествознания. Скоро явится необходимость вновь завоевывать его (66).

X

АЛЬФРЕД АДЛЕР

Адлер был одним из значительнейших учеников Фрейда (67). У него был лишь один недостаток — он не умел анализировать. Факты из бессознательного были ему малодоступны. Его толкования сновидений довольно часто исправлялись людьми, стоявшими в стороне от аналитической работы; в занятиях с больными он редко проникал в области, до которых обычно добирался Фрейд и многие из его учеников. Я не думаю, чтоб Адлеру не хватало таланта. Он просто не хотел, а потому и не мог анализировать.

Он застрял на одной мысли, одной единственной мысли, которая казалась ему достаточно ценной, чтобы долгие годы растить и разрабатывать ее. Мысль эта была взята у Ницше: воля к могуществу. Чего хочет человек? Чего хочет всякое живое существо? Быть могущественным. Что, следовательно, обиднее всего? Слабость, неполноценность. Неполноценный субъект, гонимый своей жаждой к могуществу, со страстной энергией работает сам над собой, ибо чувство неполноценности для него невыносимо. Таким образом, путем психической надстройки заикающийся Демосфен делается оратором, близорукий — художником, парализованный — Стилихоном и Торстенсоном. В случае, если победа одержана, неполноценность компенсируется или сверхкомпенсируется психической надстройкой. Из неполноценности образуется сверхполноценность. Оба парализованных полководца, которых я назвал, были известны и внушали страх молниеносной быстротой передвижения своих войск.

Но может случиться, что неполноценный индивидуум отчаивается в возможности победы. В таком случае, он ищет убежища в болезни, как бежит в монастырь монах, не желающий ничего больше знать о мирском. Такое бегство в болезнь приносит обычно тот выигрыш, что заболевший невро-

зом властвует, тиранит своих окружающих, принуждает их к заботливости, состраданию, денежным жертвам; таким образом, под покровом своей болезни, он добивается гораздо большего значения, чем в здоровом состоянии.

Адлер — сам приземистый и неуклюжий — бросил этот клубок систематических мыслей в художественно узорчатую сеть фрейдовских механизмов. До сих пор еще он у меня перед глазами за столом кружка Фрейда, с вечной сигарой во рту; на диалекте добродушного венского обывателя он то и дело возвращался к своей мысли о «неполноценности органов». Можно было заметить, что он ведет какую-то линию. Он выражался осторожно: наука, мол, еще не так далеко ушла вперед, чтобы... при современном состоянии познания еще нельзя... он, по крайней мере, не может еще решиться... Видимо, он не знал, с какой стороны подступить. В нем происходила борьба. Но борьба не за познание, так как его идея уж тогда была им детально разработана, а за решимость открыто выступить. При характере обоих исследователей это должно было повести к разрыву. Решение порвать с такой крупной личностью, как Фрейд, не дается легко. Ведь во второй раз вряд ли встретишь подобного человека.

По Адлеру, ребенок хочет быть мужчиной, но и женщина хочет быть мужчиной, ибо из всех троих мужчина самый сильный. Но, так как не всякий мужчина — мужчина, то во всех тех случаях, когда мужчина чувствует себя слабым, он хочет превратиться из слабого мужчины в сильного мужчину. Поэтому воля к могуществу у всех слабых существ выявляется одинаковым образом. Адлер дал этому название: «мужской протест», по-моему, довольно неудачно. Неудачно потому, что этот протест не имеет ничего общего с мужским полом и точно так же действителен у женщин и у детей, как и у мужчин.

Адлер сторонник того, чтоб предоставить всем людям по возможности большую свободу действия, с целью избавить их от «мужского протеста». Он, следовательно, за возможно более свободное самовыявление. Кто силен, пусть облекает свою силу в обходительность, чтоб лишить ее жестокости, которая оскорбляет. Это прекраснейшие максимы. Понятно, почему он резко выступил в защиту медицинского образования женщин. Женщины хотят быть мужчинами — пожалуйста. А что они могут быть счастливыми только как женщины и именно, как желанные жены — это Адлер считал филистерским образом мыслей.

Фрейд приложил много стараний, чтобы приобщить блестящую мысль Адлера к своему учению. Он был готов признать наряду с сексуальными влечениями, которые приводят в движение то, что обычно понимают под Фрейдовскими механизмами, еще влечения «я». Влечения «я» должны быть, в сущности, влечениями к агрессивности.

Лично Адлера, которого Фрейд, по-видимому, не без основания, считал честолюбивым, он окружил почетом, что вызвало обиду со стороны других участников кружка, не удовлетворив Адлера. После сумятицы в Нюрнберге он назначил Адлера руководителем венской группы. Однако становилось все яснее, что Альфреда Адлера не только оставляло равнодушным все здание фрейдовского учения с краеугольными камнями: вытеснение, сопротивление и перенесение, что он не только, как с необычной мягкостью выразился Фрейд, «слишком быстро прошел мимо данных психоаналитического опыта», но что он вообще отрицает психоанализ. Из более поздней полемики Фрейда я процитирую следующее превосходное место, которое указывает на всю силу диалектики оскорбленного исполина: «С самого начала Адлер обнаружил полное непонимание вытеснения. Во время одной дискуссии в Вене он заявил: если вы спросите, откуда берет начало вытеснение, то вы получите ответ — от культуры. Но если вы потом снова спросите, откуда берет начало культура, то вам ответят: от вытеснения. Вы видите, таким образом, что дело идет лишь о жонглировании словами. Даже небольшой доли остроумия, которое Адлер обнаружил в своем «Нервном характере», было бы достаточно, чтоб указать ему выход из вышеприведенной хитросплетенной аргументации. За этим кроется только одно: культура зиждется на результатах вытеснения прежних поколений и от каждого нового поколения требуется сохранение этой культуры путем аналогичного вытеснения. Я слышал о ребенке, который счел себя одураченным и начал кричать лишь потому, что на его вопрос: откуда берутся яйца? — он получил ответ: от кур; на следующий же вопрос: а откуда берутся куры? — он получил ответ: из яиц. Разумеется, здесь не было игры словами, и ребенку была сказана правда».

«Столь же жалко и бессодержательно все, что Адлер сказал о сновидении, этом ключе психоаналитиков».

* * *

Так он писал впоследствии. Но до весны 1911 г. Фрейд сделал все, что он мог — даже, может быть, более того, что он мог — чтоб побудить своего самого придирчивого кредитора к рассудительности и терпению. Кредитора, потому что Адлер то и дело спрашивал: «А как обстоит дело с неполноценностью?». Нельзя же было отрицать, что у невротиков, как и у детей, чувство неполноценности всегда играет очень значительную, а подчас и решающую роль. Конфликт между «хотеть» (воля к могуществу) и «мочь» (неполноценность) всегда вполне очевиден. Что же кроется за этим? Адлер утверждает, что здесь мы уже дошли до первичного феномена. Воля к могуществу — это первичный феномен. Фрейд, который был другого мнения, не мог еще тогда удовлетворительно формулировать то, что он впоследствии объединил под именем нарцизма и комплекса кастрации. Он хотел выиграть время. Но Адлер становился все нетерпеливее.

В нескольких местах я отметил, что Фрейд очень редко или, вернее, почти никогда не бывал доволен возникновением самостоятельных мыслей у своих сотрудников. Благодаря этому, личность Фрейда может показаться в ложном свете: ведь банальная формула, что к большим людям нужно подходить с иной меркой, чем к посредственностям, малоудовлетворительна. Своеобразность Фрейдовского проникновения в человеческую психику требует, чтоб его предоставили самому себе. Правда, Фрейд искусный диалектик и может справиться со своими противниками. Но он находит неудобным для себя, если его дорогу начинают освещать факелами, которые зажжены не им, если его начинают торопить или вообще сбивают с принятого им направления. Тогда он обычно начинает строить заградительные сооружения, чтоб заслониться от мешающих ему боковых лучей. При этом он, однако, ясно чувствует, что ему жаль своего времени, что он сам мог бы, когда наступит надлежащий момент, зажечь необходимые ему огни. Под влиянием всего этого, в гениальном мозгу зарождается та раздражительность, которая поразительно часто ведет к отталкиванию от себя личных и научных друзей.

Весной 1911 г. Адлеру предложили изложить, наконец, свои идеи в связной форме. Он был доволен этим, и ему предоставили три вечерних заседания кружка. Адлер с упованием смотрел вперед и рассчитывал, что путем обмена мнений удастся заключить с Фрейдом длительный мир. Он хотел убедить своего учителя. Но вышло иначе. На четвертом заседании началась дискуссия, и адепты Фрейда повели против Адлера

концентрическое наступление. Горячность боя превзошла все, что до сих пор приходилось переживать в кружке, видавшем уже виды. Меня самого при этом не было. Штекель рассказывал мне, что у него получилось впечатление заранее подготовленного обстрела. Перед Фрейдом лежали его записки, перелистывая которые, он с мрачным видом пытался повергнуть своего противника.

Но плачевный финал наступил лишь в пятый вечер. Один из членов кружка, я могу сказать, один из самых незначительных, поднялся и внес предложение поставить Адлеру на вид, что он должен покинуть общество, с главой которого у него полное расхождение. В такой мало достойной форме Фрейд отделался от одного из своих значительнейших учеников. Когда-то он был его любимцем; рядом с Капитолием находится Тарпейская скала. Из психоаналитического кружка вместе с Адлером вышли девять его сторонников. Политическая сторона здесь тоже имела, по-видимому, значение. Адлер и его девять друзей были социал-демократы.

Последствия этого исключения были очень печальны для обеих сторон. Адлер не удовольствовался противопоставлением влечений «я» и сексуальных влечений, он вообще отрицал первичность сексуальности. Он представлял дело так, будто все проявления сексуального влечения при человеческом общении — лишь метафора. Говорят о любви, а подразумевают могущество. Адлер зашел столь далеко, что рассматривал даже половой акт как проявление влечения к овладению. Он предпринимает невозможное — столкнуть Эроса с его трона.

Я видел его за работой. Он почти не дает себе труда превратить бессознательные представления в сознательные с помощью свободных ассоциаций или толкования сновидений. Он знает, что неврозы, как бы разнообразны и многочисленны они ни были, всегда имеют целью неправильным путем возвысить больного над окружающими. Эту мысль он всегда преподносит своим больным. «У вас все это лишь важничание, желание заинтересовать собой». В одном случае, где любовь к матери была настолько очевидной, что даже сам Адлер не мог ее отрицать, он сказал: «Вы только хотите показать, что вы отчаянный парень. Даже к собственной матери вы относитесь без почтения». Когда он однажды лечил девочку-подростка, которая не хотела есть и превратилась в скелет, он сказал мне: «Посмотрите-ка на нее. Как львица сидит она там и крепко цепляется за свою болезнь, чтобы только им-

понировать домашним. Разве не жаль, что попусту растрачивается столько энергии?».

Иронией, добром, злом он пытается сделать больных смешными перед своим собственным разумом. Он говорит: «Приходят тут ко мне люди, которых уже годами лечили психоанализом. Они знают всевозможные вещи: и Эдиповский комплекс, и черта, и дьявола. Но они ничего не знают о том, что не выносят чувства неполноценности, и отсюда их бегство в болезнь вместо борьбы с этой неполноценностью». Когда он однажды был в хорошем расположении духа, он сказал в несколько вульгарном тоне: «Знаете ли, как найти ключ ко всем неврозам? Нужно спросить: кто должен лопнуть? В этом всегда цель невротиков. Все они больны кому-либо назло».

Этот на редкость умный человек пренебрегает почти всем, что создало славу психоанализу; вместо этого он пожинает дешевые лавры среди представителей так называемого здравого смысла, который видит вещи такими, какими их видели всегда, и отказывается от более глубоких познаний, если они противоречат традиционному вчерашнему. Во взглядах Адлера содержится несомненная истина. Но Адлер видит только верхние слои истины и отказывается спуститься с Фрейдом пониже, чтоб открыть там более глубокие слои. Врачи-невропатологи уже задолго до Адлера знали, что истеричные преследуют цель обратить своей болезнью на себя большее внимание. Школьная медицина лечит еще по сей день истеричных просто игнорированием их, чтоб лишить болезнь ее цели. То же самое приблизительно, что Адлер называет чувством неполноценности, Жанэ называет le sentiment d'incompletude. Адлер заимствовал старый взгляд и разработал его весьма оригинально и с большой смелостью в своем «Нервном характере». При этом он устанавливает целый ряд деталей, которые являются результатом его личного творчества. До него на них не обращали внимания. Если бы он не был мономаном, из него, при его качествах, выработался бы значительный ученый.

Каждый аналитик знает случаи, которые долгое время задерживают его на ступени, считающейся Адлером единственным базисом невроза. Каждый анализ — борьба между врачом и пациентом, причем последний не хочет выдать свои симптомы и их корни, так как он боится благодаря этому быть оттиснутым по отношению к врачу на задний план. Очень часто натыкаешься на болезнетворные переживания, вызванные побоями всякого рода, точно так же, как на чувство при-

ниженности, обусловленное более значительным успехом братьев, сестер или школьных товарищей. У меня был пациент, принципиально не принимавший никаких толкований, если они исходили от меня, даже в тех случаях, когда его разуму было очень тяжело отрицать справедливость их. Он выходил из положения так: несколько дней спустя он, будто бы самостоятельно, находил эти толкования (криптомнезия), и я предоставлял ему полную свободу действия. Иногда он сознавался, что для него нет ничего более неприятного, чем признать правильным данное мною толкование сновидения, или какое-нибудь иное разрешение. Тогда его охватывало поистине болезненное чувство собственной неполноценности. Этот пациент страдал тем, что не мог признавать никакой авторитет, делал вид, что все знает лучше, принуждал себя давать отрицательные отзывы о самых выдающихся произведениях искусства, каждого объявлял дураком, и при этом, с другой стороны, не мог отделаться от уничтожающего чувства собственной неполноценности. Вопреки наличию у такого пациента кастрационного комплекса и нарцизма, его было трудно пользовать, по крайней мере в первое время, иначе чем по методу Адлера.

Особенно велики заслуги Адлера после его разрыва с Фрейдом в области воспитания детей. Он учит, что у детей, трудно поддающихся воспитанию, нужно искать чувство неполноценности, от которого они страдают; их следует направлять так, чтобы они получили возможность сверхкомпенсации своей неполноценности. Адлер называет свой метод индивидуальной психологией; главная ее область — педагогика. Любовное проникновение в индивидуальность ребенка оправдывает имя, данное Адлером своему методу.

Существуют люди, полагающие, что Фрейд при желании мог бы сохранить Адлера как крупную рабочую силу для психоанализа. Адлер будто бы лишь оскорбительным consilium abeundi был оттиснут к тому направлению, которое совершенно не понимает сексуальности. Был же он вначале готов примкнуть со своим учением о неполноценности органов к учению Фрейда об эрогенных зонах. Фрейд, как известно, описывает некоторые зоны: слизистую губ, задний проход и проч., которые могут стать источником либидинозных переживаний. Адлер полагал, что они могут стать носителями либидо лишь в случае неполноценности. Это сплетение эрогенного и неполноценного не могло быть прочным. Существуют эрогенные зоны, образующиеся вследствие неполноценности.

Так, нарушение пищеварения (неправильность опорожнения) способствует образованию эрогенной анальной зоны. Но существуют эрогенные зоны, обусловленность которых нельзя доказать неполноценностью, да и вообще нельзя себе представить. Фрейд отмечает, что среди невротиков резко неполноценные составляют далеко не большинство. Как раз красивые женщины, за которыми много ухаживают, подвержены в значительной мере неврозу и «подавляюще большое количество некрасивых, уродливых, убогих, безобразных не реагирует на такие недостатки развитием невроза».

Всегда не легко сказать, что было бы, если бы... Мы можем только видеть то, что имело место. Почему же это произошло именно так, мы в настоящее время не можем обосновать с полной достоверностью. Адлер с самого начала принял решение распространить свое учение о неполноценности на всю область нервного характера, совершенно не считаясь с тем, выдержит ли она такую нагрузку. Учитывая это, можно с большей долей вероятности предположить, что Адлер через несколько лет, даже помимо насильственного переворота Фрейда, причалил бы туда, где мы видим его сегодня: к своей индивидуальной психологии. Последняя, поставив под полный запрет столь опасную, непристойную сексуальность, представляет собой до некоторой степени психологию «для более зрелого юношества». В таком случае мы должны отнестись к героическому жесту, которым Фрейд закончил свои отношения к Адлеру, с тем же уважением, которое мы питаем обычно к смелым и вместе с тем болезненным решениям.

Фрейд покончил с Адлером как раз в тот момент, когда, по его мнению, он был достаточно силен, чтоб направить в привычное русло сексуальности предрасположение невротиков к чувству неполноценности. Уже задолго до этого он заметил, что сексуальное запугивание, в котором воспитывается наше юношество, создает базис для неврозов. Авторитет церкви грозит адскими муками, светский же авторитет достаточно часто грозит детям отрезать половые органы. По отношению к ребятам неистовствуют как дикари, когда дело идет о подавлении онанизма. Под влиянием взглядов Адлера Фрейд направил психоанализ в сторону признания так называемого комплекса кастрации настоящим корнем чувства неполноценности.

К сожалению, прежде чем решиться похоронить и заменить «мужской протест» Адлера другими понятиями, Фрейд с лихорадочной поспешностью возвел временное сооружение, кото-

рое он назвал «влечения я». Постепенно это временное сооружение было снова разрушено Фрейдом. Но после 1911 г. работа, в противоположность классическим трудам более молодого Фрейда, носит отпечаток чего-то незаконченного, неудовлетворяющего, что я ставлю на счет неудобоваримому Адлеру. Что, собственно, знают об «я»? Фрейд большую часть своей жизни чувствовал себя антиметафизиком. Разве он не знал, что как раз в Вене физик Мах выставил тезис, что «я» вообще нельзя спасти. Но как там не смотреть на «я»: почему относить агрессивные влечения к «я», а сексуальные влечения к чему-то другому? Как обстоит дело с моральными влечениями? Вследствие выставления теории влечений «я», Фрейд должен был в течение двенадцати лет вести борьбу с неясностью собственного мышления и с противоречиями, получившимися при этом. С каждым новым изданием вопрос принимал другой вид. И каждый раз становилось ясно, что Фрейд чувствует себя не совсем хорошо в области так называемых влечений «я». Фрейд неоднократно заявлял, что готов отказаться от этой части своей теории, если представится что-либо лучшее (68).

Защитные сооружения, возведенные в спешке против неудобных утверждений, имеют свои опасности. Они закрывают горизонт. Защитное сооружение не примирило Адлера, расширенное всеобъемлющее понятие либидо Юнга было неприемлемо для Фрейда, ибо он полагал, что не может отказаться от своей теории влечений «я». Для практики психоанализа все эти теории не нужны. Штекель в своем труде «Störungen des Trieb — und Affektlebens» показал, что можно прекрасно работать по психоанализу, не заботясь ни о сомнительных влечениях «я», ни о всей теории либидо.

Фрейд знает, что все, называемое в общежитии «я», есть факт опыта. Мы не появляемся на свет с готовым «я». «Я» развивается и до конца дней наших сохраняет свою текучесть. Маленькие дети говорят о себе в третьем лице, и это лицо развивается под влиянием тех наблюдений, которые они делают в окружающей среде. Большой пучок таких наблюдений соединяется в представление собственного «я», и именно тогда, когда ребенку удается полюбить (нарцизм) это фантастическое построение, которое возводится в психике из данных внешней среды. В своей книге «Сексуальный голод» («Die sexuelle Not», 1909) я писал следующее: «Когда я был еще маленьким мальчиком, я проснулся однажды утром с ярко выраженным сознанием, что я — «я», что, хотя у меня наружный

вид как и у других детей, но все же я резко отличаюсь от них и неизмеримо важнее их. Я встал против зеркала, внимательно осмотрел себя и окликнул много раз подряд свое отображение моим именем. Этим я, очевидно, преследовал цель перекинуть мост от отображения во внешней среде к себе, чтоб по этому мосту проникнуть в свое непостижимое «я». Не знаю, целовал ли я свое отображение, но я видел, что другие дети целуют свое изображение. Они отдают дань своему «я» тем, что любят его...».

Если «я» — конструкция, нереальное построение фантазии, то, с другой стороны, наши влечения в такой мере реальность, что кроме них вообще нет реальности, действительности: лишь они одни «действуют». Как бы дело ни обстояло с «я», влечения играют им, как ничтожеством, как старый бог солнцем, луной и звездами. Поэтому выдвигание влечений «я» и подразделение влечений по их принадлежности к столь непрочному образованию ошибочно. То обстоятельство, что оно де облегчает работу, не может служить оправданием. Психологической причиной этой ошибки был Альфред Адлер, а кумиром — философская беспечность. Фрейд без околичностей признается в этой беспечности.

«Конечно, представления в роде либидо «я», энергия влечений «я» и т. д. не особенно легко поддаются пониманию и недостаточно содержательны...».

«Эти идеи не представляют фундамента науки (sc. психоанализа), на котором все покоится, таким базисом является одно лишь наблюдение. Они не самые нижние, а самые верхние этажи всей постройки, и без вреда для последней могут быть снесены и заменены другими» (69).

Эти слова Фрейда удовлетворят не каждого.

XI

КОМПЛЕКС КАСТРАЦИИ

Кастрация очень часто применяется в животноводстве; благодаря этому она не забывается в народе. Вообще же европейцам редко когда приходится иметь дело с оскоплением. Кто, впрочем, был участником отступления объединенных турецко-немецких войск в Сирии в 1918 г., тот знает, что арабы кастрировали своих пленных врагов. Менее злобные ограничивались мужеложеством. В обоих случаях целью было унижение пленного лишением его атрибутов мужественности. С тех пор как Геродот жил в Передней Азии, нравы в этом отношении там почти не изменились. Но никто не подозревает, какую огромную роль и посейчас еще играет кастрация в цивилизованных умах там, где человечество сохранило во мраке бессознательного свою изначальную дикость и первобытность.

Я не раз видел невротиков, которые воспринимали с особой готовностью слово кастрация, после того как я употреблял его, и которые придавали затем своим сообщениям приблизительно следующую форму: «Моя мать кастрировала меня уже в ранней юности. Но кто особенно кастрировал меня — это мой дед со стороны матери...». Или они рассказывали о любовнице, у которой они себя плохо чувствовали, словами: «Вчера Мици кастрировала меня». Посторонний, которому неизвестно расширенное Фрейдом понятие кастрации, присутствуя при таких разговорах, счел бы себя среди сумасшедших.

Все сводится как будто к устрашающему переживанию периода детства: угрозе отрезать половой член. Это переживание, благодаря связанному с ним ужасу, вытеснено из сознания, но на нем сосредоточивается все, что Адлер назвал неполноценностью и протестом против нее. Ортодоксальная школа Фрейда в неустанной работе последних лет построила но-

вую теорию всех извращений и неврозов на понятии боязни кастрации (Эдиповский комплекс + кастрация). Следовательно, можно было бы думать, что угроза кастрации — обычный прием авторитетных для ребенка воспитателей и имеет решающее значение для будущих невротиков. Девочки сводят, якобы, свою телесную и социальную неполноценность на отсутствие penis'a, который они замечали у мужчин. Мальчики же, видевшие женский половой орган, начинают, будто бы, бояться, что они могут сделаться девочками и что угроза может осуществиться. «Зависть к penis'y у девочки и страх за penis у мальчика являются базисом для невроза, или — принимая во внимание, что Эдиповский мотив как центральный комплекс не был отменен — кастрация и есть то страшное наказание, которое Эдип претерпевает за свое преступление. Ослепление в трагедии заменяет собой кастрацию. Невротик только по видимости чувствует себя неполноценным, на самом же деле он чувствует себя кастрированным.

Сколь странной ни кажется эта теория, наблюдателю-аналитику приходится встречаться с многочисленными фактами, подкрепляющими ее. Никогда не следует забывать, что Фрейд пришел к этим результатам не как спекулятивный мыслитель, а как наблюдатель. Правда, к этому присоединяются толкование и обобщение. Режущих косы нужно, по-видимому, считать людьми, перемещающими свои влечения снизу наверх. У меня был больной, который постоянно грозил старшему брату выстричь ему во время сна на голове тонзуру. Это ясно обозначало, что он хотел его сделать монахом, или, если угодно, кастрировать его. Брат, сам невротик, казалось, предчувствовал нечто подобное. Каждый раз угроза младшего брата приводила его в безумное бешенство, и он кричал: «Если ты это сделаешь, я задушу тебя».

Я видел психического больного (dementia paranoides), который подвергся операции слепой кишки (удаление червеобразного отростка). Он стал затем слышать голоса, которые говорили ему, что воспаления слепой кишки на самом деле не было, и что его хотят лишь уговорить в этом. Его старший брат устроил де так, чтоб его усыпили и кастрировали. На самом деле этот юный отпрыск аристократического рода фактом существования старшего брата был лишен майората: кастрирован. Если знать, что психические больные открывают целый ряд мыслей, которые имеются и у психически здоровых, но дремлют в глубинах их бессознательного, то и этот случай можно подвести под Фрейдовскую точку зрения.

Столетиями в соборе Петра в Риме пел хор кастратов. Это были голоса, мужественность которых была принесена в жертву богу. Целибат католических священников относится туда же и представляет собой варварский обычай. Обрезание евреев, магометан и многочисленных других народностей является ослабленным жертвоприношением мужественности, чтоб умилостивить злых духов. Таким образом, кастрация и ее отпрыски отбрасывают свою тень и на эпоху нашей цивилизации. Признание обрезания гигиенической мерой есть не что иное как попытка вторичной рационализации акта, вызванного боязнью злых духов.

Фрейд полагает, что антисемитизм имеет свои бессознательные корни в обычае обрезания у евреев. Бессознательное смешивает обрезание с кастрацией и на этом основании презирает евреев. Оно считает евреев жестокими. Люди, которые подвергают кастрации своих собственных детей, способны на всякое кровавое деяние (ритуальное убийство). Оно (бессознательное) презирает евреев, потому что они кастрированы, и одновременно боится их, потому что они кастрируют.

Это утверждение Фрейда поражает своей смелостью. На основании своего материала я не могу ни подтвердить, ни отрицать его. Правда, среди моих пациентов был один гомосексуалист (ариец), который с раннего детства фантазировал об огромном penis'е без крайней плоти. Это могло быть символом кастрированного отца. Этот пациент страдал навязчивыми идеями и мучительным чувством собственной неполноценности.

Штекель считает объяснение, даваемое Фрейдом болезненному чувству ненависти к евреям, неверным. Он полагает, что здесь руководят другие бессознательные мотивы.

Юнг однажды указал, что американец ненавидит и презирает негра, потому что он в чернокожем, с сильно развитым половым влечением, видит свою черную душу (черноту своей души), перемещенную изнутри во вне. Приблизительно так же чувствует себя ариец по отношению к евреям.

Кто хочет подробнее познакомиться с комплексом кастрации, может прочесть об этом соответствующую главу у И. Задгера (J. Sadger) (70) или Штерке (Stärke). Там он найдет рядом с поразительными фактами многое, что заставит его качать головой. Конечно, одним качанием головой далеко не уйдешь. Фрейд сделал много открытий, которые сначала казались странными, и все же впоследствии все увидели то, что сперва видел один лишь Фрейд. Весь вопрос в том, можно ли найти

комплекс кастрации в бессознательном при беспристрастном психоанализе. Так как кастрация часто применяется на низших ступенях цивилизации, нет ничего удивительного, что отражения ее часто встречаются у невротиков. Я не осмеливаюсь окончательно решать на основании моего материала вопрос, бывает ли он всегда налицо и принадлежит ли он, подобно эдиповскому мотиву, к механизму невроза, другими словами — составляет ли он неотъемлемую принадлежность психосексуального инфантилизма. Еще в 1914 г. Фрейд учил, что кастрационный комплекс встречается не в каждом случае невроза (71). Штекель, с большим умением проработавший весьма значительный материал, отрицает центральное значение кастрационного комплекса.

Мы неоднократно находили, что дети с рано проснувшимся половым влечением завидовали огромному penis'у своего отца и в аффективной ревности фантазировали о том, чтоб кастрировать отца. Это совпадает с Дарвиновской первобытной ордой и ее толкованием по Фрейду. Дети хотят уничтожить отца, который заслоняет им путь. Они вступают тогда в моральный конфликт со своей совестью и присуждают себя самих — по господствующему в бессознательной психической жизни закону: возмездие равным за равное — к наказанию кастрацией.

Следовательно, Штекель далеко не отрицает комплекса кастрации. Он только не видит в нем приложимый ко всем случаям принцип.

Фрейд под своим комплексом кастрации понимает как раз то же самое, что Адлер называет мужским протестом. По Адлеру, каждый из нас хочет покорить другого. Если ему это не удается, он как бы покоряет самого себя и чувствует себя неполноценным. Для Адлера, следовательно, чувство кастрированности, где оно вообще существует, есть лишь символ поражения в борьбе за власть. По Фрейду, за такой борьбой скрывается стремление кастрировать другого. Маленький Эдип хочет кастрировать своего отца, чтобы занять его место подле матери. Вслед затем он хочет кастрировать своих братьев, чтоб среди одних только евнухов сделаться единственным владельцем и использователем гарема. В конце концов, он хочет кастрировать весь мир, чтобы стать единственным властителем в царстве любви. Так как индивидуум не в силах привести в исполнение подобные желания, так как последние вообще не могут существовать наряду с моралью и совестью, то желания эти вытесняются, маленький человек кастрирует

самого себя за свои желания, и весь комплекс оказывает свое влияние из области бессознательного в форме символов: стремление к власти, цинизм и его противоположность сверхмораль, приниженность, sentiment d'incomplétude. Взгляды Фрейда и Адлера находятся в полном противоречии друг с другом. Для Фрейда воля к могуществу — лишь символ воли к кастрированию. По Адлеру, воля к могуществу — первичный феномен; кастрация же, как и все сексуальное, — лишь форма проявления или символ первичной воли.

Все как будто говорит здесь за теорию Адлера, объяснение же Фрейда страдает натянутостью. Но почтение перед столь часто оправдывавшейся гениальной прозорливостью Фрейда должно заставить каждого призадуматься, прежде чем вынести окончательное суждение. Между небом и землей есть много такого, что даже и не снится нашей школьной мудрости. Один из больных Задгера сказал: «Смерть — это вершина кастрации, я не могу это иначе выразить». Эта темная фраза, звучащая почти насмешкой, наталкивает на следующие соображения: кто умирает — теряет свое «я». Но зародышевая плазма остается жить в его детях. Кого кастрируют, тот сохраняет короткую жизнь своему «я», но носящая в себе бессмертие зародышевая плазма погибает. Кастрированный умирает вечной смертью, убитый же — лишь временной. К тому же кастрация — единственная форма смерти, которую изживают, потому что ее переживают. Пациент Задгера должен был бы в сущности сказать наоборот: кастрация — вершина смерти. Существенна в смерти гибель зародышевой плазмы. Отсюда становится понятным, почему Фрейд еще в своем последнем труде (1923 г.) сводит все виды страха к страху кастрации. Страх кастрации — это трансцедентный страх смерти. Правда, на нашей ступени цивилизации, нам едва ли может случиться пережить когда-либо явный страх кастрации. В то время как смерть угрожает нам в тысячах видов, об угрозе кастрации в реальности нашей жизни едва ли даже приходится говорить. По крайней мере, в жизни взрослых.

У дикарей дело может обстоять иначе. Кастрация должна была быть изобретенной на пути от человекоподобной обезьяны через homo primigenius к культурному человеку. Животные не кастрируют друг друга. Этот утонченный метод, оставляющий врагу жизнь и вместе с тем более чем умерщвляющий его, изобретен первобытным человеком. Первобытные люди, как петухи и оленьи самцы, вели между собой борьбу за обладание самкой. Первый, кто во время борьбы

вырвал или откусил своему противнику половые органы, изобрел кастрацию. Впоследствии, вероятно, было установлено, что кастрированный выходит, как соперник в борьбе за обладание самкой, из строя, но что именно поэтому он делается весьма пригодным, чтобы быть рабом. Стало более выгодным превратить побежденного врага в евнуха, чем убивать его.

Страх перед кастрацией существовал, может быть, тысячелетиями у предков культурного человека: он был очень интенсивен и поддерживался реальными основаниями. В невротике мы имеем явление регресса. То, что школа Фрейда предлагает для обоснования кастрационного комплекса, слишком скудно, в нем слишком мало общих переживаний, чтобы служить базисом для символики малоценности во всей ее широте. Это чувствует и Фрейд, когда он привлекает филогенезис, т. е. закон наследственности, к истории человечества. До 1910 г. в области теорий Фрейда было очень мало или, вернее, совсем не было речи о филогенезисе. Когда он стал в более широких размерах применяться учениками Фрейда, в особенности Юнгом, Фрейд недвусмысленно выразил свое неудовольствие. Он справедливо указал, что сперва нужно покончить с обследованием всех личных переживаний и приобретений и уж потом только отважиться в область туманов, обволакивающих естественным образом все понятие о филогенезисе. Но комплекс кастрации нельзя вообще спасти без привлечения в широком масштабе филогенезиса. Мужественность находит свой центральный пункт и свое выражение в penis'е. На противоположном полюсе она заключает в себе, вероятно, как наследие древнейших времен, страх перед кастрацией, а также стремление кастрировать своего противника.

Такие соображения повсюду сопровождаются допущениями: «может быть», «весьма вероятно». Нет ни малейшего сомнения, что для того, чтоб излечить больного путем психоанализа, в большинстве случаев нет никакой нужды в кастрационном комплексе. Этот комплекс, если его, вообще, можно найти, таится обычно в таких глубинах, что пациент или выздоравливает, или прекращает лечение еще до того, как натолкнешься на него. Вопрос, таким образом, становится чисто теоретическим, и его можно обсуждать заодно с другими вопросами: почему все должно сводиться к сексуальности? Здесь мы добрались до знаменитой «односторонности» Фрейда и поддаемся искушению подойти к этому вопросу с принципиальной стороны.

* * *

Когда Фрейда раньше спрашивали, почему он приписывает сексуальным причинам столь исключительное значение для возникновения неврозов и как он объясняет свое столь странное утверждение, он обычно отвечал, что он вообще не объясняет его. Он постоянно наталкивается на сексуальные причины и просто описывает то, что он находит, как и всякий другой натуралист. Он не философ, который должен ломать себе голову над вопросом, почему какое-либо явление в природе таково, как оно есть. Но он и его учение односторонни, а сама природа такова, и он явился на свет лишь для того, чтобы открыть и описать это. В конце концов, для Фрейда все же сделалась неизбежной работа над изучением представлений ожидания. Он интуитивно понял, что Эрос, скрывающийся за всем живущим, имеет особенное значение для человека и его психической жизни.

И в самом деле, человек отличается от животных огромным развитием своего либидо. Человека обычно характеризуют вертикальным положением его тела при ходьбе, употреблением руки или речью, но еще лучше можно было бы охарактеризовать его сильным либидо. У животных их либидо связано, обычно, с кратковременным периодом течки. Человек любит беспрерывно. Он отделил любовь от закона размножения, та́к как он любит гораздо более, чем это требуется в целях обеспечения размножения, даже более того — чем это идет впрок размножению. Уже у животных влечение к размножению ведет к созданию искусства, например: постройка гнезд, пение, даже образование государств. Относительно некоторых характерных особенностей человека доказано, что они обусловлены любовью. Человеческий голос произошел от пения, человеческое одеяние от украшений, которыми обвешивали себя жаждующие любви самцы, чтобы понравиться самкам. Примером раннего развития искусства могут служить удивительнейшие рисунки и картины в красках, которые были найдены в первобытных пещерах южной Франции. Эти рисунки отличаются изумительным совершенством и точностью передачи. И это в то время, когда человек не мог еще сделать топора.

Эти находки подтверждают, что становление человека нужно отнести к эпохе, отличающейся особой пышностью природы, т. е. к последнему периоду третичной эпохи, когда поверхность средней Европы, впоследствии скрытую под ледниками, покрывали еще тропические леса, изобиловавшие слонами. Искусство, как и любовь, произрастает лучше всего

там, где имеются налицо благоденствие и даже роскошь. И в исторические времена расцвет в особенности изобразительных искусств был связан каждый раз с богатыми эпохами и народами.

Все живущее растет. Когда оно достигает границы своего роста, оно выходит из своих пределов, т. е. продолжает размножаться. Когда оно достигло границ размножения, которые у высших животных довольно узки, тогда ему хочется расти еще дальше. Но так как материальная возможность роста уже исчерпана, оно растет духовно, причем все, что первоначально служило для привлечения самки — красота, пение, ловкость и сила — становится самоцелью. Нечто подобное можно уже заметить у кенаря, который сидит в клетке и поет. Так как он не может достигнуть своей цели — канарейки, он поет еще прекраснее и неутомимее. Пение превращается в самоцель, в искусство, в утешение; любовное томление отделилось от недосягаемой самки, и пение озарилось всем блеском либидо.

То, что является побудительной причиной для певчей птицы в клетке, принуждает и человека к бесчисленным проявлениям своего искусства и культуры. Много лет назад я пытался объяснить в подробном изложении, как примитивная культура человека в третичном периоде возникла из любви и богатства природы (72). Ледниковый период отчасти уничтожил, а отчасти преобразил эту культуру любви, так что теперь у нее вид мнимого детища нужды. Но, по крайней мере, в человеческом искусстве ясно выражено, по моему мнению, что оно обязано своим происхождением любовному томлению, что последнее — тот резервуар, из которого черпает как художник, так и тот, кто наслаждается произведениями искусства.

Еще ближе либидо к религии и ее ритуалу. Так как религия признается даже некоторыми атеистами чем-то высоким, а половое влечение чем-то низменным (божественное и животное в человеке), люди легко становятся запальчивыми, когда им пытаются указать на тесную связь между либидо и религией. Один вполне интеллигентный в других отношениях психиатр совершенно серьезно уверял, что выражения в роде «невеста Христа» или «сладчайший жених Христос» не имеют ничего общего с сексуальностью и были избраны только потому, что в языке не было более прекрасных слов для выражения возвышенного чувства. Точно так же средневековый синедрион уговорили, что «Песнь песней» Соломона с ее восхвалением прекрасного тела девушки есть лишь иносказание.

Подразумевается, мол, не женщина, а священный град Иерусалим. Только путем такого маленького обмана удалось сохранить от уничтожения эту скабрезную библейскую поэму.

С тех пор как были описаны садизм и мазохизм, труден иной подход, кроме сексуального, к самобичеванию монахов и монахинь, кострам и пыткам инквизиции. С другой стороны, не подлежит сомнению и религиозный экстаз инквизиторов, иезуитов и кающихся. Поэтому я не могу понять, как можно и дальше отрицать близкую связь между религией и сексуальностью. Но вытеснение и упорное сопротивление бессознательного могущественны в их борьбе с истиной.

Более отдалены от сексуальности обычные занятия человека. Но даже и здесь она проявляется повсюду. Собственность насквозь пропитана сексуальностью. Состояние и быть в состоянии (потентность) не случайно выражаются одним словом. Мы производим с женщиной — ребенка и всякими путями — собственность. Собственность любят как жену и ребенка, собственность остается после нас, как и наши дети. Женщина была первым предметом, годным сделаться собственностью. Раз нужно было отбить и защитить ее от соперника, она сделалась первым имуществом, еще задолго до того, как появилось какое-либо иное имущество. В наше время имущество оценивается золотом. Бессознательное же относится с таким сильным пренебрежением к этой желтой субстанции, что в сновидениях оно очень часто уподобляет его калу, как в легендах золото сатаны превращается дома в навоз. Значение денег и собственности для нашего внутреннего «я» также выясняется в сновидениях. Деньги, как правило, означают не что иное как любовь. «Он мне должен деньги» в сновидении означает: «Он любит меня недостаточно». Соотношение между деньгами и любовью, фальсификация любви деньгами существует ведь и в жизни.

Нужно быть упорным лицемером, чтобы не замечать, что пьяница гладит свою бутылку с теми же нежными чувствами, с какими влюбленный — свою возлюбленную. Ростовщик перебирает свое золото, как какой-нибудь Ромео волосы своей возлюбленной. Словом: самое важное, единственно серьезное дело на белом свете — это любовь. Мы прекрасно знаем это. Все остальное, что бы мы ни предпринимали, доставляет нам радость, если мы его сексуализируем; в противном случае оно выполняется по принуждению и сопровождается более или менее ясным протестом (принцип удовольствия против принципа реальности). Все народы вспоминают о рае, в котором

они могли жить исключительно ради удовольствия. Этот рай был утерян для человечества благодаря ледниковому периоду. Не надо забывать, что голод, которому все подвластно, не существовал для человека третичного периода и явился на свет лишь позднее.

Каждый из нас переживает райское время. Младенец живет только для своих наслаждений, пока не наступит для него трудное время воспитания. Мы все родились в Аркадии. Если толчки жизни становятся слишком чувствительными, мы припадаем к кладезю воспоминаний и впадаем в детство. Многочисленны и запутанны картины нервности; но для всех общее — бегство в детство. От денег, от тщеславия, от коварства, от всех разочарований невротики бегут обратно туда, где не было денег, не было налоговых инспекторов, не было торговых кризисов. Детский возраст не знает никаких других конфликтов, кроме связанных с нежностью и властвованием над ближайшими окружающими. Поэтому невротик переводит все свои переживания в аффективную речь ребенка. Деньги — любовь или кал. Каждая живая помеха (начальник, конкуренты всякого рода) становится отцом, который оспаривал у нас место рядом с матерью. И вся жизнь, которую нужно завоевать, становится матерью. У крестьянина это чувствуется особенно ярко. Его мать — земля, благосклонности которой он домогается. Мы предпочитаем быть детьми. Дома мы только в раю. Мы рождены для любви, но, к сожалению, кастрированы жизнью... Таков комплекс кастрации.

XII

К. Г. ЮНГ

Так как с 1910 г. я больше не состою в кружке Фрейда, то и не могу дать исчерпывающее объяснение «политике» психоанализа. Мне говорили, что Юнг косился на обоих наиболее известных учеников Фрейда — Адлера и Штекеля, и что Фрейд пожертвовал обоими учениками для швейцарца Юнга. Я скорее склоняюсь к мысли, что внезапное удаление Адлера сделалось необходимым вследствие опасности, как бы швейцарцам не понравилась более асексуальная теория Адлера, чем теория Фрейда, которая для простоватых швейцарцев-реформистов с самого начала была слишком «неприлична». Фрейд обращался со своими учениками как с детьми, угощая их пряниками и плетками и держа их вдали от плохого общества. Может быть, швейцарцы не должны были видеть, что на место либидо кто-то выдвинул иной момент, объяснявший просто «нервный характер» и не затрагивавший половой сферы. Почему кто-либо становится педерастом? Для того, чтобы «лопнули от досады» женщины. Почему жена лежит парализованная в кровати? Чтобы «лопнул от досады» муж... Швейцарцев необходимо было предохранить от заразы.

И все швейцарцы доставили Фрейду наибольшее разочарование. Впервые я увидел Юнга в Зальцбурге, и он не понравился мне. Высокая плечистая фигура, круглая, коротко остриженная голова, бритый, в золотых очках. Я много раз замечал, что Фрейд предпочитает круглоголовых. Но он ни к кому не относится так, как к Юнгу, которого он засыпал в таком количестве своими мыслями, что Юнг сможет творить за их счет до конца дней своих.

Фрейд вскоре заметил свойство Юнга «не переносить чужого авторитета», поэтому он поступился даже своими венскими верными сотрудниками, как будто можно было подкупить эгоиста уступчивостью и обратить на путь дружбы. Дол-

жен сказать, что уже в 1910 г. я видел двусмысленное поведение швейцарской группы и сказал после Нюрнбергского конгресса: «Фрейд плохого мнения о нас, венцах. Какого плохого мнения он был бы о швейцарцах, если бы знал их так же хорошо, как нас!».

Третий конгресс собрался в сентябре 1911 г. в Веймаре. Председательствовал Юнг. Говорят, что конгресс прошел с большим оживлением. Адлера на нем уже не было. Зато Фрейд, по-видимому, в связи со своим великолепным анализом паранойи президента сената Шребера, говорил о солнце и об орле[1]), единственном существе, могущем смотреть прямо на солнце. Штекель имел большой успех, когда он напомнил присутствовавшим, что Фрейд оставил дома орла, который осмелился посмотреть прямо на солнце.

Через два года (1913) собрались в Мюнхене. Юнг председательствовал снова и в последний раз. Участники жестоко передрались между собой. Вторая часть книги Юнга «Wandlunqen und Symbole der Libido» (73) появилась в свет, и сотрудник Юнга Мэдер (74) прочел доклад о сновидениях, в котором должна была выявиться давно уже разработанная точка зрения: в сновидении изживаются не только звериные черты человека, но и «божественные». Комплекс Эдипа и все сексуальные открытия психоанализа нереальны, они не то, чем они кажутся, а только символы. Можно себе представить, как плохо должен был чувствовать себя Фрейд в этом обществе. Не успел он отсечь гидре одну голову, которая называлась Альфред Адлер, как мигом выросли две новые. Он разгневался и заявил на конгрессе в Мюнхене, что работы и аргументы швейцарцев он «не может считать законным продолжением психоанализа». Несмотря на это, Юнг снова был выбран тремя пятыми присутствовавших председателем международного объединения еще на два года. С тех пор школы Вены и Цюриха работают раздельно, все более и более удаляются друг от друга, и венцы отрицают за цюрихцами право называть себя аналитиками.

Вскоре после этого Фрейд потерял и Штекеля.

В феврале 1914 г. он в следующих гордых словах говорил о своей школе: «Люди сильны, пока они являются представителями сильной идеи; они становятся бессильными, когда они противодействуют ей. Психоанализ перенесет эту утрату и вместо этих сторонников приобретет других. Я могу

---

[1]) Игра слов: орел по-немецки: Adler (адлер). (Прим. перев.).

только закончить пожеланием, чтобы судьба даровала приятное путешествие ввысь всем тем, которым не по себе от пребывания в подземном царстве психоанализа. Да будет дозволено другим без помехи довести свою работу в глубинах до конца».

Из классического и почти веселого характера этих фраз, составляющих заключение длинного полемического доклада, нельзя видеть, сколько горечи и — несмотря на приобретший широкую известность крепкий сон — печальных ночей обманутого в своих надеждах учителя скрываются за ними. Боюсь сказать, что проклятие, посланное вдогонку изгнанникам разгневанным львом, уже осуществилось, по крайней мере, отчасти.

В начале своей психоаналитической деятельности Юнг написал ряд работ, показывающих, что он еще всецело находится в фарватере Фрейда. Фрейд дарил идею, а Юнг с удивительной ловкостью разрабатывал ее. Но наконец наступил, по-видимому, момент, когда этот высокомерный дух спросил себя: «Что я — приспешник его? Зачем мне прозябать в его тени?». Движения раскола, вроде описанных здесь, вводят нас вглубь трагедии проблемы об Иуде (дифференциация из страха перед полнейшей идентификацией). В своей области Фрейд был непобедим. По его собственному скромному признанию, он за пятнадцать лет настолько ушел вперед, что его нельзя уже догнать. Он умалчивает, что его мышление совершенно своеобразно и что, пока он жив, едва ли кто-нибудь может сравниться с ним. И вот честолюбивые ученики в заботе о своей собственной личности смотрят по сторонам, не осталось ли где клочка необследованной учителем территории. Так, Адлер нашел «мужской протест», а Юнг «генетическое» понимание теории либидо. В дальнейшем обнаружится, что понимание Юнга не лишено эвристического и философского значения. Но Фрейд, твердо держа в руке вожжи своей колесницы, не имел желания свернуть с дороги, на которую вступил уже двадцать лет тому назад. Великолепная уверенность, с которой он держался за свои убеждения, предназначала его в классики, если бы его злой дух бессознательного не сделал его романтиком.

Адлер сказал, что человеком движет воля к могуществу. Сексуальность (либидо) есть лишь частичное проявление этой воли. Напротив, Юнг со своей стороны выставляет утверждение, что сексуальность (либидо) сперва была всем, и что часть этой первичной силы была десексуализирована в

процессе человеческой культуры и теперь противопоставляет себя остатку сексуальности, как нечто иное, враждебное. Оба исследователя, стало быть, в известном смысле монисты. Их утверждения только по видимости противоположны. На самом деле оба они приходят к тому, что Шопенгауэр задолго до них назвал волей.

Свою новую точку зрения Юнг изложил в обширном труде: между выпуском в свет первой и второй части этого труда протекло около полутора лет. Труд является произведением значительного ученого, который обнаружил глубокую эрудицию в литературе и мифологии всех времен и стран. Изложение утомляет беспрестанными цитатами, прерывающими течение мыслей. Содержание цитат часто столь значительно, что оно не вмещается в рамках работы. В первой части Юнг еще всецело в фарватере Фрейда. Но во второй части либидо трактуется вышеописанным образом генетически и десексуализируется. Уже до того Юнг удачно разработал мысль, выраженную Фрейдом еще в первом издании его «Толкования сновидений»: бессознательное, а следовательно, сновидение и невротик в своих фантазиях опускаются на старую, оставленную ступень мышления. Швейцарцы назвали эту ступень мышления архаической; усердным трудом, в котором принимала участие вся школа, они выяснили, что психически больные и невротики до деталей повторяют мифы, космогонии и примитивные научные представления древних и древнейших народов. Швейцарцы применяют это открытие в своей психотерапии. Они все время ловят пациентов на таких архаических фантазиях и останавливаются на этом. Правда, я не могу понять, как можно помочь больному указанием: «Видите, сейчас вы повторяете миф о божестве ацтеков Вицли-Пуцли». Пациент, вероятно, будет очень поражен аналогией, будет немного смущен, что его мысль протекает по таким давно заброшенным путям, но какой для него толк, если — как правильно замечает Ференч — одно неизвестное, а именно его собственное свихнувшееся «я» разъясняется ему при помощи другого неизвестного, которое называется Вицли-Пуцли?

От разработки архаического швейцарцы переходят к разработке кальвинизма: они проповедуют. Весьма двусмысленно воззрение Юнга на религию. Если я его правильно понимаю, существует два рода религий. Одна — представляет собой лишь перевод эротических влечений в религиозное действо. Эта религия низка и презренна. «Бессознательному трансформированию эротики в религиозность приходится сделать

упрек в сентиментальности и не имеющей этической ценности позе».

Кроме этой «не имеющей этической ценности» религии, Юнг знает еще другую: «религиозное проникновение, захватывающее всю личность».

«Кто... своему осознанному греху столь же сознательно противопоставляет религию, тот совершает нечто, в чем, принимая во внимание историю, нельзя не признать элемента величия».

Трудно поверить, что автор этой фразы имел счастье в течение почти полных пяти лет поддерживать самый живой обмен мыслей с Фрейдом. Получается впечатление, будто это писал человек, не имеющий понятия о динамике бессознательного. О психологии здесь — как справедливо замечает Ференч в своей критике — нет более речи. Это заявление — чистейшая теология.

Юнг спросил себя, какая сила принудила первичную сексуальность частично десексуализироваться, так что части либидо человека, оставшейся сейчас сексуальной, противостоит другая часть либидо (называемая Фрейдом — влечениями «я»), в которой никто до Юнга не признал потомка первичного сексуального либидо. Он полагает: «Немыслимо, чтобы при этом дело шло о каком-либо внешнем сопротивлении, о каком-либо настоящем препятствии». Поэтому, — делает вывод Юнг, — в человеческой психике должно находиться внутреннее препятствие, которое и противодействует сексуальности; «божественное», так сказать, противостоит животному. На основании обоих этих тезисов: во-первых, внешнее сопротивление немыслимо, во-вторых, внутри нас существует первичная нравственность; Юнг мог на всех парусах переплыть от зловредного психоанализа к добродетельному швейцарскому психоанализу, от учения Фрейда, которому предназначено очистить мир от молоха сексуального лицемерия, к христианству и к старушке-нравственности; последняя, несомненно, создала кое-что хорошее и возвышенное, но подпирать ее аскетическую мораль совсем не входит в задачи психоанализа и Зигмунда Фрейда.

Юнг прав, когда он утверждает, что культурное человечество было вынуждено христианством сублимировать значительную часть сексуальности. Уже сам культ есть отчасти сублимация, однако, трудно провести границу, где кончается сублимация и где начинается истерия. Но и максима, что работа есть благословение, что на свете нет ничего более при-

ятного, чем работа, что неустанной работой можно заслужить рай и не только там, откуда не возвращается ни один путник, но и здесь в нашей юдоли печали, — все это дар христианства. Само уже христианство было даром нужды и точно так же, как и буддизм, зародилось среди нищего народа. Когда античный мир принял христианство, это произошло потому, что он обеднел. Чувственность и жизнерадостность всегда погибают, когда мир делается слишком бедным, чтобы наслаждаться ими. Они вновь возрождаются (ренессанс), когда мир снова становится богатым (открытие Америки и морского пути в Индию, уничтожение магометанской конкуренции монголами). К сожалению, сверхчувствительные аргументы христианства получили неожиданную поддержку в сифилисе, занесенном Колумбом из Америки; и с той поры он обретается в нашей крови в буквальном смысле этого слова.

Я хочу, следовательно, сказать, что та внешняя сила, которая «немыслима» для Юнга, очень ясно просвечивает сквозь христианство, и ее знает каждый: нас кастрировала нужда. Первая большая кастрация была произведена ледниковым периодом. Психоанализ вскрыл, что мы внутренне никогда не перестаем протестовать против этой кастрации. Протест, несмотря на то, что мы его не всегда сознаем, абсолютно реален, и непонятно, как может человек, когда-то занимавшийся психоанализом, утверждать, что выражение бессознательной сексуальности имеет лишь символическое значение. Нет ничего более реального, чем Эдиповский комплекс. Мне нужно только минуту подумать, и я могу привести десятки случаев, в которых эта реальность столь же ясно выступает, как и всякая другая осязательная реальность.

Я вспоминаю — чтобы привести лишь несколько примеров из моей практики последних недель — одного мужчину, прибывшего в санаторию из-за границы вместе со своей матерью. Матери было шестьдесят, мужчине — тридцать пять. Он был женат, отец двух детей, сельский хозяин.

«Где ваша жена?».

«Она действует мне на нервы. Когда я болен — слабость, бессонница, ипохондрия — тогда мне с матерью лучше».

Этот человек рассказал во время сеансов психоанализа, что он всегда был маменьким сынком и охотно бывал в обществе стареющих женщин. Он вспомнил о старой прачке, которая имела обыкновение после работы мыть себе на дворе ноги. При этом она поднимала подол до колен. Эта сцена произвела на пациента, которому тогда было пятнадцать лет,

сильное впечатление. Он мог часами стоять, притаившись у окна, чтоб подсмотреть процедуру омовения старухой своих ног. Если ему это удавалось, возбуждение было столь велико, что он онанировал.

Тот же пациент рассказывал, что он был отправлен в университет, в столицу. У его квартирной хозяйки была хорошенькая племянница, которая относилась к нему явно благосклонно. Но он не взял ее, потому что он, по его словам, не хотел делать несчастной молодую девушку (рационализация его относительно импотентности). Однако, так как игра в любовь возбуждала его, он сходился с квартирной хозяйкой, пожилой женщиной, бывшей уже по ту сторону климактерического периода.

Я не знаю, интересны ли подобные истории аналитикам, так как им чуть ли не ежедневно приходится слышать аналогичные. Но цюрихская школа отрицает реальность Эдиповского комплекса, и поэтому я продолжаю.

Меланхолический молодой человек рассказал мне, что он, когда ему было семь лет, ночами раздумывал над тем, как ему поступить, чтобы заставить свою мать, которая собиралась вторично выйти замуж, отказаться от ее намерения. В конце концов, он собрался написать ей из приюта, где он тогда находился, чтоб она удовольствовалась резиновой соской, которую он подобрал в какой-то детской. Найдутся люди, которые признают такого ребенка испорченным до мозга костей. Я же думаю, что исход, найденный этим маленьким Эдипом, трогателен. Этот же человек за всю свою жизнь был лишь один раз вполне потентным, а именно с матерью своей невесты. Когда эта пожилая женщина умерла от внезапного заболевания, молодой человек разошелся и со своей невестой, которая потеряла для него цену. С тех пор он подавлен, неработоспособен, избегает женщин.

Третий случай: молодой, двадцатишестилетний кузнец живет общим хозяйством со своей матерью и отчимом, за которого мать вышла замуж пять лет тому назад. Каждый вечер между обоими мужчинами идет перебранка. И все же пациенту кажется немыслимым оставить общий дом. Он вспоминает, что до двенадцати лет спал со своей матерью в одной кровати. Однажды мать заметила у мальчика эрекцию и изрекла в высшей степени остроумно: «Этого не должно быть. Стыдись!».

Я мог бы здесь привести еще примеры к другой части Эдиповского комплекса: агрессивности по отношению к отцу.

Так как полный Эдиповский комплекс проявляется в четырех формах и в комбинациях из всех четырех форм, то я предпочитаю отказаться от дальнейших примеров. Существуют аналитики, которые, подобно Штекелю, не считают комплекс Эдипа как раз центральным пунктом невроза, но не может быть психоаналитика, который сомневался бы в реальности этого комплекса. Чтобы найти объяснение, как могли усомниться в нем швейцарцы (священник Пфистер, оставшийся верным учению Фрейда, составляет исключение), придется и в данном случае прибегнуть к психоаналитическому методу Даже самая очевидная истина вытесняется, если она неприятна. Швейцарскому филистеру Эдиповский комплекс казался драконом. Ввиду того, что Кальвин и Фрейд не могут одновременно уместиться в сердце, швейцарцы, естественно, остановились на своем национальном герое.

Руссо также является своего рода национальным героем для швейцарцев. В вышедшей в 1918 г. книге Юнг сожалеет, что житель больших городов и промышленный пролетариат потеряли связь с землей, которая сообщает ежедневно крестьянину новые силы и новую нравственность. Это тоже своего рода мистика, будто крестьянин нравственнее горожанина. Мы что-то не слышали, чтоб основоположники религиозных и этических учений были крестьянами. С другой стороны, крестьянин часто коварен, мстителен, скуп, склонен к торгашеству, сутяжничеству и самоуправству; даже преступления сексуального характера случаются в деревне сравнительно чаще, чем в городе. Нужно читать Золя (Фрейд о Золя говорит, что он был в XIX столетии лучшим знатоком неврозов), чтобы видеть истинное лицо крестьянина («La terre»). Крестьянин — политически отсталый элемент, и дворянство, прекрасно произрастающее на почве отсталости, никогда не переставало хвалить за это крестьянство. Для верующих всегда что-нибудь должно быть святыней. Но слишком уж глупо сперва объявлять труд священным, а затем устанавливать различные градации, как будто бы труд крестьянина более священен, чем труд каждого честного пролетария в городе.

Позднее Юнг издал еще обширный труд, который он назвал «Типологией» (Typenlehre). Он дает в нем указания своим последователям, как разделить своих больных по различным типам, чтобы после непродолжительного анализа наставить их на путь истины, т. е. на ту дорогу, которая, смотря по типу, легчайшим образом поведет его ввысь. Это лечение, не довольствующееся освобождением больного путем психоанализа от

его бессознательных комплексов, а дающее еще ему с собой в дорогу ряд добрых советов, швейцарцы называют психосинтезом. Если уж и без того анализ столь сложного явления, как человеческая психика, феноменология которого еще так мало разработана, представляет весьма трудную задачу, то уж очевидно, что при попытке синтеза широко открываются двери для всякого произвола. Один считает христианство высоким достижением человеческой культуры, другой считает его вредным. Один проповедует обязательное возвращение к сельской жизни, другой ждет прогресса человечества от преодоления отсталой обработки почвы, благодаря подъему техники. Вероятно, психоанализу всегда будут делать упрек, что он недостаточно глубоко проникает в структуру психики. Но если психоанализ применяется правильно, т. е. по возможности без представлений ожидания, то он может обнаружить только то, что действительно заложено в психике. Это не всегда выигрыш для хорошего самочувствия человека, но здесь всегда кроется доля истины, сохраняющая свою объективную ценность. Врачу часто приходится быть для своего пациента не только аналитиком, но и воспитателем, как признал Фрейд в своем докладе (на пятом психоаналитическом конгрессе в Будапеште, в сентябре 1918 г.). Но ставить такое воспитание под гордым именем психосинтеза на одну доску с психоанализом или даже считать его еще выше — опасное начинание. Психоанализ — наука, а так называемый синтез может легко свестить к шарлатанству. Так как психоанализ — трудное занятие, а шарлатанство — легкое, то всегда будет больше шарлатанов, чем психоаналитиков. Фрейд бросает упрек швейцарцам, что они лишь слегка «поскоблят» бессознательное анализом, а затем обдают бедного больного потоком нравоучений. В настоящее время по Европе снует очень много индийских пророков. Существуют школы мудрости, богобоязненности и исправительные. Одной из этих школ заведует Юнг. Правда, она не из худших, так как он сам умный и очень ученый человек. Его лечение продолжается долго (от одного до двух лет), и он обязывает своих больных повторно являться к нему через определенные промежутки. Я полагаю, что ортодоксальная школа Фрейда права, отвергая синтетический психоанализ, как курьезный термин, являющийся contradictio in adjecto, так и само понятие, которое должно покрываться этим названием.

Для самого Фрейда анализ представляется настолько важным и является в такой же мере единственной целью, что, по

его неоднократному заявлению, врачебный успех для его интересов, как основателя психоанализа и человека, открывшего глубины бессознательного, отступает на второй план. Как ни важно для больного его излечение, ради достижения которого он мучается и приносит материальные жертвы, научная оценка врачебного успеха невозможна. Все врачи, и в особенности неврологи, слишком хорошо знают, что успех еще ничего не доказывает. Неустойчивый фактор внушения, который мы в психоанализе называем перенесением, имеет здесь обычно решающее значение. Анализ, в поисках за забытыми переживаниями больного, как раз следует правилу сделать перенесение недействительным, путем беспрерывного вскрывания его (75). Поэтому еще совсем недавно (76) Фрейд высказался, что в психоанализе необходимо противостоять искушению играть перед пациентом роль пророка, душеспасителя, святого. Анализ не должен «делать болезненные реакции невозможными, он должен создать свободу для «я» больного, выбирать то или иное».

Я считаю такое черствое, даже жестокое применение психоанализа мыслимым лишь теоретически. Практика заставляет психоаналитика искать успеха, так как иначе он попадает под колеса жизни. Если он знает, где кончается наука, и где начинается фокусничанье, без которого врачебное искусство, как бы то ни было, существовать не может, этого уже достаточно.

В то время как Фрейд предоставил критику швейцарских новшеств своим ученикам, Штекель, хотя уже опальный, также принимал в этом участие (77), сам он в том же месяце, когда порвал в Мюнхене с Юнгом и швейцарцами, написал заключение для своей книги «Тотем и табу» (78), отдельные главы которой были уже закончены раньше. Это было в сентябре 1913 г. в Риме, куда удалился этот поклонник римского величия — не знаю: до или после бури в Мюнхене. Фрейд был ранен Юнгом в нескольких местах, наиболее чувствительно там, где отрицалась реальность Эдиповского комплекса. В «Тотем и табу» он гениально отомстил на научной почве своему отпавшему ученику. Фрейд последовал за Юнгом в близкую последнему область психологии народов и там разбил его наголову. В 1910 г. появился четырехтомный труд английского этнолога J. S. Frazer'a (79), на который, по счастливой случайности, столь часто приходящей своевременно на помощь значительным людям, было обращено внимание Фрейда. В этом и в других источниках Фрейд нашел обильный материал

для объяснения примитивной религии и примитивного общества наглядной реальностью Эдиповского комплекса. Юнг искал свой материал в древнейших и труднопонимаемых сагах, Фрейд же — у тихоокеанских первобытных народов, жизнь и обычаи которых можно наблюдать еще сегодня. Боязнь инцеста у дикарей совершенно ясна, и примитивные социальные установления полны запрещений, направленных против инцеста. Зачем же нужны были бы такие запрещения, если бы сильное влечение не толкало на инцест, который, вследствие своей антисоциальности, был вытеснен дикарями?

Книга Фрейда «Тотем и табу» приобрела друзей далеко за пределами тех кругов, которым вообще приходились по вкусу «механизмы Фрейда». Здесь были показаны архаические явления, которые не нужно было искать в архивной пыли, но которые можно было на деле наблюдать в психике дикарей и невротиков. Со времени своей «Психопатологии обыденной жизни» Фрейд ни разу не пользовался таким бесспорным успехом. Его собственное удовлетворение своей работой обнаруживается лучше всего тем фактом, что появившееся в свет через семь лет второе издание он оставил без всяких изменений.

В этой книге мы впервые встречаем упоминание о Дарвиновской первобытной орде и ее дальнейшем развитии по Фрейду. Дети, которым надоедает тирания отца, восстают против него и убивают его. Фрейд находит естественным, что дети каннибалов к тому еще съедали убитого. Штекель уверяет, что Фрейд страдает комплексом первобытной орды. Он чувствует страх перед своими учениками. Я должен сказать, что учитель в эпизодах с Адлером и Юнгом имел некоторое основание к этому.

Так как швейцарцы отрицали реальность сексуальных проявлений бессознательного, то с ними нечего было делать. Они удалились от неуязвимой истины и остались неправыми. Если бы они ограничились тем, что оттенили нравственные тенденции бессознательного, названные Зильберером анагогичными (anagoqisch), их работа повела бы к прочному обогащению психоанализа. Род упрямства — иначе нельзя это назвать — заставил Фрейда не признавать почти в течение десяти лет и эту часть работ швейцарской школы. Границу между собой и швейцарцами он придвинул слишком близко к своим первоначальным воззрениям, согласно которым человек инстинктов есть асоциальный эгоист. Должны были пройти не только десять лет исследования, но и десять лет успо-

коения по поводу раскола со швейцарцами, чтобы Фрейд решился признать «анагогичное». За это время, как говорит сам Фрейд, «психоанализу бесчисленное количество раз бросали упрек, что он не касается высокого морального, сверхличного в человеке». Фрейд находит этот упрек несправедливым. Я полагаю, что он справедлив, хотя я понимаю и Фрейда, который явился на свет не для того, чтобы давать пищу проповедникам морали. В своем последнем труде Фрейд отказался от своей позиции, которую больше нельзя было отстаивать. Человек уже так долго живет в обществе, что необходимость удовлетворять также и требованиям общества сделалась у него инстинктом, этот инстинкт исходит из «оно», если употребить причудливое выражение Гроддека (Groddeck). Превратившись путем упражнения и наследования в течение тысячелетий в категорический императив, «культурные обертоны» залегают глубоко в психическом. Половое влечение сохраняет род, а поэтому оно по рангу выше интеллекта индивидуума. Но и требования общества стоят выше, чем единичный интеллект, так как человек хочет не только жить, но и жить в обществе. Без общества он вообще немыслим. Он имеет инстинкты не только как сексуальный человек, но и как культурный человек.

Может быть, придется предположить, что нравственные инстинкты (совесть, идеал-«я», «сверх-я») занимают в бессознательном более поверхностный слой — если уж абсолютно необходимо делить на слои — но они существуют. Существуют глубоко религиозные люди, которые даже не знают этого, которые в жизни играют роль глубоко неверующих и погибают от своей бессознательной религиозности.

Бессознательная религиозность относится к самым скрытым комплексам. Больной с бо́льшим трудом расстается с ней во время психоанализа, чем с самыми страшными тайнами, с бо́льшим трудом, чем с преступными и извращенными влечениями. Получается впечатление, будто он от признания в религиозности чувствует себя особенно униженным (80). В процессе анализа положительные культурные влечения выявляются, как правило, позже, чем отрицательные. Поэтому-то Фрейд так поздно и узнал их. Он претендует на право считаться осторожным и объективным исследователем. Швейцарцы подошли к бессознательному с культивированным в них предвзятым мнением, будто оно должно заключать в себе нравственность. Так как это предвзятое мнение оказалось

правильным, они натолкнулись на культурные инстинкты раньше самого Фрейда.

По правде, и Фрейд также не был совершенно свободен от предвзятого мнения. Он работал в ожидании, что в бессознательном сидит животное и больше ничего. В противном случае он уже гораздо раньше нашел бы в бессознательном «сверх-я». Когда швейцарцы, отвергнув почти все достижения психоанализа, откололись от него, Фрейд не был в настроении принимать от отщепенцев какие-либо оплодотворяющие идеи. Лишь теперь он собирается наверстать упущенное. Таким образом, мы снова видим, что идеи других скорее вредят, чем приносят пользу этому выдающемуся мыслителю. Он может прийти к этим идеям лишь длинным обходным путем и криптомнестически.

Штекелю это дается легче. Прошло около десяти лет с тех пор, как он был впервые высмеян в «Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse», потому что он описал невроз Христа.

Всеобъемлющий закон биполярности заставляет нас на той же ступени бессознательного, где мы встречаем нравственные инстинкты, постулировать и их противоположность: преступные влечения. Трудно решить, сводятся ли целиком эти преступные инстинкты, встречающиеся бесконечно часто, к лежащим на еще более низкой ступени половым вожделениям (81). Во всяком случае и преступность человека безусловно порождается влечением; она, в сущности, такой же анархический протест, как желание беспрепятственно изжить половое влечение.

XIII

НАРЦИЗМ

Когда Юнг собирался в работе, испортившей впоследствии его отношения с Фрейдом, распространить понятие либидо далеко за пределы сексуального, он был того мнения, что и сам Фрейд в одной работе, опубликованной в 1911 г., вышел за рамки понятия либидо, установленного им в его работе 1905 г. («Drei Abhandlungen»). Фрейд, при посредстве своего друга Ференча, категорическим образом отрицал это. Горячность отповеди Ференча, за которой через год последовала такая же отповедь самого Фрейда, тем более удивительна, что венгерский психоаналитик в пылу своей полемики не мог не упомянуть, что и он сам уже до Юнга хотел обобщить понятие либидо. Но Фрейд уже тогда категорически воспротивился этому и Ференч laudabiliter se subjecit. Да и я сам в довольно длинной фантастической работе выводил возникновение культуры из понятия либидо, которое я для моих целей не должен был даже десексуализировать (82). Я оставался в области сексуального и только внешне получался вид, будто дело идет о чем-либо ином. Я того мнения, что введенный Юнгом и мною монизм в понимании человеческих влечений не вытекает из какой-либо работы Фрейда позднейшего происхождения. Он должен быть выведен с полной уверенностью уже из формулировок Фрейда, относящихся к периоду 1905 г. Так как Фрейд сейчас с этим приблизительно согласился, то его разногласие с Юнгом и Ференчем должно было лишь означать: «Оставьте меня в покое, я уже сам придам более широкий смысл либидо, когда придет время».

Но время пришло уже и в 1905 г. Если либидо обладает способностью сублимироваться, т. е. если оно может быть отделено от сексуального объекта с тем, чтоб исполнять новые работы, начиная от коллекционирования марок и кончая девятой симфонией Бетховена, то нельзя постигнуть, какой же

вид деятельности человеческого мозга может протекать без либидо. Две вещи были достоверны: во-первых, либидо — подвижная энергия; во-вторых, все, что предпринимают культурные люди, даже если оно, по-видимому, не имеет ничего общего с половой жизнью, связано как-то с либидо. «Без допущения существования подвижной энергии мы вообще не можем ничего сделать»,—говорил Фрейд в 1923 г.; я уже в 1907 и 1908 гг. опубликовал статьи, в которых говорил о передвижении аффекта, что, по моему мнению, было одним из важнейших открытий Фрейда.

Фрейд же, указавший нам, эпигонам, такие пути, сам десятилетиями в разногласии с нами все еще держался того взгляда, что имеются еще иные влечения, равноценные либидо, влечения, которые выполняют различные акты культурного характера. Такие акты совершались, правда, с большей страстностью, как бы иллюминировались, если к ним примешивался элемент либидо, но либидо само по себе не в состоянии объяснить все человеческие мысли и стремления. Так, Фрейд твердо придерживался своего дуалистического взгляда и высмеивал «генетическую» теорию либидо Юнга. Тогда у него еще не было метафизического уклона. «Невозможно, — говорил он, — совершенно отрицать, что половые влечения и инстинкт голода имеют общий корень где-либо далеко, далеко позади в истории первобытного человечества». Но такое утверждение не имеет большого значения. Для иллюстрации своей мысли он пользуется шутливым сравнением: «Оно (это утверждение) ссылается на вещи, которые уже столь далеко ушли от проблем нашего наблюдения и в которых содержание знания так мало, что было бы одинаково праздным занятием как отвергать это утверждение, так и принимать его. Может быть, эта первичная идентичность имеет столь же мало общего с нашими аналитическими интересами, сколь мало общего имеет первобытное родство всех человеческих рас с тем доказательством родства по отношению к завещателю, которое требуется властями...».

Так Фрейд гнал от ступеней своего трона аналитиков, которые искали мировоззрения. Либидо можно было найти повсюду. Даже характер человека, если следовать учениям Фрейда, формируется по эрогенным зонам. Триада — чистоплотность, скупость, педантичность — принадлежит к анальной зоне, а честолюбие к уретральной эротике. Кроме того, существует, однако, еще другая сила, про которую Фрейд не мог сказать многим больше того, что она существует. Он даже

не знал, единичная ли это сила, или связка сил. Но каждый раз, когда ему делали упрек в односторонности — ибо он повсюду видит сексуальность — он мог возразить: «Разве я не отолкнул от себя моего любимого ученика, потому что он односторонне хотел все свести к либидо? Я хорошо знаю, что имеются еще влечения-«я».

В своих последних работах (1920—1923) Фрейд сам, не без смущения, признает за божеством Эросом всеобъемлющее значение. Влечения-«я» проваливаются в люк под сцену, где им давно уж надлежало бы находиться. С точки зрения теории познания, они, как я уже указывал выше, всегда были неприемлемы. Для практического психоанализа они не нужны. Фрейд прав: на той ступени, где мы, как врачи, пользуем пациентов, гносеологические вопросы не имеют решающего значения. И все же как раз на этой ступени всплыли факты, которые сделали излишним допущение влечений-«я». Эти факты объединены Фрейдом и его школой под именем «нарцизм». Несомненно, существует мало психоаналитиков, которые ныне не знали бы, что фикция «я» есть создание нарцизма.

Термин «нарцизм» введен Гевелок Эллисом (Havelock Ellis). Понятие нарцизм, по собственным данным Фрейда, возникло впервые в мыслях психоаналитика Абрагама (Abraham). Я, конечно, не хочу лишать этого заслуженного ученого (прежде он жил в Цюрихе, а последние 15 лет — в Берлине) того, что принадлежит ему по праву. Но Фрейд криптомнестичен не только в отношении того, что он считает своим достоянием, но по меньшей мере в такой же степени и относительно того, что он приписывает своим ученикам, между тем как это его личные мысли. Нарцизм — мысль такого большого формата, наблюдение столь отражающее особенности Фрейдовского подхода, что потомству будет трудно отделить возникновение этого понятия от личности Фрейда.

Во всяком случае, это понятие прежде всего изучалось не на неврозах, составляющих обычный материал Фрейда, но на некоторых психических заболеваниях, отличающихся от неврозов тем, что больные почти совершенно теряют интерес к окружающему миру. Такой материал был предложен Цюрихской критикой. С психически больными трудно вступить в контакт, ибо они не проявляют интереса к окружающему миру. Они «интровертированы». Пример из жизни психически здоровых может объяснить такое поведение. Психически здоровые ведут себя часто, как видящие сны; они тоже всецело ушли в самих себя, но их можно разбудить. Психически же боль-

ного нельзя оторвать от его сновидений. И влюбленный во многих отношениях ведет себя как психически больной. У него лишь один интерес, который он безмерно переоценивает, все остальное для него мертво. Дальнейшим примером может служить ипохондрик. У него нет другого интереса, кроме его больной печени или другого органа, на который он направляет свою ипохондрию.

Собственно говоря, эти примеры освобождают нас от необходимости давать объяснение понятию нарцизм. Где пребывает любовное желание влюбленного? У его возлюбленной. Где оно пребывает у психически больного, который более не интересуется объектами окружающей среды? Оно вернулось к его собственной персоне. Фрейд говорит: «Либидо сосредоточилось на собственном «я». Но так как «я» совсем не существует, то лучше сказать: «я» создается нарцизмом, который возвышает и принижает его, смотря по количеству либидо, остающегося для этого прозрачного объекта, объекта, состоящего, собственно, из комплекса восприятий, возведенного при посредстве либидо в понятие «я».

Никакой человек и никакое «я» немыслимы без нарцизма. Нарцизм был открыт на таких крайностях, как психическая болезнь, сильная влюбленность и ипохондрия. Последняя, когда она достигает очень сильных степеней, является, собственно, также психической болезнью. Но каждый человек влюблен в самого себя. В своем либидо он обладает подвижной энергией, с помощью которой он совершает величайшие культурные деяния. Эта энергия в первую голову направляется на свое собственное тело, включая сюда и деятельность собственной психики. Человек обычно очень высоко ставит свою возлюбленную и под влиянием страсти переоценивает ее, однако за редкими исключениями, также относящимися уже к области психических заболеваний, он себя самого переоценивает столь чрезвычайно, с таким упорством и убежденностью, с какими не переоценивает никакого иного сексуального объекта. В бреде величия ясно обнаруживается эта самопереоценка. Но все мы страдаем бредом величия и только стыдимся друг друга. Нужно лишь немножко «поскоблить душу» анализом — и нарцизм выходит наружу. Так как все биполярно, то переоценке всего соответствует, как противоположный полюс, некоторая недооценка, некоторое чувство неполноценности, относящееся также к нарцизму.

Введя понятие нарцизм, школа Фрейда прорубила новое окно, через которое может проникать свет в темные глубины

психики. Так как теория нарцизма создана сравнительно поздно, то все результаты психоанализа должны были быть снова пересмотрены и под углом этой новой точки зрения предстали в ином виде. Влечения-«я» были неудачным защитным сооружением против Альфреда Адлера. Нарцизм был вполне удавшимся опровержением теории швейцарцев, сексуализированием заново богини любви, десексуализированной швейцарской школой.

Фрейд всегда учил, что невроз и его симптомы отражают собственно сексуальную жизнь больного. Каждый невротик извлекает из внешней среды некоторую часть своего либидо и изживает его в себе самом. Ипохондрик, на границе между неврозом и психическим заболеванием, фиксирует либидо на том месте своего собственного тела, которое он считает больным. Он относится к больному органу как к эрогенной зоне; последний превратился для ипохондрика как бы в половой орган. Так получают объяснение та абсолютная серьезность и то непреодолимое упорство, которое характеризуют отношение ипохондрика к своим преувеличенным представлениям. Там, где дело идет о любви, все попытки повлиять на человека аргументами разума оказываются тщетными. Ипохондрик — близкий родственник механхолику и как вообще каждый нарцисс — печален. Разве можно найти удовлетворение в любви к своей собственной особе? Прообраз нарцисса — юноша из греческого мифа, печально любовавшийся своим отражением в источнике.

Печаль является наиболее обоснованной, когда кто-либо теряет любимого человека. Его либидо всецело освобождается вопреки его воле и должно искать другие объекты, на которых оно могло бы фиксироваться. Печаль длится до тех пор, пока не будет найден другой такой объект. Я знал человека, у которого смерть унесла любимую жену. Почти непосредственно после похорон этот человек завел себе автомобиль и мчался на нем как бешеный по всей стране. Ввиду того, что его сопровождали всегда веселые женщины, люди возмущались им. Но годом позже его обуяла столь глубокая печаль, что те же люди считали ее чрезмерной. Этот человек в первом году пытался убежать от своей печали и насильно перенести свое освободившееся либидо на другие объекты. И только после того, как это не удалось ему, он осознал свою печаль. Дальшейшая судьба его либидо пока неизвестна.

Разницу между печалью и меланхолией Фрейд объяснял тем, что опечаленный человек стремится перенести освобо-

дившуюся любовь на другие объекты, меланхолик же как громом поражается своей утратой; освободившееся либидо, как бы вследствие короткого замыкания, перескакивает с потерянного объекта на свое собственное «я». Здесь чаще идет дело о потерях, причиненных не смертью, а превратностями судьбы. Часто это потери, в которых меланхолик неохотно признается, и мысль о которых он вытеснил даже от самого себя. Его самообвинения, его чувство, что он не может дольше жить, что он потерял себя, по Фрейду, являются исключительно нарцистическими перетолковываниями обвинений против других. Он потерял любимого человека, которого он вселяет в свое «я».

Я пользовал одного очень богатого человека. Он непрестанно жаловался на то, что не может более жить, что он разорен, так как законодательство его страны принудило его поступиться небольшим участком земли. Возражение, что у него осталось еще достаточно земли, к тому еще несколько домов, автомобиль и много много имущества, отскакивало от него без малейшего результата. Этот человек полгода тому назад выдал замуж свою единственную дочь. Она-то и была тем участком земли, которого его лишили. Но не подобает оплакивать счастливый брак своей дочери. Приличия ради должно было пройти некоторое время, пока какой-нибудь повод мог быть использован для рационализации меланхолии.

Действие психоанализа базируется на перенесении, у психических же больных нарцистически обращенное вовнутрь себя либидо не склонно к перенесению на аналитика. Поэтому при некоторых формах слабоумия, меланхолии и контрастирующей с ней мании, при ипохондрии, при бреде преследования, величия, бреде отношения, после непродолжительных аналитических попыток приходится остановиться, по словам Фрейда, как перед непреодолимой каменной стеной. Это отличие от истерии и неврозов навязчивости казалось основоположнику психоанализа столь существенным, что он назвал последние неврозами перенесения и противопоставил им первые как нарцистические неврозы.

О, если бы не существовало подразделений! Правда, крайние случаи нарцизма безнадежны. Но мы все немного нарцистичны, каждый склонен к ипохондрии и, в известной мере, любит многое из окружающего нас относить к себе. Что касается неврозов, то никакой из них немыслим без колебания настроения в сторону повышения или понижения. Так как меланхолия часто излечима психоанализом, благодаря перенесению на врача, то нельзя провести резких границ между нарцисти-

ческими неврозами и неврозами перенесения. Большинство тяжелых психоневрозов сопровождается чувством «конца мира», что произвело на Фрейда (случай президента сената Шребера) чрезвычайно сильное впечатление. Нужно остерегаться принимать слово «конец мира» буквально. Под «концом мира» скрывается то, что уже в действительности пришло к концу. Здесь уместно припомнить остроумное указание Альфреда Адлера, что невротики склонны к «аранжировке» и что их «конец мира» — это фикция, корни которой могут быть разрушены путем перенесения. Правильно замечание Фрейда, что существуют два механизма этого «конца мира»: когда весь запас либидо отливает на объект любви и когда он приливает обратно к «я». И для истинно влюбленных весь остальной мир приходит к концу: один погружается без остатка в другого: антинарцизм.

Противоположность нарцизма, которой мы только кто коснулись на примере влюбленных, — идентификация с другой личностью. Сущность любви — идентификация. «Один сознает себя лишь в другом». Великие поэты всегда так и изображали это чувство. Телесному слиянию воедино во время любовного акта, переходу струи сексуального продукта соответствует тот же психологический процесс. Уже младенец любит тем, что он себя идентифицирует. Он всему подражает, учится путем подражания тем, кого он любит, идентифицирует себя с отцом, матерью, немного со всеми лицами, окружающими его, пока через несколько лет, путем поглощения других, он, в конце концов, не составит себе собственного «я», которое он может любить. И под самый конец он идентифицирует себя с самим собой.

Задолго до возникновения понятия нарцизм в психоанализе существовало понятие автоэротизм. Оно было взято из сексуальной жизни ребенка, который получает свое половое наслаждение исключительно от своего собственного тела, вернее, от всех частей своего тела. Проще всего было бы рассматривать нарцизм как психическое дополнение телесного акта автоэротизма. И в самом деле, в 1914 г. Фрейд составил себе понятие о «первичном запасе либидо «я», от которого впоследствии уделяется объектам». С течением времени внимание Фрейда все чаще останавливалось на том обстоятельстве, что «я», если оно вообще существует, во всяком случае не приносится с собой ребенком при рождении, а сформировывается лишь впоследствии. Он теперь объясняет возникновение «я» совершенно в духе моего изложения, идентифика-

цией. По воззрениям Фрейда 1923 г., либидо переливается сперва вовне, на объекты. С объектов оно затем снова отливает к «я». Этот обратный прилив внутрь либидо, отлившего сперва наружу, Фрейд называет «вторичным нарцизмом» (secundärer Narzismus). Но я не знаю, куда же девался в таком случае первичный нарцизм. По моему мнению, существует лишь один единственный нарцизм, существует лишь одно нарцистическое «я», т. е. одна фикция («als ob»), она проявляется в форме «я» и подводит под нарцистическое либидо доступный пониманию фундамент.

Для кого непонятно это запутанное изложение, тому можно объяснить все дело немного популярнее. Я знавал легкомысленную дамочку, называвшую себя Белла фон М. Каждую ночь она проводила в другой казарме. Это было задолго до войны, которая разрушила австрийский конгломерат народов. После ночи, проведенной в кавалерийских казармах, она на следующее утро говорила с венгерским акцентом гусар. После казарм пехотинцев она говорила на чехо-немецком языке, а от уланов она возвращалась полькой. Она, следовательно, идентифицировала себя регулярно с теми лицами, объектом любви которых она как раз была, и надо опасаться, что, в конце концов, она сделалась типичным примером «множественной личности» (multiple Persönlichkeit). Для нарцизма у нее оставалось очень мало, ее либидо слишком обильно отливало к объектам. Соответственно этому и «я» было не особенно развито, жило всегда однодневным существованием в тени личности последнего любовника, который вечером снова забывался. Но лишь только он забывался, Белла фон М., в которой не было ничего настоящего, до имени включительно, не могла дольше жить. Дело в том, что когда в ком-либо нет нарцизма, то нет и «я», а это ужасно. Поэтому она должна была возможно скорее направиться в ближайшие казармы, чтоб пристроить там свое либидо.

Обычно же девушка этого не делает. У нее есть «я», которое «она любит и имеет основание любить его».

Существует много женщин, которые не имеют «я», и потому у них нет внутренней опоры. Но, с другой стороны, существуют женщины, в которых слишком много «я» в нарцистическом смысле и которые, поэтому, неспособны на истинную любовь. В 1907 г. я описал такой тип под именем «женщина-ребенок» (83). О нарцизме я тогда ничего еще не знал. Женщина-ребенок, по моему объяснению, была женщиной, которая, благодаря преждевременному расцвету своей красоты, слиш-

ком рано делается объектом ухаживаний. Таким образом, красивому ребенку нет времени созреть в женщину, и он остается таким, каким его желают. Женщина-ребенок остается недалекой, детски красивой и детски несдержанной, переходит из рук в руки и должна погибнуть. Половые болезни и туберкулез намечают в ней свою жертву, а мужчины, которые раньше поклонялись ей, называют ее шлюхой, потому что она не сохраняет верности. В моем распоряжении имелось тогда лишь понятие об инфантильном автоэротизме, и я развил из него часть того, что получило впоследствии название нарцизма. Я прочел эту статью перед ее опубликованием Фрейду.

В настоящее время стала доступнее пониманию, чем в 1907 г., и притягательная сила, отличающая женщину-ребенка, и ее своеобразная сексуальность. Я сказал тогда: женщина-ребенок это первобытная женщина. Фрейд в 1914 г. указывал на следующий любовный механизм «типа женщины, наиболее часто встречающегося, вероятно, наиболее чистого и естественного».

«У женщины, в особенности если она одарена красотой, развивается самоудовлетворенность, которая вознаграждает ее за социально урезанную свободу выбора объекта. Такие женщины, строго говоря, любят лишь самих себя, с той же интенсивностью, с какой их любит мужчина. Их потребность не желание любить, но быть любимой, и они идут навстречу мужчине, который исполняет это условие. Значение этого типа женщины для любовной жизни человека очень высоко. Такие женщины имеют для мужчин величайшую привлекательность, не только из эстетических оснований, потому что они обычно наиболее красивы, но и вследствие интересных психологических комбинаций... Но большая привлекательность нарцистической женщины имеет и обратную сторону: значительная часть неудовлетворенности влюбленного мужчины, сомнения в любви женщины, жалобы на загадочность в ее существе — все это имеет свои корни в инконгруэнтности типов подбора».

Здесь Фрейд пришел к той точке зрения, которой в 1907 г. он еще не признавал. Когда я в то время прочел в Психоаналитическом обществе доклад о женщине-ребенке, Фрейд сказал, что необходимо строгое разграничение между этим типом и культурной женщиной. Женщина-ребенок — это абсолютная «тряпка». С того времени я несколько изменил свою точку зрения на женщину-ребенка и именно, благодаря изучению явления нарцизма, сейчас я вижу, что крупная гетера не может

любить никого другого, кроме самой себя. Отсюда ее лозунг: я обладаю, но мною не обладают. Но она все время нуждается в подтверждении ее достоинств: ей нужны красивые платья, украшения, зеркало и много мужчин, которые бы уверяли ее, как мачеху царевны, что она на свете всех милей. Как только прекращаются эти уверения или имеют успех соперницы, гетера чувствует себя очень плохо, потому что она хоть и нарцистична, но ее нарцизм не фиксирован и уплывает с дневной волной. Она должна всегда больше значить и иметь больше, чем другие. Она похожа в своем желании на парня из сказки Гауффа, которому дьявол обещал, что у него всегда будет в кармане вдвое больше, чем у самого богатого парня в деревне. Однажды этот парень выиграл у деревенского креза все его наличные деньги. Когда ощипанный игрок захотел одолжить деньги у обыгравшего его парня, чтоб продолжать игру, оказалось, что у выигравшего не было в кармане ни гроша. По заключенному им с дьяволом условию, он должен был ведь всегда иметь в кармане вдвое больше, чем богач. Раз у последнего ничего не было, то и у него самого тоже ничего не могло быть, так как из ничего, помноженного на два, получается ничего. Так же обстоит дело и у больших львиц с их «я». Оно существует лишь как отраженный свет от их поклонников, от побежденной конкурентки. Это я называю неполноценным нарцизмом.

Так как длительная фиксация на любимом человеке не может иметь места без переливания собственной личности в другую, то и сильная любовь предполагает сильное «я», причем, по моему разумению, понятие «я» и понятие нарцизм всегда представляют одно и то же. То, что в другом любят и чему поклоняются, это собственное «я», от которого отрешаются в пользу другого. Нужно быть высокого мнения о себе самом, чтобы быть горячо и длительно влюбленным в свое собственное «я», которое уже вместило в себя образ любимого человека. Этого не может быть у такой, как Белла фон-М. Женщины-дети не могут образовать «я», а потому не могут и любить.

Еще одного я не нахожу у Фрейда, что мне сделалось ясным при чтении книги Штекеля о гомосексуальности. Большой успех женщин, за которыми много ухаживают и которых много любят, кроется в гомосексуальных влечениях мужчин. Культ проституции в наше время так же гомосексуален, как и в древней Греции. Мужчины любят в гетерах других муж-

чин, они знают, что до них много мужчин лежало в объятиях этой женщины и многие будут еще лежать после них. Так как они гомосексуальны бессознательно, для них не дозволена непосредственная любовь к мужчине; не надо думать, что мужчины, любящие всегда очень красивых женщин, особенно мужественны. Они любят таких женщин, так как знают, что красота притягивает к ним взоры и других мужчин. Мы подходим здесь к мотиву Кандавла[1]) по Геббелю. Он был рассмотрен И. Задгером в его этюде о Геббеле (84), а еще раньше мною (85). Моему перу принадлежит еще роман (86), ядро которого образует мотив Кандавла. Я, правда, писал его еще тогда, когда и сам не имел понятия о бессознательной гомосексуальности моего героя (87).

То, что я здесь говорю о гомосексуальности любителей исключительно самых красивых женщин, настолько прочное достояние нашего знания, что я сейчас же делаю заключение о гомосексуальности, если пациент уверяет меня, обычно с большой гордостью, что он любит и обладает только красивыми женщинами. Я говорю тогда: «Вы хотите, чтоб эти женщины нравились не только вам, но и другому мужчине, в которого вы влюблены, может быть, не зная этого».

Обычно, путем анализа удается обнаружить, что такой мужчина существует в действительности, и для пациента большой выигрыш, когда на скрытую гомосексуальность падет сноп света его сознания. Ибо нельзя вести борьбу с тем, что скрыто.

Задгер первым выступил против гомосексуальности с оружием психоанализа — в то время как Фрейд и по настоящее время не совсем оставил мнение, что она зависит от конституции (Штейнах), — точно так же он был первым, распознавшим, что нарцизм имеет крупное значение в структуре гомосексуальности. Нарцисс в своих поисках объекта любви застревает там, где объект имеет с ним наибольшее сходство, а это, естественно, скорее всего будет человек одного с ним пола, обладающий теми же половыми органами, как и влюбленный в себя нарцисс. Психологическая структура гомосексуальности, правда, весьма запутанны. Существуют гомосек-

[1]) Мифический царь Лидии. Погиб от руки своего телохранителя по наущению жены, которая мстила мужу за то, что он дал тому же телохранителю возможность видеть ее нагой. (Прим. перев.).

суалисты, не имеющие возможности оторваться от матери, на которой они фиксированы, иначе как путем индентификации себя с ней. Они чувствуют себя тогда женщинами и ищут для дополнения мужчину. Об этом механизме Фрейд упоминает в 1921 г. (88). Приоритета в таких мелочах при современном положении психоанализа не может быть. Тысячи работников за работой, и открытия часто бывают одновременны и сделаны общими усилиями.

Я лечил мужчину, жаловавшегося на своеобразный запах, исходивший из его половых частей и бывающий только у женщин. Этот запах исчезает лишь тогда, когда у него просыпается желание вступить в сношение с женщиной. Но это бывает редко. Позже он рассказал, что такой запах притягивал его еще с раннего детства. Во время анализа мы установили, что этим странным симптомом, который в действительности совсем не существовал, или которого я, по крайней мере, не мог обнаружить, он символизировал свою идентификацию с одной женщиной. Запах с тех пор исчез навсегда.

Следовательно, идентификация имеет две формы: или объект поглощается, и тогда нарцисс готов; или же «я» переливается в другого, и любовь к «я» (нарцизм) должна следовать за «я», как его тень. Но теперь уже известно, по-моему, что «я» — скорей тень нарцизма.

Весьма убедительно то, что Фрейд говорит о любви к собственному ребенку. Эта любовь — нарцизм. В то время, как мы не позволяем себе слишком любить самого себя, при любви к детям мы отказываемся от всяких ограничений. Ребенок ведь это часть нас. И все же мы имеем право любить его без опасения быть обвиненными в эгоизме. Но если родители слишком нежны к детям, их высмеивают, так как чувствуют, в чем здесь дело.

Существует склонность отменять по отношению к ребенку все те культурные приобретения, которые мы отвоевали у нарцизма, и для него возобновлять все давно уже утраченные привилегии. Ребенку должно быть лучше, чем его родителям, он не должен подчиняться тем законам необходимости, власть которых в жизни мы должны были, как известно, признать... His Majesty the baby, какими мы когда-то казались самим себе. Он должен быть выполнителем неосуществившихся мечтаний родителей, должен сделаться большим человеком и героем вместо отца, или выйти замуж за принца в виде позднего воз-

мещения для матерей. Самый щекотливый пункт нарцистической системы — безжалостно теснимое реальностью бессмертие «я» — нашел себе надежное пристанище в лице ребенка. Трогательная и в основе своей столь детская любовь родителей — не что иное, как возрожденный нарцизм родителей, который даже в своем преображении в любовь к объекту все же явно обнаруживает свою старую сущность (89).

XIV

ВИЛЬГЕЛЬМ ШТЕКЕЛЬ

В промежутке между конгрессом в Веймаре и конгрессом в Мюнхене произошел разрыв со Штекелем. Фрейд неоднократно в своей жизни резко порывал со своими друзьями. В начале этого столетия так случилось с Брейером и Флиссом; около 1912 г. (Фрейду было 56 лет, т. е. 7×8) такая же участь постигла Адлера, Штекеля, Кагане и Юнга.

В то время как причиной разрыва с Адлером и Юнгом могут считаться непримиримые научные противоречия, разрыв со Штекелем был обусловлен преимущественно личными причинами. Правда, имелись и научные противоречия, однако не принципиального характера, и психоанализ, несомненно, не потерпел бы никакого ущерба, если бы оба ученых продолжали обмениваться мыслями. В своих произведениях Фрейд дает подробный отчет о причинах разрыва с Адлером и Юнгом. Насчет Штекеля мы находим лишь замечание, что к разрыву с ним Фрейда побудило «его поведение, о котором неудобно публично распространяться». Этот оборот речи производит впечатление чрезвычайной враждебности именно своей сдержанностью. Можно действительно подумать, будто Штекель в одну из сред унес после заседания серебряные ложечки от кофейного сервиза. Впечатление еще большей враждебности производит тот абзац, где Фрейд говорит об «имевшем столько заслуг вначале, а в дальнейшем совершенно опустившемся Штекеле». Когда Штекеля цитирует сам Фрейд или кто-либо из его более близких учеников (что они стараются делать возможно реже или, правильнее, еще реже, чем возможно), они никогда не упускают случая высказать свое сожаление по поводу того, что им приходится произнести имя этого человека, преданного анафеме.

Я лично многим обязан и весьма признателен Штекелю за его доброе отношение ко мне в течение всех тех пяти лет,

когда внешние, а быть может, и внутренние причины препятствовали мне внести сколько-нибудь значительный вклад в область психоанализа. Поэтому я считаю себя пристрастным и не призванным выносить свое суждение о том, кто прав и кто виноват в деле Штекеля. Но все же я позволю себе сказать, как оно мне представляется.

Я не буду здесь говорить о заслугах Штекеля как пропагандиста идей Фрейда во всех немецких газетах. Теперь он больше не сотрудничает в ежедневной прессе. Сперва он принадлежал к числу тех, кого открытия Фрейда повергли в безграничное изумление. Никому не было чуждо это изумление. Те, кто, подобно Жанэ, объявили открытия Фрейда шуткой дурного тона, в глубине души испытывали такое же изумление, как и апостолы Фрейда. У тех и других есть общее в отсутствии критики, благодаря которому все признается или все отвергается. Апостолы так и не могли прийти в себя от изумления. Штекель, однако, пришел в себя и освободился до известной степени от гипноза, исходившего от могучей личности Фрейда. Это определило его судьбу.

Если я скажу, что Штекель занял критическую позицию в отношении некоторых утверждений Фрейда, то в этом лишь часть его судьбы, и часть менее важная. Существенной же кажется мне у Штекеля уверенность, с какой он продвигается по путям, проложенным Фрейдом. Умение уверенно и без остатка овладеть научным достоянием другого возбудило недоброжелательство в остальных учениках и, в конце концов, в самом учителе, который первым робко вступил в темную пещеру и осветил ее факелом своих исследований. Штекель твердо убежден в правильности того, что принято им из учения Фрейда; поэтому в своем дальнейшем строительстве он ни на минуту не задерживается на вопросах и самокритике, которые касались бы основных положений и техники. Его отношение к Фрейду приблизительно таково, как эпохи Рубенса к эпохе Микель-Анжело. Последний постоянно ставил перед собой проблему укорочения человеческого тела в перспективе. У Рубенса овладение всеми возможными видами укорочения превратилось в само собой разумеющуюся предпосылку живописи; у него нет более борьбы за разрешение проблем рисунка; это иногда производит впечатление самонадеянности и раздражает.

Один из врагов Штекеля охарактеризовал его однажды как человека, у которого в жилетном кармане сидит демон. Действительно, демоны сновидения так хорошо знакомы ему,

что он бесстрашно вступает с ними в борьбу. Фрейду пришлось много потрудиться, чтобы доказать, что сновидение вообще имеет скрытый смысл; миссия Фрейда заключалась в защите открытого им языка сновидений против целого сонма отрицающих это открытие врагов. Миссия Штекеля иная. С теми, кто отрицает полную осмысленность сновидения, он вообще не вступает в разговоры. Он плывет в своей лодке по подземному озеру. В области толкования сновидений им был сделан целый ряд открытий, из-за которых он был поднят на смех даже учениками Фрейда, пока, наконец, не убедились, что он, невзирая на насмешки бездарностей, сделал центром толкования сновидений разработанную им символику сновидений — ту область, в отношении которой Фрейдом даны были лишь намеки; он был первым, понявшим символику смерти в сновидении (90). Только в 1922 г. Фрейд (91), не без уверений, что это не доставляет ему удовольствия, признал символику смерти, предложенную Штекелем. Я вспоминаю первые сообщения Штекеля, сделанные им в нашем Обществе. Он разъяснил значение правого и левого в сновидении, указал на бисексуальность символов сновидения, первый объяснил сновидения, проецирующие того, кто их видит, в тело отца (Vaterleibsträume) и многое другое; как только он сообщал о своих открытиях, ему ставили на вид, что «подобными преувеличениями» он только вредит психоанализу, и особенно Швейцарская школа, говоря о венских «толкователях», метила преимущественно в него.

Истина в том, что Штекель одарен несравненным талантом в толковании сновидений. Он продвигается не только по узкой тропинке, предписанной Фрейдом; благодаря своеобразной проницательности, которую некоторые называют интуицией, он угадывает связи между сновидениями. Поэтому он, истолкователь многих тысяч сновидений, до известной степени не зависим от указаний видящего сон. Кому известно, как значительно сопротивление больных при сообщении психоаналитику мыслей, свободно возникающих у них по поводу сновидений, тот оценит эту способность Штекеля. Разумеется, идя по опасному пути Штекеля, придется часто блуждать. Но это ничего не значит. Ошибки вскоре рассыпаются прахом. Правильные результаты остаются.

Психоанализ Штекеля превращается, таким образом, в активное наступление на больного. Последний чувствует, что самое сокровенное в нем все снова и снова подвергается обстрелу, в конце концов, видя себя как бы в окружении, он вы-

нужден признать то, что при пассивной форме психоанализа он часто скрывает так долго, пока обе стороны не теряют терпения. На этом основаны практические успехи Штекеля. Фрейд — гений, но Штекель — лучший толкователь сновидений. Он сам с притворной скромностью называет себя карликом на плечах у великана.

С тех пор как Штекель в опале у ортодоксальной школы, он иногда позволяет себе развлечение, давая сновидению, опубликованному Фрейдом или кем-либо из его ближайших учеников, иное толкование, чем то, какое было сообщено. Перетолковывания Штекеля неизменно кажутся столь правдоподобными, что первое толкование само собой утрачивает значение. Новое толкование сновидения Монрое Мейера (Monroe Meyer) я привел выше. В другой раз новое толкование дано было сновидению, сообщенному самим Фрейдом. Одной пациентке приснился ее покойный отец, явившийся к ней и сказавший угрожающе: «половина двенадцатого, три четверти двенадцатого»...

По поводу этого Фрейд замечает: видевшая сон присутствовала при разговоре на тему, что в каждом из нас живо еще кое-что от первобытного человека. Отец говорит: «половина двенадцатого и три четверти двенадцатого»; этим самым видящая сон прибегает к столь частому в сновидении коверканию слов и превращает отца в «Uhrenmenschen» или «Urmenschen».[1] Так пациентка осуществляет свое желание, чтоб отец не был мертв, но жил бы еще в ней.

Штекель увидел в этом сновидении иное. Двенадцатый час — последний час. Отец является дочери, чтобы предостеречь ее, и говорит только, что настал срок, последний срок — половина двенадцатого и три четверти двенадцатого — чтобы начать что-либо или, быть может, окончить или повторить что-либо...

Своими новыми толкованиями сновидений Штекель добился того, что ортодоксальная школа почти не осмеливается больше опубликовывать своих в высшей степени принятых за волосы толкований. То, что ее представители поднимают из глубин у сновидения с помощью винтов и рычагов, часто не может устоять перед интуицией Штекеля.

Быть может, нетрудно будет понять, насколько неприятен должен был стать для общества психоаналитиков член с

[1] Непереводимая игра слов: «Uhrenmensch» — человек, имеющий отношение к часам; «Urmensch» — первобытный человек. (Прим. перев.).

подобными талантами. Это то же самое, как если бы в круг лиц, желающих разрешить трудные задачи и с карандашами в руках потеющих над бумагой, затесался хороший счетчик в уме, который быстро и без труда находил бы результаты.

Это возбуждает досаду и это, в конце концов, даже ненаучно, ибо наука требует не только результата, но и того, чтобы он был добыт в поте лица, а также отчета о пути к результату. Очевидно, необходимо быть терпимее, чем Фрейд и круг его ближайших учеников, чтобы переносить в своей среде человека с талантами Штекеля.

Помимо того, что Штекель угадывает символы сновидения, он весьма искусно добывает из бессознательного и актуальные конфликты. Он прямо говорит больным об их конфликтах, часто после поразительно непродолжительной работы, посвященной преимущественно сновидениям. Если он ошибается — что, разумеется, случается — он всегда готов сойти с этой дороги и вступить на другую. Но он продвигается вперед как умный человек и знаток людей; здесь он также выше тех, кто становится психоаналитиками, несмотря на то, что им чужда жизнь, и они неспособны проникнуть в больную душу непосредственно от человека к человеку, без каких бы то ни было сложных построений.

Я признаю, что Штекель значительно банальнее Фрейда. Он банальнее постольку, поскольку он ближе к суете этого мира, чем слишком высоко парящая над миром в одиночестве личность.

Однако, ввиду того, что причинами болезней являются, к сожалению, обычные банальные переживания, врач, чувствующий себя по-домашнему в банальном мире, часто будет исцелять быстрее, чем товарищ Юпитера.

В последние годы много говорилось об активном методе в психоанализе. Швейцарская школа понимает под этим то, что она называет психосинтезом. Фрейд полагает, что мы достаточно активны, если мы непрерывно боремся с сопротивлением больного и вскрываем его перенесение. Сверх того, следует, по возможности, ставить больного в такое положение, чтобы болезнь стала для него неприятной. Но это — активность, которой жизнью положены узкие границы (92). Штекель понимает под активной терапией непрерывное обстреливание пациента путем активного вскрывания его комплексов. Этот метод, безусловно, опасен и неприемлем в руках бездарности. Подобные анализы вряд ли могут быть ис-

пользованы в качестве доказательств в пользу правильности законов психоанализа. Напротив, правильность последних является для них предпосылкой. Как долго еще нам придется бояться противников, которые ничего не понимают в нашей работе? Поскольку они доступны обучению, они могут постигнуть психоанализ только путем его изучения на практике. Впрочем, и сам Фрейд до сих пор не представил нам детального и доказательного психоанализа.

Штекель решился на свой активный психоанализ, ибо он убедился на опыте, что пассивный анализ, при котором врач возможно меньше вмешивается в продукцию материала, всегда слишком продолжителен. Между тем, чрезмерная продолжительность вредна не только тем, что большинство больных не может себе позволить длящегося несколько лет курса лечения, но еще и по другой причине. Перенесение пациента на врача принимает со временем такие формы, что больной не в состоянии более расстаться с врачом. Где может он найти снова человека, который будет столь серьезно относиться к нему, будет ежедневно битый час выслушивать его и толковать его слова? В таких случаях психоанализ сам превращается в болезнь, занимающую место невроза, который и привел больного к врачу, быть может, несколько лет тому назад. Штекель лечит своих больных не дольше трех-шести месяцев. Что не излечено за этот срок, то не хочет, следовательно, быть излеченным. Во многих случаях мы пробовали пересылать один другому упорствующих больных, лечение которых не подвигалось вперед. Я лечил больных после Штекеля, еще чаще он пользовал больных после меня. Так мы пытались обойти перенесение у пациентов, и большей частью — с хорошим успехом.

Психоанализ, доходящий до утробы матери, — героическое деяние. Непостижимое терпение Фрейда, который таким путем пришел к некоторым величайшим своим открытиям, принадлежит к самым славным проявлениям человеческого духа. Но это не должно служить камнем преткновения. Интересы науки и практической медицины здесь не совпадают. Фрейд неоднократно сам признавал это.

Штекель — практик, у которого нет воли к системе, он укладывает свои знания рядышком, не ощущая никогда потребности втиснуть их в систему. Его произведения очень объемисты, имеют, правда, известные руководящие линии; но он всегда готов отойти от этих руководящих линий и принять

чужие; он никогда не теряет соприкосновения с многогранностью жизни и ощущает биение ее пульса. Ему чужды метафизические искания, и это многим не по вкусу. Но не все люди на один образец. Штекеля не влечет ни к метапсихологии, ни к систематизации, он талантлив в другом отношении. В то время как более узкая школа Фрейда все дальше отходит от медицины и непосредственного наблюдения над природой, Штекель постоянно изучает случаи и только случаи, которых он опубликовал уже много сотен. Эти цифры звучат фантастически и требуют действительно некоторого ограничения, так как одни и те же случаи рассматриваются с разных сторон и потому описаны повторно. Но вулканическая природа этой рабочей силы не может не быть признанной и вряд ли может быть доступной подражанию.

Книги Штекеля доступнее пониманию, чем бо́льшая часть произведений более тесного круга учеников Фрейда. Уже много лет врачи и другие интересующиеся психоанализом люди приходят к нему большей частью обходным путем — если только это обходный путь — после чтения Штекеля. Стоящие вдали ученые получают впечатление, что из всех учеников Фрейда Штекель самый счастливый и логически приемлемый наследник психоанализа. Уже несколько лет он выпускает огромное по размерам издание, рассчитанное на десять томов. Семь из них (около 4.000 страниц) уже вышли из печати. Если не считать произведений некоторых романистов, как Бальзак или Золя, потративших на них труд целой жизни, можно сказать, что до сих пор еще не было сделано аналогичной попытки столь полного изображения и аналитической расшифровки всех человеческих страстей. Этот труд — психоаналитическая энциклопедия. Ни один психоаналитик не может пройти мимо этого монумента.

В уродливом противоречии с этим находится пренебрежение, которое, можно сказать, симулируется по отношению к Штекелю ортодоксальной школой Фрейда. Штекель говорил мне, что после разрыва с Адлером Фрейд сказал ему: «Я сделал великим маленького человека, находящегося рядом со мной, но я проглядел крупного человека, бывшего подле меня. Один единственный символ сновидения, из многих открытых вами, стоит большего, чем все адлерианство».

Фрейд, вероятно, забыл эти слова. Но у Штекеля хранится еще агатовая чаша, посланная ему Фрейдом в 1911 г. из Карлсбада с письмом, содержащим следующие слова: «Не

знаю, что могло бы разлучить нас». И вскоре после этого: «Штекель, имевший столько заслуг вначале, совершенно опустился». Какими могучими стимулами один для другого могли быть эти люди! Я прекрасно знаю, что Фрейд историческая фигура и Штекелю далеко до него. Но я знаю также, что у более великого из них сидит на шее, как дьявол, племянник Джон, и он не отпустит Фрейда до конца его дней.

Юнг и Адлер сделали попытку перенести теории Фрейда в другую область, так как они были очень честолюбивы и не ощущали в себе достаточно данных, чтоб пожинать лавры в области самого психоанализа. Но Штекель стоит обеими ногами на почве психоанализа, он готов и в состоянии работать дальше над возведением того здания, краеугольные камни которого были глубоко заложены в землю Фрейдом. Бывший ученик удалил некоторые надстройки. Он не входит также в тот флигель здания, который Фрейд называет своей теорией либидо. Но он оперирует понятиями вытеснения, сопротивления и перенесения. Он толкует сновидения по методам, которые, правда, дополнены им, но которые были бы немыслимы без предварительной работы Фрейда. Психосексуальный инфантилизм и сексуальность ребенка сохранили и для Штекеля свое главенствующее значение. При таких обстоятельствах каждый беспристрастный человек должен считать работу Штекеля вполне законным продолжением учения Фрейда. Слово «законным» может здесь показаться странным. Я заимствую его у Фрейда, применяющего его неоднократно в связи с психоанализом (93).

После 1910 г. начинается возведение Фрейда его учениками в сан папы, и Штекель в некоторых пунктах преступает против догмы о непогрешимости. Он отрицает, что страх может возникнуть непосредственно из coitus interruptus без посредства психического конфликта.

Точно также он отрицает первичный вред онанизма. Для Штекеля не существует актуальных неврозов во Фрейдовском смысле. Если я добавлю, что Штекель и в вопросе о гомосексуальности не приписывает почти никакого значения прирожденной конституции, то мы получим три основных положения, в которых Штекель уже десять лет тому назад отступал от Фрейда. Точка зрения Штекеля на все эти три вопроса равносильна освобождению человечества. Штекель освобождает человечество от рокового наследственного отягощения, — последнему он при всех обстоятельствах противопоставляет возможность раскрепощения путем психоанализа. Все онани-

руют. Поэтому только настойчивое утверждение Штекеля, что онанизм, как таковой, безвреден, освободило от давнишнего гнета тех, кому знакомы его взгляды.

Штекель описывает болезни, которые можно было бы назвать актуальными неврозами, если бы этот термин не был уже использован для других заболеваний. Он обращает свое главное внимание на актуальный психический конфликт, наблюдавшийся в данный момент у больного. Он знает, что каждый скрывает в бессознательном свой тайный идеал и находится в конфликте с действительностью. Тайный идеал, или истинный характер человека, складывается, разумеется, в раннем детстве, и в образовании его принимают различное участие Эдиповский комплекс, нарцизм и комплекс кастрации. Во многих случаях к актуальному идеалу в бессознательном можно добраться только, так сказать, с тылу, т. е. далеким обходным путем, через детство пациента. Но самое существенное в психоанализе, в конце концов, — выявление противоречия между тайными желаниями и окружающей жизнью. Во всех нас заложен Эдиповский комплекс. Но нежизнеспособными мы становимся, за редкими исключениями, только через актуальный конфликт.

Один из более молодых почитателей Фрейда сказал недавно слушателям, что наши непродолжительные психоанализы помогают нам, правда, устранять симптомы, но отнюдь не излечивают невротический характер. Клянусь: он прав! Вспомним о меланхолике, который, сам того не зная, горевал о своей старшей дочери, вышедшей замуж и покинувшей родительский дом. Если я после непродолжительной работы довожу до сознания этого мужчины, где следует искать конфликт, делающий его нежизнеспособным, я, правда, устраняю только симптом, а именно — меланхолическую депрессию. Для предохранения его от возвращения нервного расстройства потребовался бы продолжительный психоанализ, успех которого, вдобавок, сомнителен. Но придется ли ему еще раз в жизни выдать замуж старшую дочь, цветущая юность которой вознаграждала его за его утратившую привлекательность стареющую супругу. Если нам удастся устранить столь тяжелый симптом, то мы, в большинстве случаев, можем успокоиться как практики. В противном случае, нас постигла бы участь аналитика, очень долго лечившего писчую судорогу. Правда, ему не удалось устранить симптом, но он добился того, что пациент утратил сознание болезни и примирился со своей писчей судорогой.

Каковы результаты в данном случае?

От аналитика ускользнул тайный психический конфликт, символом которого является писчая судорога. Напротив, освободив сильное перенесение, он, рядом с неврозом писчей судороги, дал повод к возникновению другого невроза, носящего имя аналитика. Пациент мирится со своей болезнью потому, что хочет сделать приятное своему любимому аналитику, который так потрудился для него. В этом ли лавры психоанализа?

* * *

В неустанных поисках актуального конфликта Штекель наткнулся на веру в «великую историческую миссию», достигающую своего кульминационного пункта в неврозе Христа. Невероятное количество, по-видимому, скромных людей в глубине души уверено, что им предназначена великая историческая миссия. Неполноценность их реальных действий находится в забавном противоречии с фантазиями, которые грезятся им. Они страдают от резкого противоречия между своими достижениями и своими желаниями. Я не утверждаю, что между этим взглядом и взглядом Адлера имеется коренное расхождение.

Полностью принадлежит Штекелю — поскольку я в состоянии судить — вскрытие механизма, который прямо противоположен вытеснению. Он называет его аннулирующим механизмом. О вытесненных представлениях ничего не знают, но они все же действуют, несмотря на то, что об них не знают. Существуют, однако, представления, о которых имеется точное знание и которые все же остаются недействительными, потому что бессознательное не признает их, ничего не хочет знать о них, аннулирует их. Так, существуют мужья, которые, разумеется, прекрасно знают, что они женаты. Но при толковании их сновидений можно убедиться, что в бессознательном они холостяки и совершенно аннулируют свою жену. Сразу обнаруживается, что этот механизм принадлежит к самым частым в повседневной жизни. Когда видишь, как люди, по-видимому, связанные друг с другом, шествуют рядом в озлобленном молчании, становится ясным, что один аннулирует другого. На этом опасном пути люди взаимно аннулируют друг друга до тех пор, пока по воле бессознательного они и сознательно теряют друг для друга значение.

Дальнейшая заслуга Штекеля, все более выясняющаяся по мере появления отдельных томов его главного труда, заключается в разработанном им положении, что у каждого человека, тем паче у каждого невротика, своя, адекватная ему форма полового удовлетворения. Так называемое нормальное половое общение отнюдь не гарантирует достаточного удовлетворения полового влечения. Таков ответ, который мы можем дать всем невротикам, когда они заявляют нам, что сексуальная теория ложна, так как, несмотря на нормальную половую жизнь, которую они ведут, все-таки они «нервны».

При известных условиях как раз нормальная форма полового общения может обусловить нервность, если она противоречит тайному единственно адекватному способу полового удовлетворения. Поэтому Штекель — на это, впрочем, обращали уже внимание и другие — описал личность Дон-Жуана, Казановы и Мессалины, как тип всегда неудовлетворенных людей, всю свою жизнь до самой смерти мечущихся в поисках формы любви, которая могла бы им дать удовлетворение.

Главную роль здесь играет—и это опять-таки первым констатировал Штекель — скрытая гомосексуальность. Обычно не подозревают, что тайная гомосексуальность все более становится характерной чертой нашего времени. Женщины не должны более оставаться женщинами, они должны уподобиться мужчинам, и это называется феминизмом. Свойственная их полу округлость форм утрачивает привлекательность, они должны быть сухощавыми и жилистыми, как мужчины, должны стричь волосы и должны, по возможности, отказаться от того, что прежде считалось их наследственным достоянием: стыдливости. Полагаю: я выше подозрений, что я моралист. Я не оцениваю, я только констатирую. Уподобление женщины мужчине началось с давних пор, и его первыми корнями была нужда. Богатые женщины знали лишь одно дело: любить себя и мужа и воспитывать детей. Нужда — а самым древним периодом нужды был ледниковый период — принудила женщину работать наряду с мужчиной. Но то уподобление женщины мужчине, о котором я говорю здесь, не имеет ничего общего с обычной нуждой и голодом. Половой голод — детище изменившихся условий нашей жизни, потрясения всех прочных устоев. Старая мораль, христианство, семейная добродетель: сколько времени еще продержится все это? Началась великая переоценка ценностей. Не осо-

бенно приятно жить как раз на грани двух различных в смысле морали эпох. Нет больше веры в старое, новое же страшит, потому что мы все еще во власти прошедшего. Нас уносит великий вал, мы не в силах уничтожить противоречия между: могу, вправе, должен, обязан и хочу; поэтому-то эпоха, в которую мы живем — эпоха, насыщенная неврозами.

Психоанализ усматривал раньше причину происхождения неврозов исключительно в вытеснении сексуальности. Штекель указал на демонические натуры (Satanisten) — трагическая фигура среди них Ницше — гибнущие вследствие того, что были вытеснены их нравственность и религиозность.

Насколько мне известно, внешний повод для разрыва между Фрейдом и Штекелем слишком незначителен и не заслуживает упоминания. Тем значительнее представляется мне истинная причина. Если бы Фрейд внимательнее прислушивался, то уже из нападок швейцарской школы на Штекеля ему стало бы ясно, что они наносили удары ученику, но метили в учителя. Так и Фрейд попал в самого себя, когда он резко отвернулся от человека, с которым он работал с 1896 г. Все, в чем, особенно в кругу немецких ученых, упрекали Фрейда: односторонность, обобщение отдельных наблюдений, пренебрежение к феноменологии психики, неиспользование философских достижений — все это позволял себе Штекель, не ведая угрызений совести. Фрейд, напротив, терзался угрызениями совести; он был под непреодолимой властью идеала «я», заложенного в него такими учителями, как Мейнерт и Брюкке. Фрейд хотел освободиться от части своего «я» и добился этого, начав ненавидеть Штекеля. Аффективная ненависть, с которой Фрейд в течение многих лет преследует Штекеля, объясняется этой проекцией себя во внешний мир. Штекель кажется ему слишком беззаботным, слишком свободным от самокритики в области тех идей, которые были открыты им, Фрейдом, но к которым он сам вовсе не питал безграничной веры. После отторжения части своего «я», которую символизирует Штекель, Фрейд обратился к метафизике, которую он именует метапсихологией, с таким пылом, будто он старается наверстать что-то упущенное. Тут он находится в области, куда за ним, безусловно, не может последовать Штекель, у которого вовсе не метафизическая голова. Тут он чувствует себя в безопасности от своего второго «я», которое он теперь считает злым, подобно тому, как считали злыми своих прежних домашних божков перешедшие в христианство язычники.

XV

ФРЕЙДОВСКИЕ МЕХАНИЗМЫ

Подвижность либидо — быть может, важнейший принцип нашей психической жизни. На нем основано все, что именуется Фрейдовскими механизмами. Именно там, куда приливает либидо, становится светло и радостно, там же, откуда оно отливает, делается темно. Либидо переливается даже за пределы индивидуальной замкнутости в окружающее и завоевывает мир. Оно снова возвращается обратно, и, обогащенное опытом, как пчела медом, претворяется в «я», в ту фикцию, которая в примитивной философии считалась реальностью.

Фрейд учит, что существует «сверх-я», возникающее путем идентификации с прообразом отца. Но не только «сверх-я» (называемое также «идеалом-я») возникает путем идентификации. Скоро Фрейд не остановится перед тем, чтобы рассматривать всю фикцию «я» в целом, как идентификацию с отцом, матерью и всем живым в окружающем мире. Сперва все вызывает подражание, затем продукт подражания вызывает любовь в качестве «я» (нарцизм) и отделяется (дифференцируется) от окружающего, благодаря любви к самому себе.

Индусский миссионер, в правдивости которого я не сомневаюсь, рассказал мне об одном своем приключении во время проповеди в индусской деревне. Сперва он заметил, что благоговейно слушавшая его община старается подавить смех. Оглянувшись, он увидел большую обезьяну, сидевшую на корточках позади него и подражавшую всем его жестам. Более того, когда в другом селении он открыл церковь, он увидел обезьяну, сидевшую на кафедре и как будто читавшую проповедь, а с полдюжины других обезьян сидело вокруг и качало головами. Так эти животные подражали непонятному для них поведению людей. Что отличает их от человека —

это лишь их неспособность создать «я» на основе подобного подражания. Их психическая деятельность походит на фотографию, которая не фиксирована. Способность к фиксации — преимущество человека, поэтому Гёте говорит о человеке: он может сообщить длительность моменту.

«Ты» также признается только благодаря любви. Без любви не существует и «ты»; оно создается нами, как фикция второго порядка, по образу фикции «я». То, что не любимо нами, для нас является третьим лицом, чужим «он» или «она».

Фрейд, вероятно, не колеблясь, приравняет «его» и «ее» к тем фигурам, которые мы со дня нашего рождения видим над собой; они кажутся нам великанами, вечными и сначала непостижимыми — это отец и мать. «Он» и «она» существуют прежде, чем мы построили свое «я». Часть этих непонятных фигур мы воспринимаем в себя и формируем из этого свое «я». Остаток же (поскольку вообще не остается еще сверх того какой-то непонятной части) мы из любви превращаем в «ты».

Раз нам стало ясно, что мы живем среди фикций и не можем даже положиться на якобы неоспоримую реальность «я» и «ты», тем самым оправдывается и становится понятным всякое сомнение, с одной стороны, и всякое суеверие — с другой. Дикарь создает себе мир по своему образу. Он одалживает свое «я» не только живому «ты», он оживляет дерево, источник, ветер (анимизм).

В то время как дикарь вдыхает жизнь в безжизненную материю и создает из делимого неделимое (индивидуум — неделимое), он проявляет богоподобное всемогущество, утраченное нами лишь потому, что мы не верим в него. В действительности, однако, мы все верим немного во «всемогущество мысли» (94). Обычаи народов преисполнены подобной веры (дурной глаз, заговаривание и т. п.).

В глубине души мы уверены, что не умрем, и хотя мы знаем, что наша жизнь ограничена во времени, мы не можем решиться по-настоящему поверить этому. Значительная доля нашего воображаемого всемогущества должна была, правда, уступить неумолимой логике, но оно продолжает жить в бессознательном и оттуда оказывает свое действие.

Сновидение лица, страдающего неврозом навязчивости: «Я говорю своему отцу: «Этот ребенок нежизнеспособен». Мы подходим ближе. Ребенок мертв. Отец мой грустно говорит мне: «Раз тебе известно, что у тебя такая власть, зачем ты пользуешься ею?».

Наше всемогущество имеет свой источник и свои границы в подвижности и отщепляемости либидо. На границе этой способности притаились сомнение, страх и смерть. Положение: «где вера, там любовь» можно для наших целей обратить в положение: «где любовь, там вера».

Фрейд видит причину всякого сомнения в сомнении в любви.

Так как всякая любовь берет начало от любви к родителям, то и сомнение берет начало тогда, когда впервые зарождается сомнение в родителях, в тех первых «он» или «она», которые для ребенка являются мерилом всех вещей. От таких сомнений избавляет вера в богов.

* * *

Аффект не только в состоянии подвергнуться сдвигу, но может также превратиться в противоположный аффект. По Фрейду, бред преследования параноика возникает путем такого превращения. У этого механизма есть несколько этапов. Первый этап: параноик любит партнера одного с ним пола. Второй этап: гомосексуальное влечение вытесняется, как недозволенное. Третий этап: его возвращению в сознание препятствуют два тормоза. Во-первых: он не любит меня, напротив, он меня ненавидит и преследует. Во-вторых: я не люблю его, напротив, я ненавижу его потому, что он преследует меня. Это образчик фрейдовского механизма.

Иуда — параноик; Александр Великий, бросающий копье в Клейтоса, — также. То же Саул в отношении Давида. Немногие безумны, но только самые тупые или самые просвещенные люди свободны от этого механизма. Не знаю, всегда ли влечение, которым обусловливается паранойя, гомосексуально. Возможно, что всякое запретное влечение в состоянии обусловить вышеописанный механизм. Всякое влечение и всякое отвращение.

Я лечил мясника, подозревавшего свою кухарку в том, что она подмешивает осколки стекла в его пищу. Он боялся также, что он сам может по невниманию отравить своих покупателей испорченным мясом. Иногда он гнался за покупателями и просил их вернуть купленное мясо. Когда его ребенка укусила собака, которая отнюдь не возбуждала подозрений в бешенстве, он пришел в исступление и, несмотря на то, что ребенку были сделаны необходимые прививки, долго боялся за жизнь малютки. У этого мягкосердечного человека,

которого все считают добродушным, был такой взгляд, что кровь стыла в жилах. Во время сеансов психоанализа он из всех предметов, лежавших у меня на письменном столе, всегда брал большие ножницы для разрезания бумаги, чтобы играть ими (Фрейд называет это «симптоматическим действием»). Так выдавало себя бессознательное, насыщенное мыслями об убийстве.

Он стал лечиться, потому что в течение нескольких месяцев он потерял почти двадцать килограммов веса, якобы из-за болезни желчного пузыря. Бессонница, непрестанные мысли о своей болезни, упадок духа, помыслы о самоубийстве, относительная импотентность по отношению к жене. Он должен был также передать ей управление делом. Он сам не способен был больше на это. Болезнь желчного пузыря представляла настоящую ипохондрию. Мысли о самоубийстве были вдвойне детерминированы. Это были (А) мысли об убийстве жены, перемещенные на собственное «я». Страх причинить вред покупателям представлял перемещение мыслей об убийстве. Страх перед кухаркой, занимающей место жены, представлял перемещение: не он собирается убить ее, а она его. У пациента был брат-близнец (Б), вместе с ним унаследовавший дело от отца. После женитьбы больного брат, вследствие непрекращающихся раздоров, вышел из дела, потребовал выплаты своей доли и открыл конкурирующее предприятие. Если я прибавлю, что пациент оставил с женою дельного управляющего, между тем, как он сам кочевал из одной санатории в другую, — мы проникнем еще несколько глубже в гомосексуальность и геббелевский мотив Кандавла.

В этом случае объединено несколько фрейдовских механизмов. Утраченным объектом сексуального влечения был брат. Связанное с ним либидо оттекло обратно в собственную личность пациента, (меланхолия); благодаря болезни желчного музыря, которая, быть может, в слабой степени существовала в действительности (по Фрейду, «встречное соматическое содействие»), либидо символизировалось и фиксировалось в собственном теле (ипохондрия). Пациент желал смерти собственной жене, потому что из-за нее он лишился любимого брата.

Фрейд и Штекель (95) давно уже пришли к следующему убеждению (и у Штекеля мы находим богатую казуистику по этому вопросу): каждый, кто помышляет о самоубийстве, желал смерти другому и карает за это себя. Это объяснение представляет в неожиданном освещении некоторые случаи

самоубийства, превозносившиеся писателями. Особенная опасность угрожает невротикам при смерти кого-либо из их близких. Если они очень любили умершего, они обычно — сами того не зная — также и ненавидели его.

Вулканическая любовь невротика, избыток ее, неприятно действующий на беспристрастного наблюдателя, обусловливается разделением чувств. Контрастирующая пара: любовь и ненависть, представляющая безразличную смесь, распадается на составные части. Каждую ночь невротик в сновидении убивает любимое существо. Если любимый супруг, отец, брат и т. д. действительно умирает, бессознательное — ввиду веры в собственное всемогущество — предполагает, что оно повинно в смерти. Вдова стреляется на могиле мужа. Кто поймет это? Индусы поняли это и пытались оградить себя законом сожжения вдов от злых желаний своих жен.

Молодая женщина, которая, по ее словам, любит своего мужа, заболевает. У нее угрызения совести, мысли о самоубийстве, о «конце мира». Муж недавно вернулся из больницы излеченным от продолжительной болезни. Теперь вместо него заболела жена, после того как она в течение многих месяцев стойко переносила все. Свет полагает, что это нервное истощение, вследствие тревог за жизнь мужа. Но счастливые не ведают нервного истощения. Никто, в том числе и сама жена, не знает, что она втайне надеялась вскоре избавиться от мужа. Его выздоровление делает ее больной. Желание смерти перешло на нее самое.

Это очень безобразные механизмы. Но безобразие, ça n'empêche pas d'exister. Болезнь мясника, о котором я говорил выше, проявилась в тот день, когда у его жены внезапно появилось кровотечение, вызванное выкидышем. Тогда подавленное желание смерти жены с такой силой стремилось прорваться в сознание, что моральное чувство могло быть удовлетворено только перенесением на собственную личность. Так желание смерти другому превратилось в мысль о самоубийстве.

Психика не только таит зло в своих глубоких пластах, она подвластна неумолимому закону возмездия (Jus talionis): око за око, зуб за зуб. Таково, по-видимому, было самое первобытное право человечества. Бессознательная совесть так строга, что часто она по закону возмездия присуждает к самоубийству за совершаемые лишь в воображении преступления. Симптомокомплекс, обнаруживаемый у невротика, обычно с точностью воспроизводит преступление, которое долж-

но быть искуплено. Пациент, расплачивавшийся за допущение погребения мнимоумершей сестры, страдал одышкой, глотая пыль, боялся задохнуться, у него были обморочные состояния. Это невротическое построение станет понятным и будет разрушено лишь тогда, когда в нем станут искать принцип возмездия (замещения).

Путем подражания воспроизводятся также преступления, — действительные или воображаемые преступления, — жертвой которых явился сам невротик. Невротик ведет себя как ребенок. «Если доктор смотрел ребенку в горло или произвел ему небольшую операцию, то это ужасное переживание, безусловно, даст содержание для ближайшей игры» (96). Я знал мальчика, просившего повести его к Дунаю, поглядеть на пароходы; но отец запретил это. Мальчик очень рассердился и сказал: «Когда я вырасту большой, я тоже не позволю моим детям смотреть на пароходы».

От смешного до трагического только один шаг. Я знал человека, родившегося от внебрачной связи; в каждом городке он покидал беременную девушку, и он так же мало думал о своем ребенке, как его отец о нем. В этом именно проклятие злого деяния. Бессознательное воздает злом за зло, но воздает вовсе не совершившему злое деяние, а первому встречному. Так оно уподобляется богу мести, взыскивающему вину отцов с потомков, вплоть до третьего и четвертого поколений (97).

* * *

Очень важен механизм получения удовольствия без принятия на себя вины (Штекель). Женщины, которыми хотят овладеть, охотно падают в обморок: механизм вполне ясен. Они должны были бы защищать свою честь. Обморок освобождает их от этой обязанности. Как не вспомнить тут замечательной клейстовской маркизы О..? Сколько мужей, сколько любовников желают освободиться от своих подруг, не взваливая на себя вину за это. Тогда один из излюбленнейших механизмов заключается в том, чтобы сделать себя как можно более невыносимым и получить отставку от партнера. Для этого надо всегда быть в плохом настроении, опаздывать или совсем не являться на свидание. В зависимости от степени истерического предрасположения, ведется более или менее искусный подкоп под связь, пока партнер не попадет в ловушку.

* * *

Фрейдовские механизмы ведут через ад. Виргилий менее поспешно вел Данте через ад, чем я веду читателя через страну психического. И все же нетрудно догадаться, что эта страна не менее обширна и страшна. Последний фрейдовский механизм должен представить нам в новом свете «генеалогию морали». Каково происхождение совести и самобичевания? Откуда эта готовность к принятию на себя вины, которая, подобно сорной траве, разрастается среди невротиков и среди здоровых людей нашей эпохи?

В течение большей части своей жизни Фрейд давал бессознательному такое описание, как если бы в нем имелись исключительно животные черты. Не могу судить, поскольку тут оказывала влияние точка зрения Ницше. Сверх-человек Ницше — сладострастный убийца, которому совершенно чуждо сознание вины. Этому «белокурому зверю» (почему белокурому, почему Зигфрид, а не негр?) соответствует у Фрейда отец дарвиновской первобытной орды. Ему все дозволено, он, как Хронос, пожирает своих детей, убивает женщин, чтобы довести свое сладострастие до максимальных пределов. Все повинны ему, он сам свободен от долга.

Дети восстают против него. Бесправные вечные должники убивают своего первого кредитора, разрывают его на части, пожирают его и сами, быть может, становятся родоначальниками первобытных орд. Но они больше не способны на то, на что был способен старик. С мясом старика они поглотили также часть его грозной личности, которая в течение всей их дальнейшей жизни следит за ними и порождает в них сознание вины. Они убили своего отца, поэтому им хорошо известно, чтó грозит им со стороны их детей. Вследствие этого они подавляют «инстинкт свободы» (Ницше), и не только у своих детей, но и у самих себя, чтобы, по возможности, совершенно устранить свободу. Рассуждение Ницше об убийце-сладострастнике, которому чуждо сознание вины, и описание, данное Фрейдом отцу первобытной орды, отчасти покрывают друг друга. Их поэтическая ценность велика, научная же — ничтожна. Поппер Линкеус говорит: «Я вижу только то, что есть теперь. Как это было прежде, этого я не знаю».

Поэтому генеалогия нравственности, как ее онтогенетически объясняет Фрейд из периода детства каждого из нас, гораздо важнее, чем мифологическое истолкование первобытной орды. По Фрейду, совесть возникает следующим образом: первый идеал ребенка — отец (осторожнее говоря: родители), большой, сильный, всемогущий и всеведущий отец.

Ребенку очень хотелось бы самому обладать великолепными качествами отца. Он пробует играть в отца, идентифицировать себя с ним, поглотить его. Эти попытки обречены, разумеется, на неудачу. В более поздней фазе развития ребенок чувствует в отце конкурента по отношению к материнской любви, от которого он пытается избавиться. «Если отец умрет, я женюсь на матери!» — возникает Эдиповский комплекс. Однако, для ребенка тяжело вступить в конкуренцию с существом, которому еще недавно приписывалось всемогущество и высшая нравственность. Поэтому дитя лишает своего отца всех этих свойств, и высокий идеал во внешнем мире превращается в идеал внутренний, на всю жизнь остающийся и действующий в бессознательном. Так, рядом с «я» возникает еще другая фикция: «сверх-я». «Сверх-я» это поглощенный отец (родители, авторитет). Из него развивается нравственность, религия и вообще вся нравственная цензура.

Фрейд констатирует, он не оценивает. В этом его отличие от Ницше. Разумеется, он не может воспрепятствовать, чтобы оценивали другие, знакомящиеся с его учением. Если мы зададим себе вопрос, какая религия или учение о нравственности более всего соответствует описанному Фрейдом происхождению морали, нам придется отметить учение Конфуция, выдвигающего в качестве единственного трансцендентного закона почитание родителей и предков.

«Чти отца и мать твою, и долголетен ты будешь и благо тебе будет на земле». Этой заповедью евреи также поставили закон почитания родителей во главу своего учения. Не следует забывать, что Фрейд, один из значительнейших и славнейших умов нашего времени, вырос в еврейской среде. Как известно, семья у евреев в большом почете.

Враждебное отношение к евреям вызывает страстное «почему?», и это «почему» при благоприятных обстоятельствах может обусловить высокую научность. Во всяком случае в этом причина революционного образа мыслей, столь широко распространенного среди евреев.

Фрейд рассказывает (98): «Мне было десять или двенадцать лет, когда мой отец стал брать меня с собой на прогулки и открывать мне в разговорах свои взгляды на явления этого мира. Так, однажды, с целью показать мне, что я родился в гораздо лучшие времена, чем он, отец рассказал мне следующее: «Когда я был молодым человеком, я отправился в субботу на прогулку по улицам города, где ты родился. Я был хорошо одет, на голове у меня была новая меховая шап-

ка. Вдруг мимо проходит христианин, одним ударом он сбивает с моей головы шапку в грязь и восклицает при этом: жид, прочь с тротуара! — А ты что сделал? — Я сошел на мостовую и поднял шапку», — был спокойный ответ. Это показалось мне далеким от героизма со стороны большого, сильного человека, который вел за руку меня, ребенка. Этой ситуации, не удовлетворившей меня, я противопоставил другую, более соответствовавшую моим чувствам, ту сцену, в которой отец Ганнибала... заставляет сына поклясться перед домашним алтарем, что он отмстит римлянам. С тех пор Ганнибалу отведено место в моих фантазиях».

Полководец-семит Ганнибал стал любимцем мальчика-революционера, так как он внушал страх римлянам. Другой любимый герой, прочно утвердившийся в сердце Фрейда, — Кромвель, свергнувший английского короля.

Когда стали подрастать дети Фрейда, он задумался над вопросом, каким путем он мог бы предохранить их от чувства неполноценности, которое — как ему было известно — так опасно. По-видимому, он рекомендует национальную идею, в качестве оружия против чувства неполноценности. Сам он уже много лет член еврейской масонской ложи.

XVI

БИПОЛЯРНОСТЬ

Язык сновидения, кроме склонности к образам и символам, обнаруживает еще другие поразительные свойства, отличающие его от языка сознания: отсутствует логика противопоставлений. Для сознания предмет черен или бел, два либо три, день или ночь, никогда одновременно не бывает дня и ночи. Подобные противопоставления объединяются сновидением воедино. Фрейд описал, что в сновидении очень часто черное может занимать место белого, самое маленькое — самого большого, верх — низа, словом, противоположности могут замещать друг друга. В 1909 г. он указал на брошюру лингвиста Абеля (1884), по мнению которого в первобытных языках, как и в сновидениях, противоположные понятия обозначаются одним и тем же словом. Так, на языке иероглифов одно и то же слово обозначает светло и темно; этим указывается только, что речь идет вообще о светлости. Лишь из общей связи должно выясниться, имеется ли в виду свет или темнота. Этот результат филологических изысканий утвердил Фрейда в его мнении, что мы пользуемся во сне архаическим языком, отвечающим потребностям сновидения, но отнюдь не потребностям нашего бодрственного состояния. Возможно, что, как меня уверяли, сообщение Абеля устарело. Психическая деятельность вполне признает, однако, соединение противоположных понятий и пользуется им в малом и большом.

Штекель назвал это явление биполярностью всей психической деятельности. После него Блейлер назвал аналогичное явление, вся важность которого, однако, ускользнула от него, гораздо менее удачным словом амбивалентность, и ортодоксальная школа Фрейда пользуется исключительно этим термином, чтоб заставить забыть лучшее обозначение Штекеля. Это ненавистничество приводит к тому не-

приятному результату, что ортодоксальная школа недостаточно четко понимает и применяет понятие биполярности. Амбивалентность заимствована у химии. Существуют элементы, могущие вступать в соединение с двумя другими элементами. Они амбивалентны. Так и представление о какомлибо лице может соединяться с двумя различными чувствами. Душа Брута одновременно полна любви и ненависти к Цезарю.

Адлер называет это «скрещением влечений».

Между тем, из термина «амбивалентность» не вытекает, что двойные чувства, с которыми мы соединяем наши представления, всегда представляют пару противоположностей; ведь одновременно существуют ненависть и любовь, удовольствие и неудовольствие, влечение и страх. Гораздо более счастливой была идея использовать сравнение с железным стержнем, из которого образуется магнит, когда под влиянием намагничивающей силы разделяются оба полюса.

Психические феномены биполярны, как магнетизм; и, судя по последним воззрениям Фрейда, можно, по-видимому, допустить, что только благодаря этой биполярности из равномерной монотонности безжизненного возникла жизнь.

В 1920 г. Фрейд поразил нас открытием, что наряду с принципом удовольствия, который со времени эллинской культуры именуется Эросом, во всем живущем существует еще другой принцип: все живущее хочет умереть. Оно происходит из праха и хочет снова обратиться в прах. В нем живо не только влечение к жизни, но и влечение к смерти.

Фрейд сделал это сообщение внимательно прислушивающемуся свету под впечатлением смерти своей цветущей дочери. Он потерял ее после того, как в течение многих лет ему пришлось трепетать за жизнь близких, принимавших участие в войне. Мы слышим надгробное слово Фрейда у могилы его дочери: «Если мы сами должны умереть и до того пережить смерть самых любимых людей, то нам приятнее погибнуть вследствие подчинения неумолимому закону природы, суровой «ананке», чем случаю, которого, быть может, возможно было бы еще избежать; но эта вера во внутреннюю закономерность смерти, возможно, тоже есть лишь одна из иллюзий, созданных нами, чтобы выносить тяжесть существования».

Штекель, привыкший оперировать понятием биполярности, уже за десятки лет до того открыл в сновидениях влечения к смерти и понимал их, как биполярное противопоставление кипучей жизни. Великие художники не раз описывали

смерть, стоящую вплотную позади жизни, и ее своеобразное родство с жизнью. Кто из тех, кому пришлось перенести тяжелую болезнь, не помнит блаженного и томительного желания уснуть и не проснуться. Тоска по смерти представляет лишь другую форму, в которой нами осознается тоска по жизни. Поэтому индусская философия и ее наиболее крупный представитель, Шопенгауэр, отрицают самоубийство. Жизнь не преодолевается самоубийством. Влечение к смерти утверждает жизнь, биполярным дополнением которой оно является. Влечение к смерти не имеет ничего общего со смертью.

Чтобы определить, что́, в сущности, представляет собою смерть, я должен был бы быть нирванистом, подобно Шопенгауэру и индусам. Ее можно узреть только очами мистика. Я примыкаю к грекам, усматривавшим в смерти чистейший негатив, ничто, не существующее нигде в жизни. Существует, напротив, нечто другое, что мы безоговорочно приводим в связь с этим ничто, и это другое — страх. Страх смерти и тоска по смерти биполярно взаимно связаны и вместе они опять-таки образуют полюс, по отношению к которому любовь к жизни и страх перед жизнью образуют противоположный полюс.

Как мы видим, отношения довольно-таки запутанны. Путем беспрерывного деления простого возникает жизнь со своей бесконечно разветвленной биполярностью. Сообразно личной математической одаренности эти разветвления можно проследить более или менее далеко в чаще психических феноменов.

Кому кажется странной мысль, что смерть и страх смерти — две вещи разные, или, вернее, смерть — ничто, а страх смерти — все, что мы можем представить себе о смерти, — пусть тот уяснит себе из поведения меланхоликов различие между смертью и страхом смерти. Эти душевнобольные живут в непрестанном страхе смерти. Они не в силах выносить вечного ужаса и, чтоб избежать страха смерти, идут на смерть. Таким образом, они не испытывают страха перед смертью, как таковой; они испытывают страх, и этот страх порождает смерть. Однако, если страх порождает смерть, можно ли придумать бо́льшую противоположность к любви, порождающей жизнь, чем страх?

Так мы возвращаемся к идее, возникшей у Фрейда еще в 1895 г., когда он описывает невроз страха. Страх и любовь, действительно, взаимопротивоположны и при этом они обще-

го происхождения; они — биполярные явления одного и того же первичного образа.

* * *

Разделение на мужское и женское свободно может быть подведено под великий закон биполярности. Мужчина и женщина, взятые каждый сам по себе, еще не цельная человеческая личность. Только из их соединения получается вид: человек. Однако, чтобы они могли существовать, как индивиды, каждый из них стал биполярным, т. е. бисексуальным; некоторые растения и низшие животные — гермафродиты: мужское и женское находится в одном и том же существе. Высшее развитие разъединяет оба пола. Однако, как радикал в органической химии не может вести самостоятельного существования, но принудительно вступает в соединения, так ни один из обоих полов не может существовать сам по себе: в нем живет часть другого пола. Эта двуполость, этот облигатный гермафродитизм представляет отрицание, как бы протест бесполого предшествующего периода по отношению к современности, дифференцировавшейся в половом отношении. Поэтому я сказал: либидо через бисексуальность освобождается от сексуальности, и дальше: у Эроса нет пола.

Об этом можно было бы сказать многое. Но здесь мы у самой границы, пожалуй, даже уже переходим границу, отделяющую научное размышление от мистики. Наблюдателю становится не по себе. Можно ли установить, что закон бисексуальности подчинен закону биполярности? Возможно и обратное. Фрейд нашел, что «сексуальное поведение обладает формирующей силой, благодаря чему оно оказывает преобразующее действие на прочие реакции человека» (99); подобно этому и все биполярное могло бы быть создано по образцу: мужчина и женщина, он и она. Так, по крайней мере, можно было бы понять слова Фрейда, называющего либидо мужским, а страх женским. Жизнь — мужское, смерть — женское. Для разума это означает лишь, что одно положительное, другое отрицательное. Только мистик может увидеть в этом бóльшее.

Что касается страха, то я давно уже указал на то, что он может обнаруживаться в двоякой форме, подобно кривой сладострастия. Существует равномерно протекающий страх, который ввиду его нерасчлененности и нескончаемости можно назвать женским. Существует также пароксизм страха, быст-

ро нарастающий до ужаса, чтобы закончиться смертью. По своему течению он походит на кривую мужского сладострастия.

«Я думаю, — говорит Фрейд, — на этом пора кончить». И он добавляет: «Можно было бы спросить меня, в какой мере я сам убежден в развиваемых здесь мной предположениях (100). Мой ответ гласил бы: я сам не убежден и не стремлюсь добиться веры у других. Правильнее: я не знаю, в какой мере я верю в них... Ведь можно отдаться ходу мыслей, развивать их, поскольку это возможно, исключительно из научного любопытства, или, если хотите, в качестве advocatus diaboli, который из-за этого все же не продает себя дьяволу».

В этих словах самый настоящий Фрейд. Томительное желание узреть, наконец, вместо вечной видимости действительно сущее живет во всех великих умах. У Фрейда склонность к мистическому созерцанию всегда вела борьбу с механизирующим описанием. Фрейдовские механизмы означали бы сухой термин для сухого предмета, если бы за ними не трепетала жизнь чего-то другого, что Фрейд всегда подавлял, пока это не прорвалось в его позднейших сочинениях, как будто против его воли; он постоянно как бы извиняется: никто, мол, не обязан верить его учению, он сам не знает, в какой мере он верит ему, и проч. Суровость Фрейда, растущая с годами, обусловлена самоотречением, с которым он, испытывая страх перед лучшей своей способностью, всю жизнь выполнял свою исследовательскую работу. Созерцатель по натуре, он с жаром добивается успехов в области естествознания, опирающегося на наблюдение. Отсюда великое огорчение по поводу случая с кокаином. Отсюда еще ранее — героическое решение изучать медицину, несмотря на склонность к умозрительным наукам. Бегство в Париж. Поразительное для него ощущение счастья в физиологической лаборатории, к которой его совсем не влекло. Он описывает, что у него с Брюкке бывали трения, так как он часто опаздывал. Как он сам истолковал бы опоздание? Как сопротивление? Где хорошо себя чувствуют, туда не опаздывают. Но анатомия ammocoetes'a (101) не была адекватным занятием для созерцателя.

У великих людей часто наблюдается отодвигание на задний план их основной склонности в пользу других занятий, которым они всеми силами стремятся предоставить первенство. Биполярное напряжение, вечная борьба двух полюсов, отталкивающихся друг от друга и все же немыслимых один без дру-

гого, а потому всегда остающихся связанными, скрывает в себе, может быть, тайну гения. Бесспорно, оно скрывает в себе тайну успеха. Ницше, переоценивавший все ценности антихрист, был, по существу, консервативный пастор. Карл Маркс, диалектик, учивший материалистическому пониманию истории и теории товарообмена, был пылким человеком, исполненным этики и пафоса. Шопенгауэр уничтожил ценности всего земного, потому что, по внутренним причинам, он не в состоянии был добиться высшего, что можно получить на земле, — женщины. Мы довольствуемся этими тремя примерами. Весь блеск, вся сила этих людей проистекает из этого захватывающего конфликта их личности, который каждым чувствуется и которым каждый заражается.

Так и Фрейд воспламенил мир. Многие думают, что психоанализ изменит лик земли. Но еще не пришло время вынести окончательное суждение о Фрейде. Он жив и работает, и никто не в состоянии предсказать, что возможно для гениального ума. Многие превозносят его до небес, многие поносят его. Я не воображаю, что нашел правильную середину. Я знаю, что этот опыт характеристики Фрейда и его учения вполне субъективен. И у меня биполярная установка по отношению к нему. Он покинул меня однажды, когда я переживал личный конфликт. Тогда он был для меня, как и для всех учеников, прообразом отца. Смерть отца — так он учил нас — важнейшее событие в жизни каждого мужчины. Быть может, есть еще одно событие, по важности не уступающее утрате отца. У меня родился сын. Мне больше не нужен отец. Я сам стал отцом. Отсюда я почерпнул силы вновь приблизиться к психоанализу, с которым у меня в течение долгих лет сохранялась лишь слабая связь.

Началом возобновляемой работы пусть послужит эта книга о Зигмунде Фрейде.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) «Die Traumdeutung». Wien. 1900. — II изд. 1909. — III. 1911. — IV. 1914. — V. 1919 — VI. 1922. Многочисленные переводы. При указании страниц я ссылаюсь всегда на обозначенное в дальнейшем буквой Т. второе издание.

2) Т., стр. 266.

3) Герман Свобода в Вене приписывает семилетнему периоду особое значение. Я постараюсь показать, что годы 1884, 1898, 1905 и 1912 были для Фрейда критическими.

4) Т., стр. 135.

5) Пример сурового исполнения долга, Т., стр. 162.

6) Т., стр. 109.

7) Т., стр. 259.

8) «Sammlung kleinerer Schriften zur Neurosenlehre» (в последующем коротко: Sammlung), V, стр. 144.

9) Sammlung, IV, стр. 4.

10) Т., стр. 270.

11) «Psychopathologie des Alltaglebens» (в последующем коротко: Ps.), IX изд., стр. 264 ff.

12) Т., стр. 258.

13) Т., стр. 267.

14) Т., стр. 151.

15) Следующее замечание находится еще в 1906 г., т. е. почти через 25 лет после открытия Шарко, в сборнике «Deutsche Klinik», издаваемом Лейденом и Клемперером (т. VI, 2, стр. 157): «Учение о психогенном происхождении некоторых симптомов находится еще на весьма зыбкой почве. Каким образом, например, образуются у детей путем представления редкие симптомы?».

16) Оба приведенных шутливых замечания, особенно более остроумное второе, могут служить примерами для теории Фрейда относительно шутки, как замены мышления и вызываемого по этому поводу веселого настроения. Шутки, отвлекая нас от проблемы, тем самым избавляют от работы мышления. См. Freud, «Der Witz und seine Beziehung zum Unbewussten», 1906 — III изд. 1921.

17) Т., стр. 267.

18) Sammlung, I, стр. 2.

19) Т., стр. 147.

20) «Jenseits des Lustprinzips», стр. 56.

21) «Ueber den psychischen Mechanismus hysterischer Phänomene» 1893 (теперь также в Sammlung, 1).

22) «Studien über Hysterie», Вена 1895. — III изд. 1921.

23) Sammlung, VI, стр. 1 ff.

24) Т., стр. 298.

25) «Ueber die Berechtigung von der Neurasthenie einen bestimmten Symptomenkomplex als «Angstneurose» abzutrennen». (Sammlung, I, № 5).

26) Wilhelm Stekel, «Nervöse Angstzustände und ihre Behandlung», III изд. 1921.

27) См. также Т., стр. 150.

28) «Allgem. Neurosenlehre», XXV, 1917.

29) Stekel, «Onanie und Homosexualität», III изд. 1923.

30) Т., Введение ко II изданию.

31) В учении Фрейда значение отца приобретает все большую важность. В своем последнем произведении («Das Ich und das Es», 1923) он сводит совесть, «идеал-я» «или «сверх-я» на комплекс отца.

Пианист профессор М. Р. рассказал мне следующее: «В семидесятых годах я и мой отец повстречались на улице со старым Фрейдом (отцом Зигмунда). У меня как раз вышло разногласие с моим отцом. Старый Фрейд сказал: «Как? Перечить отцу? У моего Зигмунда в мизинце ноги больше ума, чем у меня в голове, и все же он никогда не посмеет мне противоречить».

32) Например, в «Menschliches Allzumenschliches», 1, 12, 13.

33) Sammlung, IV, стр. 12.

34) 2-е изд. 1921.

35) Когда Александр Великий — сообщает Артемидор — хотел уже окончательно отказаться от осады Тира, ему приснился пляшущий сатир. Снотолкователи поздравили его, так как они давали сатиру следующее толкование: твой Тир.

36) Из Фрейда «Jenseits des Lustprinzips» 1920.

37) Sammlung, IV, 1922, стр. 13.

38) Sammlung, V, стр. 201.

39) Например, один из членов оспаривал за мной право называться психоаналитиком ввиду того, что я не состою членом Общества.

40) IX изд. 1923.

41) Т., стр. 300, и Ps., 1923, стр. 170.

42) Т., стр. 75.

43) Т., стр. 300.

44) Т., стр. 257 и 297.

45) Sammlung, 1, 10.

46) W. Stekel, «Coitus im Kindesalter».

47) Ps., стр. 60.

48) Т., стр. 94.

49) По Фрейду, оральная и анальная фазы сексуальности.

50) Freud, «Formulierungen über die zwei Prinzipien des psychischen Geschehens». Sammlung, III, № 5.

51) Пятое издание, 1922.

52) «Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben». Sammlung, III, № 1.

53) Например, в моей книге «Alles um Liebe», 1912, и в друг. местах.

54) Но гомосексуальность не покрывается фрейдовским понятием инверсии. Смотри по этому поводу: Stekel. «Störungen des Trieb- und Affectlebens»: Bd. II. «Onanie und Homosexualität». — Bd. V. «Psychosexueller Infantilismus». — Bd. VII. «Der Fetischismus».

55) Т., стр. 185 и след.
56) «Drei Abhandlungen», 1922, стр. 89.
57) Sammlung, IV, стр. 4 и 73.
58) Sammlung, II, № 5.
59) 1915 — 1917.
60) Sammlung, IV, № 20.
61) Sammlung, III, №№ 3 и 4.
62) Sammlung, IV, № 1.
63) «Zentralblatt für Psychoanalyse», 1910 — 1913.
64) «Massenpsychologie und Ich - Analyse», 1921. Одновременно образчик его великолепного стиля.
65) «Medizinische Klinik» 1923, № 11.
66) К слову психоанализ: Расколы в психоаналитической школе и борьба церквей средневекового христианства, которая, как известно, доходила до гражданской войны из-за одной буквы, имеют много сходных черт. Здесь также идет спор из-за буквы «о» (психоанализ или психанализ). Филологически правильнее было бы сказать психанализ. Основоположник учения считает слово с «о» благозвучнее и обязал своих учеников писать с «о». Штекель пишет «психанализ». Блейлера и Пфистера Фрейд снова привлек на свою сторону.
67) Главные произведения Адлера: «Ueber den nervösen Charakter», III изд., Wiesbaden 1922. «Das Problem der Homosexualität», München, 1917, «Praxis und Theorie der Individualpsychologie» ,Wiesbaden, 1920.
68) Vorlesungen, Taschenausgabe, стр. 445, и Sammlung, IV, 1922, стр. 82 и след.
69) Sammlung, IV, 1922, стр. 83.
70) «Die Lehre von den Geschlechtsverirrungen», 1921.
71) Sammlung, IV, стр. 100.
72) Otto Rank, «Der Künstler», Wien, 1907. Fritz Wittels, «Tragische Motive», Berlin, 1911, и «Alles um Liebe», Berlin, 1912.
73) В «Jahrbücher für Psychoanalyse», 1911 и 1912 гг.
74) «Ueber das Traumproblem», Wien, 1910.
75) См. главу о вытеснении и перенесении.
76) «Das Ich und das Es», 1923, стр. 64.
77) Stekel, «Fortschrifte der Traumdeutung». Zentralbl. IV, 1914.
78) S. Freud, «Totem und Tabu», einige Uebereinstimmungen im Seelenleben der Wilden und Neurotiker», II изд. 1920. Intern. psychanalitischer Verlag.
79) «Totemism und Exogamy».
80) Штекель вскрыл фетишизм, как бессознательную религию больного. См. его «Fetischismus», 1923.
81) W. Stekel, «Impulshandlungen», 1922.
82) F. Wittels, «Alles um Liebe», 1912.
83) F. Wittels, «Die sexuelle Not», 1909.
84) J. Sadger, «Friedrich Hebbel. Ein psychoanalitisch. Vernuch». Dentiche.
85) F. Wittels, «Tragische Motive». Berlin, 1911.
86) F. Wittels, «Der Juvelien von Bagdad», Berlin, 1914.
87) См. также Фрейда, «Ueber die allgemeinste Erniedrigung des Liebeslebens». Sammlung, IV, №№ 13 и 14.
88) «Massenpsychologie und Ich - Analyse», стр. 73.
89) Фрейд здесь повторяется. Что он был близок к открытию нарцизма уже до 1900 г., показывает следующая выдержка из «Толкования сновидений»: «Легко заметить, как подавленная мегаломания отца переносится в

его мыслях на детей; весьма вероятно, что это и есть один из тех путей, по которому направляется сделавшееся в жизни необходимым подавление мегаломании».

90) Два примера см. в этой книге.

91) Imago, VIII, 1.

92) Sammlung, V, № 3.

93) Sammlung, IV, стр. 69 и 80.

94 Выражение пациента Фрейда, Sammlung, III, № 2 — см. также «Totem und Tabu».

95) «Diskussionen der Wiener psychoanalitischen Vereinigung: über den Selbstmord». Wiesbaden, 1911.

96) Freud, «Jenseits des Lustprinzips», стр. 13.

97) См. по этому поводу: «Das Ich und das Es», стр. 56.

98) Т., стр. 138.

99) Sammlung, III, стр. 190.

100) «Jenseits des Lustprinzips», стр. 55. Оборот речи толковался так, будто бы Фрейд относится весьма скептически к своему собственному учению. Это злостное недоразумение. Фрейд говорит здесь лишь о некоторых узорах хода своих мыслей в цитированной книге.

101) Т., стр. 252. Диковинная рыба, которую Фрейд препарировал у Брюкке.

СОДЕРЖАНИЕ

Виттельс Фриц

Фрейд. Его личность, учение и школа.

(перевод с немецкого)

Технические редакторы М. Г. Бойкова, Т. А. Савельева,

Корректор В. Н. Лыткина

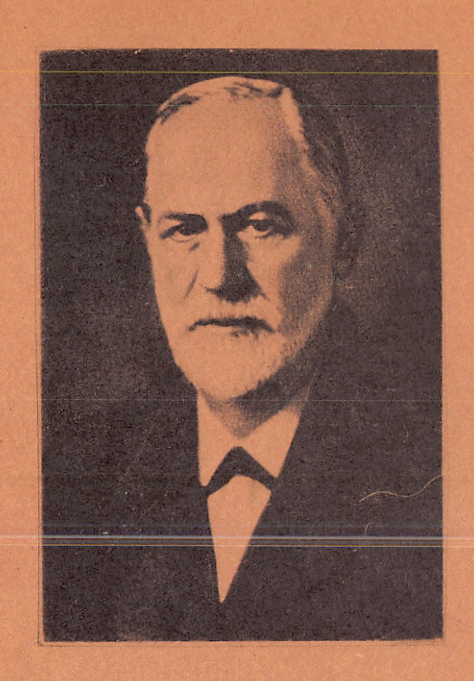
Сдано в набор 23.XI.90. Подписано в печать 13.III.91.
Формат 60×84 1/16. Бумага типографская № 1
Гарнитура литературная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 11,6. Усл. кр.-отт. 11,2. Уч.-изд. л. 11,0.
Тираж 100.000. Заказ 4345. Цена 5 руб.

МП «Эго»

Ленинградское отделение РППО «Союзбланкоиздат»,
191011, Ленинград, канал Грибоедова, 20.
Издательство «Прометей» МПГУ им. В. И. Ленина.

Псковская областная типография управления издательств,
полиграфии и книжной торговли Псковского облисполкома
180017, г. Псков, Рижский пр., 17.

Ф. ВИТТЕЛЬС

ФРЕЙД

ЕГО
ЛИЧНОСТЬ
УЧЕНИЕ
И ШКОЛА

Зигмунд Фрейд (1856–1939) – знаменитый австрийский врач-психиатр и психолог, основоположник психоанализа – метода психотерапии и оригинального психологического учения, в центре которого находится анализ бессознательно-психических процессов. Влияние идей Фрейда сказалось на самых различных направлениях современной философии, социологии, социальной психологии, литературы и искусства.

8-75

5 р.